КУКУК
АЛЕКСЕЙ ЕВСЕЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этот текст является чисто биографическим и в нём отсутствуют какие-либо вымыслы. Возможны ошибки, неверное восприятие реальности, слежавшиеся воспоминания, невероятные совпадения, но ни в коем случае — фантазия.

Прожив эмигрантом в Германии 11 лет, в 2007 году я решил было вернуться в родной город. В Петербург. Вернувшись, начал писать письма русскоязычным друзьям в Германии, стал рассказывать обо всём том, что им могло быть интересным. Я писал сперва один текст на всех, затем сохранял его под именем адресата, прочитывал, держа друга-подругу в голове, и мысленно обращаясь к нему, вносил корректуры в зависимости от затронутых в нем тем. Очень быстро мне это дело наскучило, и я стал лениво отсылать всем одно и тоже по электронной почте на несколько адресов единовременно. Оттого — что теперь я писал, не имея перед собой конкретного лица, — письма мои сами собой обратились в повествовательную форму. Набралась у меня, таким образом, чёртова дюжина этих полурассказиков.

Этими текстами я продолжительное время разговаривал с самим собой. Забалтывал себя ими от депрессии. И они мне, признаюсь, помогали.

- Алексей Евсеев
  - От автора
  - На воле
  - Захват
  - Вуншдорф. Клиника. Отделение А5.2
  - Художник
  - Отделение А5.2 (продолжение)
  - Тётя Нина
  - Отделение А 4.1
  - Großeltern[53]
  - Отделение А 3.1
  - Коротко о детстве
  - Отделение А 3.1 (продолжение)
  - Интернет-кафе
  - Отделение 3.1 (продолжение)
  - Предыстория. Поездка в Питер
  - Маме 60
  - Отделение 9.0
  - Коллекционер
  - Рассказ о Марше Несогласных

    - OpenSource
    - «Кукушка"
    - Отделение 9.0 (окончание)
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

Алексей Евсеев
Кукук

посвящается моим детям: Севе и Насте

Настя (в 2 года): У тебя усы.
Я: А у тебя трусы.
Настя: А у тебя маечка.
Я: Где ты видишь у меня маечку?
Настя: Одевайся! Ты голый! Ты похой!

Не соображаешь. В больнице
тебя вылечут…

«В твоих глазах вопрос.
Тебя бы вот в эти стены.
Придумай, что надо сделать».

Земфира

«Здравствуй, мама
Плохие новости
Герой погибнет
В начале повести

И мне останутся
Его сомнения
Я напишу о нём
Стихотворение»

Земфира

От автора

Этот текст является чисто биографическим и в нём отсутствуют какие-либо вымыслы. Возможны ошибки, неверное восприятие реальности, слежавшиеся воспоминания, невероятные совпадения, но ни в коем случае — фантазия.

Фантазировать я умел когда-то, в далёком своём детстве. С возрастом я эту способность растерял, превратившись в беспощадного документалиста. Таким образом я лишь фотографировал свою жизнь, точнее происходящее со мной на коротком промежутке времени (менее одного года), насыщая свой фотоальбом картинками-воспоминаниями из детства. Мой взгляд при этом абсолютно субъективен. Я описываю всё односторонне, изнутри самого себя, не гонюсь ни за объективностью, ни за художественностью. Я также не стал скрывать своей глупости и цинизма. Я был предельно откровенен.

Каркас этой книги составлен мною из нескольких писем, адресованных моим близким друзьям. Я ни разу до сих пор не пробовал себя в литературном жанре и никогда прежде не думал заниматься этим творчеством. Всё произошло помимо моей воли и абсолютно случайно.

Решившись на создание книжного текста, и занявшись его подготовкой, я многократно перечитывал рукопись, попутно

вспоминая что-то упущенное, и вносил в текст дополнения. Затем я переключался на обдумывание недостающих частей, т. е. на структуру текста, пытался его выстраивать. Не всегда удачно.

Рылся я в памяти словно рыбак, закидывающий сеть в море. Сетью этой были прочтения, морем — бардак в моей голове. Таким образом, мало-помалу, ловил я тех рыбок, которыми были — пояснения, упущенные сценки, детали, воспоминания, впечатления, аллюзии. Текст, таким образом, множился и укреплялся. Я внимательно следил за его действием на себя самого, себя-читателя. Был очень рад, когда охотно перечитывал одни и те же куски в который уже раз. Потом случилось так, что сеть не принесла очередного улова, она оказалась пуста. Текст был закончен. Мне оставалось лишь ждать подходящей развязки. Была куча всяких выдуманных глупых концовок, которыми я перешучивался с друзьями, но той, которая отпечатана здесь, ещё не было и в помине. Я лишь плыл по течению в её направлении и ждал от неба погоды. Свойственное мне состояние лежачего камня, под который отчего-то что-то всё-таки подтекает…

Прожив эмигрантом в Германии 11 лет, в 2007 году я решил было вернуться в родной город. В Петербург. Вернувшись, начал писать письма русскоязычным друзьям в Германии, стал рассказывать обо всём том, что им могло быть интересным. Я писал сперва один текст на всех, затем сохранял его под именем адресата, прочитывал, держа друга-подругу в голове, и мысленно обращаясь к нему, вносил корректуры в зависимости от затронутых в нем тем. Очень быстро мне это дело наскучило, и я стал лениво отсылать всем одно и тоже по электронной почте на несколько адресов единовременно. Оттого — что теперь я писал, не имея перед собой конкретного лица, — письма мои сами собой обратились в повествовательную форму. Набралась у меня, таким образом, чёртова дюжина этих полурассказиков.

Удрав позже, получается что так — удрав, из Питера в Германию и попав в психиатрическую лечебницу, я пережил очень много сильных впечатлений, которые, как мне показалось, и отсюда, из скучнейшей страны Германии я могу продолжить свои наблюдения, свою житейскую эволюцию, смогу рассказывать о чём-то неизвестном моим прежним адресатам. Более того, возникла непреодолимая потребность писать. Своего рода несвойственный мне вирус графоманства. В больнице я писал уже большей частью для себя самого, но, тем не менее, очень надеялся, что и моим друзьям эти тексты покажутся занимательными. Теперь очень хочу, чтобы их смогли воспринять и чужие мне читатели. Надеюсь на это.

Этими текстами я продолжительное время разговаривал с

самим собой. Забалтывал себя ими от депрессии. И они мне, признаюсь, помогали.

Я очень благодарен всему кругу своих друзей, которые меня поддерживали всё это время и переживали за меня. Без них не было бы ни меня, ни тем более этой вот книги.

На воле

<…>

…Я провёл несколько удивительных дней с детьми. Понял, что не выдумкой была вся эта дикая тоска по семье.

Как я того и желал до сих пор, так хочу этого и сейчас — всё осталось на своих местах — мне необходимо находиться вот здесь среди них: моей [бывшей] жены Тани, нашей дочери Насти и нашего сына Севы. Вот так вот — категорично. Хочу быть нормальным отцом, а не воскресным папой. Я понял также, что не иллюзия моя любовь к Татьяне. Без жены мне не жить. Но именно из-за неё и пришлось уйти. Уйти уже во второй раз. Вчера она сказала мне, что я для неё теперь совершенно чужой человек. Сегодняшний очередной всплеск Таниной ненависти по отношению ко мне сделал своё дело…

<…>

Настя: Папа, ты куда?

Я: Мне, Настенька, надо уехать, котёнок.

В моих глазах резь от слёз.

Настя: Куда? К бабушке?..

Я (торопливо): Нет, Настюш… Далеко-далеко… (Нужно торопиться. Таня уже звонит в полицию). Будь счастлива, моя любимая! Я тебя очень люблю! (в очередной раз целую её).

Настя: Я тебя тоже люблю, папа!

Я: Пока!.. (лишь бы не расплакаться)

Настя: Пока, папа!..

Выбегаю на лестничную площадку, закрывая за собой дверь. Несусь вниз в надежде услышать Танин голос вдогонку: «Лёша, подожди! Ну, подожди же!» Выхожу на улицу. Слышу звук открывающегося окна. Знаю, что это про мою честь. Поворачиваю голову в направлении крыши. Там в окне Таня с телефоном. Машу ей на прощанье рукой (она сосредоточена на телефонной трубке) и иду прочь в сторону деревушки Фельбер. Думаю о том, что вот наконец-то всё подошло к тому концу, к которому я шёл уже несколько лет. Даже не несколько, а много-много лет. С подросткового возраста.

К чёрту эту жизнь! Всё, приехали!

Топал-топал да притопал.

Думаю о том, что когда-же-когда-же мне станет страшно и придётся преодолевать в себе эту свою телесную трусость. Буду смотреть на неё со стороны. Это я теперь умею, научился-таки. И

на этот раз сделаю всё так, как то было заранее решено… А решился я ещё тогда, более двух лет назад, когда Таня в письменном виде попросила меня уйти из семьи. Всё, что произошло вслед за этим, стало лишь отложенным на потом. Были надежды. Теперь их больше не осталось. Я уже готов. Я уже многажды планировал свой уход из жизни. Каждый раз, когда мне от этих образов становилось не по себе, я перечитывал текст из «Хагакуре»:

«Meditation on inevitable death should be performed daily. Every day when one's body and mind are at peace, one should meditate upon being ripped apart by arrows, rifles, spears and swords, being carried away by surging waves, being thrown into the midst of a great fire, being struck by lightning, being shaken to death by a great earthquake, falling from thousand-foot cliffs…»[1]

Моя смерть стояла в конце этого списка. Это падение я сотни раз переживал во сне. Знал его наизусть. После этого заклинания страх исчезал. Пафос был мне в помощь. Я тренировал себя таким образом. Каждый раз пугался всё реже и реже. И в эти дни был к этому безобразию полностью подготовлен.

Акрам потом скажет, что ожидал от меня непременно какой-то неординарной смерти — типа харакири, т. к. его друг иначе бы не смог. Хм… Я, собственно, хотел это сделать так, чтобы меня не нашли… Я не хотел того, чтобы у меня была могила. Я хотел испариться. Пропал — это не так больно для моих близких, как если бы — вот умер, распишитесь… С дырявой надеждой жить легче, чем с убедительным фактом. Не с каждым фактом можно примириться. С надеждой всё куда проще.

Я шёл прочь от дома. Так получилось — по-прямой. Ждал впрыска понятной трусости в организме. Но всё оказалось иначе. Я просто вздохнул с облегчением. Стало легко. При этом мимо пролетела надежда — Таня догоняет меня на велике. Я оборачиваюсь. Никого нет. Всё.

Так даже лучше. Много лучше. Нет больше ни лжи, ни обмана. Точка-кочка.

Прочь-прочь от всего того, что окончательно перестало быть моим. Любовь, дети, родители, друзья… Смерть надеждам — смерть телу. Действие магнита, тянущего к жизни больше не действует. Поворачиваю за угол, иду в направлении Бентеберг.[2] Нужно уйти как можно дальше, туда в лес, в горы, настолько, насколько хватит сил, и сегодня-завтра обязательно найти себе ту thousand-foot cliff, спрыгнуть…

Захват

Чувствую притормаживающий рядом автомобиль. Поворачиваю голову на его шум.

Полиция.

Надо же, как неожиданно!

Полицейский-водитель: Hallo! Sind Sie Herr Josef?!.[3]

Догадываюсь, что это обещанная Таней полиция.

Я (равнодушно мотая головой): Nein.[4]

Полицейский: Sind Sie sicher?!.[5]

Я: Ja. Mein Name ist Jew-sej-jew…[6]

Дальше все, что будет говориться по-немецки, я записываю в переводе.

Полицейский: Вы уверены, что Вы не господин Йозеф?

Я утвердительно качаю головой.

Полицейский догадывается по моему внешнему виду, что я именно тот, кого они ищут.

Он (выходя из машины): Ваша жена обеспокоена Вашим состоянием…

Я молчу.

Из машины также выходит женщина-полицейский и преграждает мне путь с той стороны, в которую я направлялся. За моей спиной — стена из кустарника, впереди — машина, по бокам — полицейские. Я в западне.

Мужчина женщине вполголоса: Да, это он.

Она связывается с кем-то по рации и сообщает о том, что меня нашли.

Они вежливо и одновременно просят меня предъявить аусвайс.[7]

Кстати, по странному совпадению, я взял его с собой таки для полиции. Подумал ранее, будучи ещё в квартире, что, а вдруг, они меня ночью где-нибудь остановят… Отчего-то возникла такая мысль…

Ватными руками достаю аусвайс из нагрудного кармана и не знаю, кому из двоих его отдать. Протягиваю мужчине, а надо было женщине. Она забирает его у меня и возвращается в машину. Я думаю о том, что сейчас бы вот рвануть прочь. Там вон — через сотню метров — уже видна тропка, по которой машина не проедет. Не побегут же они за мной. Или побегут?

Полицейский: Ваша жена позвонила нам… Что Вы собирались делать?..

Я: Хочу покончить с собой…

Он явно удивлён моей откровенностью. Второй вопрос

следует с заметным запозданием.

Полицейский: Каким образом?

Я: Каким-нибудь.

Далее идут бесконечные расспросы — почему да зачем. Глупо играть в молчанку, и я отвечаю на вопросы — честно и прямо.

Полицейский: Вы поссорились?

Я: Нет. Мы расстались мирно.

Он: Вы её били?

Я (удивляясь вопросу): Нет…

Никогда не бил.

К нам подходят два мальчугана. Им интересно: полиция, задержанный, что-то случилось…

Полицейский: Валите отсюда!

Они, молча, смотрят на него.

Полицейский пытается их прогнать.

Всё это время женщина ведёт переговоры по рации, считывая мою информацию с аусвайса. Мне уже ясно, что просто так они меня не отпустят. Немного стыдно за то, что так глупо попался. Почему не пошёл другим путём? Тогда бы меня уже не нашли, ушёл бы «огородами» в лес. Жаль, не догадался. Не знал, что полиция так оперативна. Да я о полиции и не подумал. Забыл о ней тут же, как помахал Тане. Мысли даже не мелькнуло, что меня вычислят. Просто дышал этим своим предсмертным воздухом и топал.

Опять желание пробежаться, но не решаюсь — а вдруг всё-таки побегут за мной, догонят (я ведь не спортсмен) и будет стыдно на всю катушку. Вокруг уже скопилось несколько человек, наблюдающих нас.

Два десятка вопросов, два десятка ответов.

Полицейский: Вы употребляете наркотики?

Я: Нет.

Он: Вы принимаете медикаменты?

Я: Нет.

Он: Что нам теперь с Вами делать, господин Josef? Простите, господин (неудачная попытка произнести мою фамилию)…

Я: А какие есть варианты?

Он: Мы отвезём Вас добровольно к врачу…

Я: А если я откажусь?!

Он: Тогда… нам придётся доставить Вас в участок…

Всё говорится предельно вежливо.

Я: …Ясно. А из участка опять-таки к врачу…

Он начинает мне объяснять почему «насильно». Мол, я могу себе «навредить», находясь в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, а им бы этого не хотелось, да и по закону…

Я: Ok.

Не дослушав его, я делаю шаг к машине, чтобы залезть в неё на заднее сидение, забиться там в угол и замолчать. Дверца заперта. Полицейский вежливо останавливает меня и просит позволения на обыск. Ja, bitte![8] Развожу руки в стороны. Ничего подозрительного не найдено. Я могу садиться в машину, но только с другой стороны. Видимо, сидеть за спиной водителя не положено. Женщина выходит из машины и пересаживается на заднее сидение рядом со мной — лицом ко мне и так на протяжении всего пути. Мне сказано пристегнуться. Двигаемся в путь, на протяжении которого мне приходится по второму разу рассказывать всё то же самое. На этот раз женщине. Я рассказываю, или точнее сказать — коротко отвечаю на вопросы, сам же думаю: какого чёрта им всё это нужно знать?! Любопытство? Привезут в психушку, и будь здоров! Или же для исчерпывающего рапорта?

Привезли, однако, не в больницу, а в полицейский участок. Linden.[9] Начали обзванивать врачей. Несколько раз пересказывают ситуацию со мной. По всей видимости, их отсылают от одной инстанции к другой. В конце концов, договариваются с кем-то. Мне сообщают, что сейчас через какое-то время приедет врач. Предлагают что-нибудь выпить. Я отказываюсь. Сижу тупо около часа. Гляжу по сторонам: ничего интересного. На стене замечаю плакат «Карги»[10]: «Krisentelefon: Zwangsheirat».[11]

Начал думать о детях. Два часа назад я отвёл Севу в школу на занятия гитарой. Что он подумает, вернувшись домой и не найдя меня там?.. Что с Настей? Начинаю плакать. Ухожу в туалет. Реву разве что не в голос. Возвращаюсь, предварительно обсохнув, и прошу наконец-то воды. Во рту дурной привкус. Женщина приносит мне пластиковый стаканчик из-под йогурта или кефира с доверху налитой водопроводной водой. Думаю, что мог бы и в туалете из-под крана попить. Делаю лишь один глоток.

Приехали врачи: женщина и мужчина. Поздоровались. Сначала очень долго общаются с полицейскими в другой комнате (я слышу отрывки разговора, ничего интересного), затем возвращаются ко мне. Вопросы-ответы. Заметно, что они больше наблюдают за мной, за моим поведением, нежели слушают мои россказни. Женщина постоянно смотрит в глаза. Я ей в ответ. Играем в гляделки.

Депрессия от всех этих ерзаний по открытым ранам взяла своё, разлилась по всему телу. Я лишь сдерживаюсь от того, чтобы опять не расплакаться. Врач-женщина отходит ещё раз переговорить с полицейскими. Врач-мужчина задаёт для

проформы пару вопросов и оставляет меня в покое. Сидим, молчим.

Возвращается женщина и говорит, что меня сейчас отвезут в клинику, в которой есть отделение, специализирующееся на суицидальных случаях. Там мне помогут. Меня спрашивают — не против ли я. Я понимаю, что альтернативы опять не будет, и говорю, что нет, не против. Мне всё равно.

Меня отводят в соседний кабинет (тащусь туда, забрав с собой зачем-то стаканчик с водой) и вторично (уже более тщательно) обыскивают. Опять-таки ничего, кроме телефонной карточки, трёх жетонов для питерского метро да пары евроцентов, не найдено. Обыскивая, извиняются за эту необходимость. Тем не менее, мне очень неприятно. Чувствую себя глупо. Я же не вены резать собирался, не травиться… ножа, таблеток не припас, горЫ же у меня в карманах не найти. Выводят обратно в холл. Я опять не знаю, куда деваться с этим стаканом. Ставлю его на стол и забываю о нём. Сижу какое-то время, рассматриваю стенд со значками отличий полицейских. Через четверть часа уводят в кабинет начальника. На полу я тут же замечаю свои вещи. Кто-то съездил за ними к Тане. Зачем она отдала им сумку с компьютером?! Чтобы я потом к ней по этому случаю не заявился, что ли?!.

Мне дают мой кошелёк, из которого полицейские выудили медицинскую карточку. Я забыл её выбросить, покинув пределы Германии полгода назад. Говорю полицейскому, что она больше не действительна, объясняю почему. Мне отвечают, что разберутся.

Начальник участка сообщает мне, что заказал машину из клиники и через полчаса меня увезут в Вунштдорф. Говорит мне также, что по заключению врача я нахожусь в эдаком состоянии, что в любой момент готов броситься под трамвай — в том случае, если меня отпустят на волю. Он сожалеет о принятых против меня мерах. Желает мне всего доброго и советует после прохождения лечения уматывать (нет, не «уматывать», конечно, а вежливо «уехать») в Питер, оставив тем самым свою бывшую жену в покое. Так, он считает, будет лучше. (Я только что хотел оставить её в покое навсегда, так, чтобы потом не донимать её даже телефонными звонками, но мне этого не позволили…) Мне возвращают аусвайс и медицинскую карточку.

Врач-женщина говорит, что мне очень повезло: дежурный врач сегодня в больнице — выходец из Питера. Мы, мол, быстро найдём с ним общий язык.

Прибывают санитары. В комнате шефа скопилась толпа, связанная с моей историей: сам шеф, два полицейских, которые

меня отловили, два, которые меня обыскивали в участке, два врача и два санитара. 9 человек. Чувствую себя неловко при такой-то процессии.

Was kostet das alles zusammen?[12]

Беру свои вещи.

Все с сожалением смотрят на меня. Из-за того, что с каждым из них я уже пообщался, они, видать, чувствуют себя приобщёнными к моей персоне, замаранными в моей истории. Прощаюсь со всей группой одним кивком головы и следом за одним из санитаров выхожу на улицу.

Вдогонку слышу голос врача: Отделение 5.2!

Садимся в Krankenwagen[13], поехали. Меня тут же начинает сильно укачивать. В скорой нет окон, не на чем сфокусировать зрение. Еду словно в холодильнике. Еле дотерпел до высадки.

Вуншдорф. Клиника. Отделение А5.2

Подъехали к пятому отделению, поднялись на второй этаж. А5.2. Не знаю, что значит буква «А»; 5 — номер здания; 2 — отделение.

Позвонили в запертую дверь. Вышел один из медбратьев. Большой, толстый, с кудрявой шевелюрой и редкой бородкой во всё лицо. Он попросил сесть в холле — подождать четверть часа.

Первое, что бросается в глаза в психиатрии, это, конечно же, повсеместная защита на окнах: замки, отсутствие ручек, штыри, торчащие из потолка (они предотвращают открытие форточек на угол, при котором можно было бы просочиться в отрытую щель). Не тюрьма, но есть, есть что-то от тюрьмы. Занавесочки да скатерти на столах мало что скрывают. Нужно сделать поправку: мы находимся всё-таки в цивилизованной стране и здесь ох как далеко до дикости российской психиатрии и уж тем более тюрем; в Германии с антуражем всё поцивильнее, поухоженнее, персонал пообходительней. Так что мне на эту тему лучше бы и заткнуться. Но т. к. я документирую собственные чувства, свои же ощущения и личные наблюдения, то просьба не требовать от меня объективности. Просто впоследствии услышу об аналогичных впечатлениях нескольких пациентов-немцев.

Медбрат спросил меня о наличии медицинской карточки. Я отдал её ему, предупредив о том, что последние полгода прожил в России и страховка, скорей всего, более недействительна. Милый толстяк ответил, что ответственные лица сами во всем разберутся, мне не стоит над этим ломать себе голову.

Пришёл обещанный питерский врач. Спросил по-немецки, на каком языке мы будем общаться, можно по-русски. Я сказал, что мне всё равно. Продолжили говорить в кабинете по-немецки. В сторонке сидел другой врач, рангом пониже, немец. Фрэнк, значилось на его нагрудном значке, высокий, лет сорока. Он ничего не спрашивал, лишь записывал. Я даже не смотрел на него.

Русский врач начал с иронией: Ну что нас привело в столь поздний час сюда?.. Случилось что-то?!

Я промолчал в ответ.

Он рылся в бумагах, время от времени бросая взгляд на меня. Когда же угомонился и сосредоточился на мне — я стал рассказывать.

Русский: Значит Вы хотели себя убить… А как же Вы о нас не подумали, мы бы этому очень огорчились…

Я: О Вас я просто забыл подумать.

Смотрю на его нелепые усики. Чувствую желание посоветовать ему их сбрить.

Он: А Вы знаете, что по статистике: случаи самоубийства в семье учащаются, если таковые уже в ней имели место быть?..

Я: Не знаю. Оставьте моих детей в покое. Это моя мёртвая зона. Я сам не понимаю, что с ней делать. Или же Вы хотите увидеть мои слёзы?!

Он: Как Вы себя сейчас чувствуете?

Я: Плохо. Очень плохо. У меня депрессия. Третий год уже.

Он: А как Вы её ощущаете? Как именно физически?

Я: Тяжесть в груди… Дышать немного трудновато. Лёгкое удушье.

Подумал о том, что можно было сказать «как камень на шее». Но немец-врач бы этого не понял.

Он: Современная медицина легко справляется со случаями депрессии. Есть очень хорошие медикаментозные средства для этого.

Я: Мне это вряд ли поможет. Тем более что я не хочу жить дальше… как растение — не хочу больше. Не хочу быть овощем. Надоело. Хватит уже. Не вижу никакого выхода из своего тупика.

Он: А что Вы скажете, если к Вам прилетит фея и заберёт Вашу депрессию с собой? Вы вздохнёте свободно и…

Я: …ничего не изменится, т. к. проблема, ставшая причиной депрессии, останется…

Он: Вы курите?

Я: Нет.

Он: Алкоголь?

Я: Не знаю, что ответить…

Он: Регулярно или время от времени.

Я: Время от времени.

Он: У Вас уже были попытки самоубийства?

Я: Были.

Он: Когда?

Я: В детстве. Вернее в подростковом возрасте.

Он: Расскажите.

Я: Не хочу об этом говорить.

Он: Сколько вам сейчас лет?

Я: Много. 36.

Он: Вы уже знали, как хотите расстаться с жизнью?

Я: Да.

Он: И как же?

Я: Об этом я тоже не буду говорить.

Он: Вы действительно собирались сделать это или же

пытались испугать таким образом свою жену, чтобы…

Я: Я не актёр.

Он: Хорошо. Мы должны задержать Вас у себя до завтрашнего дня. Это по закону. А завтра приедет судья, и он может дать разрешение о задержании Вас в нашем учреждении сроком до шести недель. Я думаю, что одним днём Вы не отделаетесь.

Я: А потом?

Он: А потом…

Я понял что этих «по шесть недель» может быть несколько.

Я: Всё ясно.

Он: Как вы к этому относитесь?

Я: Никак не отношусь. Но раз так, то… полетаем напоследок над кукушкиным гнездом.

Пауза.

Он: Хороший фильм. Старый, но хороший. Однако в Германии иная психиатрия. Вам нечего бояться.

Интересно, что записал Фрэнк в этот момент?..

Мне предложили таблетки. Сказали, что они абсолютно безвредные, и я не буду сонным, как мне, вероятно, представляются последствия их употребления.

Как оказалось позже, таблетки эти вызывают-таки привыкание, от них тело становится ватным (при этом голова ясная) и из-за них бывают побочные эффекты. Куча всякой дряни. Мне лгали.

Я отказался.

Русский врач: Чем мы Вам можем помочь?

Я: Ничем.

Он: Вы уверены?

Я: Абсолютно.

Он: Вы упёртый человек.

Я: Да, я такой.

Он: А вы подумали о своих родителях? Каково им будет после известия, что вас больше нет в живых?

Сначала о детях, теперь о родителях…

Я: Нет, о родителях я не думал. У меня больше нет контакта с ними. По сути дела — нет больше родителей.

Он: Что вы имеете в виду?

Я: Они не хотят меня больше знать. Типа того, что прокляли.

Он: Как так?

Я: Они не так давно устроили меня в Питере на работу, на фирме у своей подруги и считают себя ей за эту услугу обязанными. Я попытался, вернувшись в Германию, восстановить отношения с женой и из-за этого решил отказаться от следующего проекта. Мне моя собственная семья многократно важнее всего

прочего. Я очень люблю свою жену и своих детей. Я хотел вернуть их себе. Мои же родители, узнав об этом, написали, что так дела не делаются (я их, мол, «подставил») и потребовали моего возвращения назад. В противном случае они не хотят больше ничего знать ни обо мне, ни, почему-то, о моих детях. Хуже того, отчим в тот же день позвонил моей жене, моей бывшей жене, и выразил ей свой ультиматум в устной уже форме… Моим ответом на их требования было следующее: «Я вернулся в Германию лишь с целью поговорить с Таней и в случае невозможности наших дальнейших отношений как семейной пары умереть». Т. е. я в любом случае не вернулся бы назад. Всё было обдумано уже в Питере и окончательно решено в последнюю неделю. Я не принял их ультиматум и попрощался.

Он: Вы будете пытаться покончить с собой в нашем заведении?

Я: Нет.

Он: Точно?

Я: Абсолютно.

Он: Почему?

Я: Не та обстановка.

Он: Я спрашиваю Вас потому, что таковые случаи уже имели у нас место, и нам бы не хотелось иметь очередной…

Я: Его не будет. Это я могу обещать. Я сделаю это, когда меня отпустят и совсем в другом месте.

Он спросил, не против ли я того, чтобы меня осмотрели с врачебной точки зрения. Я почему-то отказался. Он сказал, что это всё равно придётся сделать завтра. Зачем тянуть? Хорошо.

Зашли в соседний кабинет. Я разделся. Для размещения одежды врач выдвинул мне табуретку из-под лежанки.

Проверили рефлексы. Горло. Пациент, скажите «А-а-а». Врач нажал на живот. Сказал мне, что желудок пустой… Подумаешь! Откуда раны на шее и груди? Оттуда-то. Точно? Не попытка?.. Нет.

Можно вставать и одеваться. Оделся. Поставил табуретку на место.

Врач: Спасибо…

Я задумался над тем, о чём должен был бы подумать врач в этом момент… Не догадался. Мне теперь нужно будет контролировать каждый свой шаг. Или не нужно?..

Меня отвели в палату для «особо опасных». Круглосуточное наблюдение из соседней комнаты через стеклянную стену и дверь в ней. Предварительно забрали сумку с компьютером.

Палата — своеобразная реаниматорская духа. Здесь

собираются особо тяжкие и новоприбывшие. В палате койки для меня не оказалось. Сообразили временную кровать в коридоре (здесь слово кровать не подходит, в «реаниматорской» части отделения стоят эдакие трансформеры на колёсах, hi-tech). Пообещали завтра же закатить её в палату на освободившееся к утру место.

Из рюкзака пришлось вынуть всё его содержимое на предмет очередного обыска. Мне выдали зубную щётку, пасту и жидкое мыло. И оставили в покое.

Я сел на кровать и уставился на репродукцию картины Миро.

Было уже поздно. Разделся и лёг спать.

Медбрат загородил меня матерчатыми ширмами.

День прошёл.

Утром по дороге в школу Сева жаловался мне на то, что он не хочет больше играть ни на флейте, ни на гитаре. Я сказал ему, что это он зря. Я вот в детстве ничему не научился и мне бывает от этого очень тоскливо порой.

И вот теперь наступил вечер, а я уже в психушке. Отец Севы и Насти сошёл с ума. Что ответит сыну мама, когда он вернётся домой и спросит, где папа? Папа заболел?..

Свет в коридоре оставался включённым всю ночь. В результате я много раз просыпался с тем чувством, что вот оно — утро грядущего дня, пора вставать. Но в окне за занавеской было темно и приходилось опять засыпать.

Впервые в жизни начались абсолютно реальные сновидения. Так называемые «цветные» сны. Классная штука, ежели эротического характера. Лапаю голое женское тело. Знаю что это сон, но не просыпаюсь, а значит безнаказанно лапаю дальше…

Весь медперсонал весьма приятный, обходительный и внимательный.

Ни один из них не в состоянии правильно произнести мою фамилию. Обращение по имени здесь не принято. Братья-и-сёстры обязаны заучивать фамилии пациентов наизусть. Поэтому все они начинают общение со мной с просьбы произнести вслух мою. Написание — EVSEEV — для них нечитабельно. Не могут произнести.

Прожив в Германии более десяти лет, я с этой проблемой ещё толком-то не сталкивался. Всегда было стабильное: Эф-зэ-еф.

Медперсонал в клинике не способен выдать даже этого. Я говорю медленно и членораздельно. Не могут. Даже близко не получается. Я пишу им на бумажке: йев-сей-йев. Они: Йэу-зэй-еу. Нет, несколько мягче: Ев… Эв… Да нет же! Алексей — было бы куда проще для вас! Не положено.

В 7 утра побудка. Встаю, одеваюсь, чищу зубы. Душевая-туалет открыты лишь полтора часа утром и столько же вечером. Туалетом в прочее время можно пользоваться лишь в холле.

Везде на стенах листочки с правилами.

В палате освобождается место для моей кровати. Толстяк-медбрат вкатывает её туда. Он извиняется за то, что для меня нет свободного шкафа. Я говорю, что это ничего, т. к. у меня лишь один рюкзак. Он и будет моим шкафом. Голубой шкаф с вышитым на дверце жёлтым цветком. Собственно это не рюкзак, а школьный ранец. Таня дала мне его, когда я уезжал на ПМЖ в Питер.

Выхожу к завтраку. Холл огромный. Метров 100 квадратных. Столы с букетами живых тюльпанов, стулья и кресла, в углу телевизор, ящики с минеральной водой, тумбочка с прессой.

По периметру: игровая комната (настольный теннис, настольный футбол, гора всевозможных игр), комната для курящих, кухня, комната медицинского персонала, три кишки-коридора с палатами, запертая дверь на волю со стеклом (перед ней гроссбух: убытия-прибытия пациентов, имеющих разрешения на прогулки).

Завтрак в 7:30. На листке с распорядком дня завтрак значится в 8:00.

Ничего толком не объясняется. До всего надо допирать своим умом, либо спрашивать. Спрашивать не хочется. У медперсонала и так забот выше крыши. Да и лишний раз показывать свою беспомощность нет желания. Слежу за пациентами. Их человек тридцать. Пара из них — лежачие. Тех вывозят днём в коридор, и они проводят в нём весь день.

Привозят телегу с горой пластмассовых подносов голубого цвета, закрытых массивными серыми крышками. Они хорошо сохраняют температуру пищи — что-то вроде термоса — будь то горячее, либо холодное. Стопки этих боксов для безопасности транспортировки перетянуты красно-оранжево-желтыми лентами. К каждому боксу приложена карточка размером с перфокарту. На них отпечатаны имена пациентов и содержание пайка. Медсестра читает имя пациента и произносит его вслух. Если владельца нет поблизости, бокс приземляется на этажерку возле кухни.

Получаю свой паёк. Несу к свободному столу. Открываю крышку. Первая проблема — куда её деть. Она огромная, на стол не положишь. Ставлю на пол ребром, прислонив к ножке стола. (Впоследствии она часто бывает испачкана от соприкосновения с пищей, и её неохотно ставишь на обозрение, словно исподнее бельё; став «дедом», не обращаешь на эту ерунду никакого

внимания). Внутри разные выемки: для тарелки, стаканов, блюдец. Задаюсь вопросом — как всё это есть — чем и с чем? Нужен хлеб, нужны нож и вилка, соль, чашка для чая или кофе (что там в этих разноцветных термосах?)… Наблюдаю за пациентами. Вычисляю, где что добывается. Все поголовно пьют кофе. Я нахожу пару термосов с чаем разных сортов. На кухне все ящики подписаны. Некоторые из них заперты. Заперты те, в которых хранятся запасы.

Ем. Пью. Весь мусор оставляю на тарелке, что впаяна в поднос. Там же остаются нож с вилкой. Свой поднос накрываю крышкой. Она своеобразной формы, так что приходится немножко поразмыслить, как же её одеть обратно. Через неделю эта процедура происходит автоматически. Вслепую. Приобретённый рефлекс. Набираюсь знаний. Чашки, смотрю, психи относят на кухню. Ставят просто так на стол. Там же свалены грязные ножи, ложки и вилки. Столешница уже измазана маргарином.

Из последующих наблюдений. Что делать с чашками и столовыми принадлежностями? Их нужно ставить в посудомоечную машину. Что с карточкой? Её согласно объявлению, что я нахожу на стене, в целях сохранения персональной информации рекомендовано бросать в отдельную коробку. Мусор по собственной инициативе отношу в ведро. Можно, правда, оставить и на тарелке. Но мне не трудно выбросить свой мусор в ведро самому.

Всё элементарно. Но не все с этим справляются. В результате у нас в какой-то момент не хватает на всех вилок. Они забываются внутри боксов, и их приходится обслуживающему персоналу возвращать с кухни, в которой готовится еда для всех отделений клиники. У некоторых не получается поставить чашку и прочую посуду в посудомоечную машину, они бросают всё в кучу на кухне. С объедками и упаковками аналогичная ситуация. Некоторые просто не могут… К психиатрии это отношения не имеет.

На окне, ведущем в кухню, висит листок с именами. На нём расписаны обязанности пациентов и имена ответственных за текущую неделю. Один загружает посудомоечную машину и затем расставляет посуду по шкафчикам, другой протирает столы после каждого принятия пищи, третий готовит кофе, чай и соки из пульверизатора, четвёртый приносит цветы (эти охапки тюльпанов, которые на второй день уже не замечаешь), пятый опорожняет пепельницы в комнате для курения, шестой с седьмым пекут пирог к пятничному распитию кофе в общей группе пациентов.

Приходит врач. На этот раз не дежурный, а лечащий психиатр. Немец. Молодой, обходительный. Разговор начинается со сдачи крови на анализ и вопросов:

— Проблемы с мочеиспусканием, каловыделением?

— Никаких.

Поговорили опять-таки при свидетелях. Каждая из этих бесед проходит в присутствии одного из медбратьев или медсестёр. Те, видать, по ходу дела учатся. Студенты, практиканты, просто порядок такой — знать, с кем имеешь дело?..

Поговорили опять-таки всё о том же.

Опять этот вопрос — КАК? Не скажу. Не хочу об этом говорить с посторонними. Ясное дело — они все хотят знать, сделаю ли я эту свою попытку расстаться с жизнью в их владениях. Но скалы моей на территории Вуншдорфа нет. Для этого нужно топать на юг, причём, чёрт знает сколько времени. Думать о других способах я ещё не пробовал. Уж больно хотелось напоследок полетать. И нужно было умереть, а не стать инвалидом.

А были ли в семье случаи…

Не было, вроде как.

Не передумал ли я?

Нет, не передумал. Ничего ведь не изменилось. С чего ж тогда передумывать?

Сколько лет вы прожили со своей подругой?

Лет тринадцать…

Он спрашивает, не буду ли я против того, если он организует нам общую встречу с Таней. Я отвечаю, что не верю в положительный для себя исход этой совместной беседы, но ничего не имею против. Если врач эту возможность считает необходимой, то, пожалуйста…

Затем пошли в другую комнату. Там уже сидели главврач, судья, адвокат и ещё кто-то. Мне объяснили, что одним днём я здесь не отделаюсь и мне предписано принудительно оставаться в клинике в течение шести недель. Вот Ваш адвокат, она может помочь Вам составить несогласие с заключением судьи, если таковое вы найдете неправомерным в отношении себя. Я сказал, что не буду сопротивляться правосудию. Можно было бы сказать, что мне всё scheißegal[14], но я промолчал.

Согласился принимать медикаменты, фиг с ними. Подумал, что тело-то мне отныне всё равно уже ни к чему. Пусть травят. Лишь бы что-то происходило. На этот раз мне сказали, что от таблеток этих меня будет клонить в сон. Попросили также сообщать о побочных эффектах. Отпустили. Пока что в палату.

Я лег и заснул. Проспал обед. Он был в половине двенадцатого. В распорядке значится в двенадцать часов. Всё сдвинуто на полчаса назад. Значит и ужин не в шесть, а в половине шестого.

Вышел к кормушке. Нашёл свой поднос на полке шкафчика. Поел. Зашёл в комнату отдыха, ту, что с теннисным столом. Там на шкафу стоит несколько книг. Я порылся в них. Ничего интересного. Взял «Новый завет». Когда-нибудь надо прочитать и эту книгу. Лёг в кровать. Стал читать. Прочитал «Евангелие от Матфея». Не интересно. Не созрел ещё. Отложим.

В половине шестого ужин. Опять процедура поиска своей фамилии на листке, намазывание хлеба маргарином, выбор чая… сортировка всего опосля: обёртки в ведро, кружку и столовые приборы на кухню в посудомоечную машину, сам бокс на тележку, карточку с именем в коробку… Научился.

После каждого приёма еды — приходится съедать по таблетке. Пока не проглотишь — с тебя глаз не спускают. Раз согласился на них, то честно глотаю.

Таблетки лежат в малюсеньких пластиковых стаканчиках. Их нужно оттуда достать и налить внутрь воды. Положив таблетку на язык, её следует запить. Один раз я бездумно залил туда воду, не вынув таблетку, и опрокинул содержимое в рот. Медбрат ужаснулся моему know-how, сказав, что так делать нельзя…

Натюрморт на подносе с медикаментами у каждого свой. У некоторых, как у меня, например, лежит лишь одна единственная невзрачная таблеточка, у других — аж целая горсть.

Весь день бессмысленно хожу из угла в угол. Депрессняк по максимуму. Обследовал всё возможное пространство. То и дело наливаю себе чай. Его здесь — семь сортов. Тут же в туалет — сливаем. Опять пьём. Развлекаемся таким образом. Убиваем время.

Еда на мой вкус нормальная, разнообразная и обильная. Т. е., если чего-то не съедается, а я привередлив в еде, то голодным я не остаюсь. Да и еда здесь — это, конечно, больше развлечение, нежели потребность. Никакого движения. Тела застаиваются. Некоторые, правда, на ночь глядючи заказывают пиццу. Другие, у кого нет наличности, роются в боксах с едой, авось там что-то осталось.

Некоторые пациенты, как я заметил, прозорливо относят несъеденное в холодильник и там этими запасами можно поживиться. Полакомиться чем-то сладеньким — джемом, мёдом — когда надоедает пить пустой чай.

Неожиданно для себя самого я подсаживаюсь на какао. Немцы, наблюдающие меня, не понимают, как можно заливать

какао кипятком, а не горячим или холодным молоком, а также регулярно есть хлеб, как это делаю я: за завтраком, обедом и ужином. А я не понимаю, как можно целый день хлестать этот их кофе. Это же не кофе…

Позвали к телефону. Я подумал, что Таня… Но нет, не Таня. Подруга семьи Света. Было приятно, что обо мне беспокоятся. Всё время сдерживался от слёз.

Новый день. Делать нечего. Компьютер запрещён. Сижу на кровати в своей палате. Все соседи спят. Четыре койки. Одни даже не вставали к завтраку, другие легли спать тут же после еды. Один из них — высокий мужик с длиннющими волосами, монашеской бородой и искореженным шрамами лицом. Я его приметил ещё вчера, т. к. тот ходил босиком. Вот он и лежит теперь на кровати с чёрными ступнями. Я хожу в носках. У меня здесь лишь зимние ботинки да две пары шерстяных носков. Бродить босиком, что мне свойственно в домашней обстановке, здесь по отделению желания нет. Я не дома.

Flash back. Вспоминаю, как позвонил маме из Берлина, перед тем как уезжал из Германии. Думал тогда — что насовсем. Сказал ей, что у меня слишком много вещей. Придётся либо доплачивать за перегруз, либо одевать на себя как можно больше всего (дело было в августе), в том числе зимние ботинки. Мама недовольно спросила, зачем мне в Питере зимние ботинки, я что — собираюсь у них до зимы гостить?! Я сказал, что вроде как мы же договорились, что я уезжаю из Германии навсегда и буду жить теперь в Питере, у них (понятное дело, раз квартиру мою они продали), для этого-то я и просил их подыскать мне работу через знакомых. Что за непонятки?! Мама в ответ: «Ну, мы ещё поговорим на эту тему». У меня остался неприятный осадок после этого звонка. Получалось так, что меня там не особо-то и ждут. Я даже подумал было, что, не остаться ли мне тогда в Берлине.

А мужик тот босой мне потом скажет, что я в первую свою ночь в этой палате задыхался во сне. Schrecklicher Atem.[15] Я удивился, т. к. крепко спал, ничего не помнил.

На следующую ночь мне приснится, будто какое-то чудище ползёт у меня под кожей от живота к голове. Я чётко знаю, что это сон, но начинаю руками отодвигать монстра назад. А он ползёт вновь. Я его опять к животу. Думаю, что будет уж лучше проснуться, чем заниматься этой чепухой. Проснись! Глаза не открываются, но галлюцинация прекращается. В дальнейшем будут сниться только голые девки. Там уже себя заговариваешь — не просыпайся, ради бога!!!

Босой «монах» предложил поиграть в теннис. Я согласился.

Через несколько минут прекратили, т. к. он выдохся. Чёртовы таблетки, сказал он.

Наблюдаю за пациентами. У некоторых уже на лице написано, что они психи. У других это выявлено в движениях и мимике, манере говорить. Некоторые сперва неидентифицируемы. Мужчин и женщин примерно поровну. Подавляющее большинство пациентов немцы.

Прошли ещё сутки. Из палаты пропал Босой. На его место привели совсем молодого парнишку. Бритая голова.

Через час что-то произошло. Держа парня за руку, один из медбратьев вторично привел его в палату. Прежде чем объясниться с ним, он попросил меня на пару минут выйти. Покидая комнату, я слышал лишь угрожающий вопрос медбрата, многократно заданный пареньку: Was soll das?![16] Мне вспомнилась песенка Грёнемайера[17] с таким названием. Я так и не разобрался в результате, что тот натворил, но сценка та закончилась потасовкой, на неё сбежалась вся охрана, т. е. весь медперсонал отделения. У каждого из них к рубашке приколот приборчик с красной кнопкой. Если что-то случается — им достаточно нажать её — где-то прозвучит сигнал и тут же прибегут тебе на помощь. Они скрутили парня и стали его привязывать к лежанке. Сопротивляясь им, он успел лишь сказать: «Со мной ещё так никогда не обращались!» Ему вкололи успокоительное. Привязанный и усыплённый, он провёл в коридоре в лежачем положении несколько дней. На ночь его увозили в другую палату. Потом в течение пары недель он был до одури полусонным. К концу третьей — заработали мышцы лица, и он начал впервые улыбаться. Наркоман, услышал я от кого-то.

Он всё время просил медсестёр оставить его в покое и спал сутки напролёт. Ему составляло дикого труда даже выпить таблетку. Сёстры говорили: если не проглотишь таблетку, сделаем укол. Он невнятно просил не колоть и с трудом поднимал голову к протянутой ему таблетке и стаканчику воды. Глаза не открывал.

Уже позднее, во время общего собрания пациентов и медперсонала он попросил не доставать его просьбами сделать что-либо, т. к. у него, как он сам выражался, такое впечатление, что в голове сидят три человека и не могут друг с другом договориться. В туалет он ходил также с закрытыми глазами. Но это уже было потом.

Пару дней его сумка стояла под моей кроватью, отлетевшая, видимо, во время его пленения. Отчего-то догадавшись, что его более не вернут в нашу палату, я отнёс её медбратьям.

Отделение 5.2 закрытое. Выпускают на прогулку лишь заслуживших доверие. Я ещё не из их числа. Для таких как я вечером делают поднадзорную спец-прогулку. Минут 15–20 всего. Я от них отказываюсь.

Четыре раза за день дают таблетки: три раза сразу же после еды и одну на ночь, в 21:00. Она наиважнейшая — антидепрессантная. Прочие успокоительные.

Телу от депрессии хреново, но оно уже под медикаментами и расслаблено до предела. Сознание, однако, в полном порядке.

Я выпрашиваю у медбрата свой плейер. Целый день слушаю музыку. В палату с плейером, к сожалению, заходить нельзя. Из-за провода от наушников. Я бы охотнее послушал музыку лёжа. Нельзя. Пару раз нарушал правило. Но санитары начинают угрожать отъёмом, и я это дело бросил.

Сижу в общей комнате, либо в комнате отдыха, в кресле, лежу в этом кресле. Вокруг все эти психи. Я уже начал отличать их друг от друга. По имени никого не знаю. Ни пациентов, ни врачей, ни медперсонал. Вялость при ясной голове, однако, ничего не могу запомнить.

Можно так сидеть часами, внимательно слушая музыку, песню за песней, но не ощущая своего тела. Удивляюсь, что впервые догоняю смысл некоторых строчек у Земфиры, которые слушал уже тысячу раз, но не «слышал». Слушаю преимущественно российскую музыку: Земфиру, БГ, Фёдора Чистякова, выборочно «ДДТ», «Кино», Башлачёва… Для бодрости духа «Gipsy Kings».

Чтобы никто не приставал, отворачиваю кресло к окну и сижу в нем таким — обиженным на весь свет образом. Ноги на батарее. Ногам тепло. Рядом на полу чашка с чаем. Все чашки здесь пластмассовые. Синие и жёлтые. Грею ими руки. На дворе январь.

Днём смотрю на пейзаж за окном, на небо. По небу летают самолёты, облака и прочая ерунда. Один самолёт, похоже на то, что военный, пролетает совсем низко, много раз подряд.

Вечером за окном темнеет, проступает звёздное небо, и стекло превращается в зеркало. Отвернувшись спиной ко всем пациентам, я через слегка отворённое форточное окошко вижу всю суету, все брожения пациентов, всю сцену… Я уже сижу в кинотеатре. Формат: пять к одному. Широкоформатнее Панавижена. Тело предельно расслаблено, и я его не чувствую совсем. В ушах музыка. Просматриваю в отражении свою собственную «Кукушку»[18].

В голове крутится история с моим арестом. Приходит мысль начать писать. Для этого нужен ноутбук. Отставить! Компьютер

не дадут. Я уже спрашивал.

Среди стопки дамских журналов нахожу один, посвящённый компьютерной и аудио-технике. Листаю. Куча всяких новинок. Ловлю себя на мысли, что неплохо бы было сменить свой ноутбук, уж больно тот стал медленным. Теперь-то вон за меньшие деньги можно купить куда более навороченный.

Лёша, ты, вроде как, собирался умереть… Что за мыслишки о новом компьютере?!. Захотелось жить дальше?! Нет. Так отчего тогда? Да так, минутная слабость. Сейчас пройдёт, извините. Сколько раз такое уже было… Увлечения от тоски меня не излечивают.

Почти нет никаких визитов к врачу. Меня лишь набивают лекарствами и предоставляют самому себе. Что они сделают со мной своими таблетками? Вылечат болезненную любовь к Татьяне? Сделают равнодушным?

Не знаю, который день я уже здесь, всё течёт монотонно, хотя много и примечательного. Сейчас очень сложно собирать всю эту историю из пазл-воспоминаний. Пишу одно, вспоминается другое. Ищу, куда бы это другое пристроить. Путаюсь в последовательности. Нахожу места, которые ускакали куда-то вперёд. Вертаю их в хронологию. Некоторые вещи никуда не приклеиваются и таким образом отпадают. Получается уже не письмо, а эдакий дизайн текста. Уже на письмо и не похоже совсем. Пишу и думаю, что скорей бы добраться до того времени, что происходит сейчас, в настоящий момент… Думаю также, что не хватило бы фантазии напридумывать столько всего неординарного. Всё-таки из меня хороший наблюдатель получился. Приятное приобретение. А вот выдумщик я никакой. И, о Боже, сколько всяких совпадений!..

Кто-то принёс и поставил на книжный шкаф «Мастера и Маргариту» (по-немецки). Сдав в «архив» свой плейер, я пошёл с книжкой на боковую, на своё литературное лежбище.

Рядом по соседству в коридоре бредит старуха. Повторяет что-то невнятное. Сотни раз подряд. Рядом с ней сидит медбрат. Он в ярости. Он, видать, не может сосредоточиться на чтении. Пытается угомонить бабку. Та талдычит своё. Он начинает на её манер повторять её же имя: Фрау Такая-то, Фрау Такая-то, Фрау Такая-то, Фрау Такая-то, Фрау Такая-то…

Безрезультатно.

Он: О! Да что же это такое! Я так больше не могу. Это нечто!..

Меня вся эта старухина белиберда совершенно не трогает, подумаешь. Я могу читать в любой обстановке. А он просто в

ярости.

Медбрат: Ну, наконец-то!!! Доброй ночи, фрау Такая-то!

Срывается с кресла и раздражённо топает прочь. Feierabend. [19]

Ему на смену пришла сестра. Девушка. Она сказала пару банальных слов старухе и та моментально угомонилась.

Мне вообще всё по барабану: крики, звуки, пуки, свет ночью, шум, еда, лекарства, запахи… где я нахожусь, что со мной происходит, что мне предстоит… Меня больше нет.

Спустя пару дней начинаю различать своих соседей по «камере». Молодой турок (впоследствии цыган), немец (впоследствии хорват)… На место Наркомана привели другого прыщавого подростка, самоубийцу. Буду в дальнейшем звать его Самоубивцем.

Пациенты охотно общаются между собой. Я молчун. Мне общаться не хочется. Ко мне, к счастью, никто с разговорами и не лезет.

Цыган назвал Босого, переведённого в другую палату, «Вождём», предлагал тому «колу» из личных запасов. Я улыбнулся. Действительно — вождь: высокий, широкоплечий, с длинными волосами, смуглый, босой, гордый, с боевыми ранами на лице. Разве что борода лишняя. Шатко или валко, но двигаемся по Форману. Аллюзий уже набралось достаточно. В холле, например, часто ставят музыку для расслабления, эдакую медитативную… от которой у меня наоборот начинается головокружение. Но у меня есть солидное противоядие — от Стива Джобса. Мой iPod. Я, правда, никак не тяну на МакМёрфи. (Может быть, лишь по возрасту… По фильму он меня на два года старше — там ему дали возраст Джека Николсона, по книге — на год младше). Но мне это и не нужно. У меня своя личная история. На «Эдичку» мне тоже равняться не приходится. Не та порода в обоих случаях.

В промежутках между музыкой читаю «Маргариту». Ужасно сложно. Почти в каждом предложении по незнакомому слову. Смысл, в принципе, понятен, но ужасно скучно. Плаваю по поверхности текста, нырнуть в него не удаётся. Добираюсь таким образом до середины романа и бросаю.

О «Кукушке» вспомнилось ещё раз, когда услышал, что два пациента попросили у медперсонала выдать им коробок спичек. Они затеяли игру в карты не за интерес, а на что-то иллюзорно вещественное. Денег у них не было, и вот спички вполне могли бы стать их заменой… В фильме играли на сигареты. В романе: «Она видела, что все утро он резался в покер, и, хотя деньги в игре не ходили, она подозревает, что он не из тех, кто вполне

удовлетворится здешним правилом играть только на спички».

В коридоре слышен разговор женщины по телефону. Грубый прокуренный голос диктаторским тоном читает мужу утомительный список того, что ему следует привезти с собой в следующий свой визит. Долгий нудный перечень с описанием местонахождения той или иной вещи в квартире, заканчивающийся плейером и кассетами Херберта Грёнемайера…

Эдэле. Фрау Кюн. Эдельтраут Кюн.

Мы ещё не знакомы. Мне тоже нравится Грёнемайер. Это единственный человек в немецкой музыке, которого я могу слушать. Его «Бохум» чем-то напоминает мне «Группу крови». У него здесь статус сродни Гребенщикова. Но Борис его на голову выше.

Почти весь день я провожу в холле или комнате для игр, слушая музыку, либо читая. Наушники все время на голове, чтобы никто не приставал. Раньше от наушников у меня часто болели уши. Теперь в состоянии максимальной расслабленности я их даже не чувствую.

Одна русская сестра спрашивает меня: почему я такой замкнутый? Я отвечаю, что пока нет желания общаться с людьми, которых я не знаю, да и знать толком не хочу. И к тому же болтать часами о погоде, как это происходит с некоторыми пациентами, я не в состоянии. Не умею и не люблю. Мне нужен лишь покой.

Сестра: Но врачи видят это иначе…

Господи, да плевать на врачей!

Я: Мне всё равно здесь придётся отсидеть шесть недель, как бы я себя не вёл…

Сестра: А Вам могут и продлить…

Я (в шутку): Тогда я сбегу…

Сестра (серьёзно): А отсюда не сбежать…

Сижу в комнате отдыха, слушаю музыку, смотрю на стену. Подходит эта Эдельтраут в наушниках. Проводит рукой у меня перед лицом.

Я (не отводя взгляда от стены): Я ещё здесь…

Из-за музыки не слышу своего голоса. Она тоже не слышит. У неё музыка в ушах.

Краем глаза вижу, что она улыбается. Уходит прочь.

Похожа чем-то на мою мать: грубая, вежливая, раздражительная, ухоженная, много курит… На четыре года младше мамы.

Позже она подходит ко мне ещё раз и спрашивает: какую музыку я слушаю.

Я говорю: Русскую.

Она протягивает мне свой наушник. Не люблю эти вот «послушай», но что поделаешь? Я вставляю её музыку в своё ухо. Слушаю вступительные аккорды. Узнаю песню. Говорю: «Was soll das!?"

Эдельтраут: Точно! Was soll das? Ха-ха-ха!

Она просит дать послушать моей музыки.

Я отдаю ей весь свой скарб — плейер с наушниками, в которых по случаю — «Группа крови» «Кино».

Эдельтраут тут же начинает скакать под эту музыку как умалишенная, подходящее ей, кстати, слово, и пытаться повторять слова за Цоем. Всё невнятно. У неё также как и у меня нет ни слуха, ни голоса.

Я расслабленно сижу за столом. Я под лекарствами. Я ко всему безразличен. Но мне интересно наблюдать.

Эделе носится по коридору как ведьма на метле. Пролетая мимо, спрашивает, что значит «ночь».

Я: Nacht.

Она опять, прыгая и кружась, пробегает мимо кого-то позади меня и кричит ему/ей: «Notsch» — это «Nacht» по-русски. Бегает, пытается громко, но невнятно подпевать. Подбегает ко мне: Хорошая музыка! Мне очень нравится!..

Сзади подходит медбрат: Фрау Кюн, успокойтесь! Отдайте мне сейчас же Ваш плейер!

Он забирает у неё мой iPod и уносит его в свою коморку. Я равнодушно наблюдаю эту сцену. Эделе поворачивается ко мне: мол, отобрали.

Я: Не следует забывать, где мы находимся… Мы здесь немножко бесправны.

Эделе достаёт из кармана свой собственный плейер и включает свою «Группу крови» — «Бохум» Грёнемайера.

Потом этот турок-медбрат попросит меня никому не давать свои вещи, чтобы не повторялось подобное. Иначе…

А это «иначе» мне представляется до мерзости скучным и в этом «иначе» не хочется жить. У меня вся жизнь это сплошное «иначе».

Эделе попросит у меня номер моего телефона и адрес. Нам нужно будет обязательно встретиться после выхода из клиники.

Эделе, у меня нет телефона, адреса тоже нет. Я бездомный и безтелефонный. [Я не хочу заводить новых знакомств в психиатрии. Просто не хочу.]

Эделе начинает мне рассказывать о себе.

Я тут же понимаю: попался.

У неё маниакальная депрессия, что она о себе точно знает, и явная шиза, о которой я догадываюсь позже, а она вряд ли.

Она гордо называет себя человеком 68-года, она была в оппозиционной внепарламентской партии. Была революционеркой. Настоящей, безбашенной. Она изменила мир. Мир говно, но благодаря действиям её партии, партийной газете, которую она выпускала вкупе с другими партийцами, он — этот сраный мир — стал лучше. Как они боролись со всей этой людской тупостью! Как бичевали в себе самих корыстолюбие! Как выстраивали новые приоритеты в человеческих отношениях! Это было безумством, но они боролись за светлое небо над головой…

Главарём их «банды», студенческого движения в западной Германии в 60-х, был человек, который впоследствии умер в ванной. От эпилепсии, ставшей следствием его избиения. Поэтому у них был классный лозунг: «Мы моемся дальше, Руди[20]!"

Она была неистовой в своей борьбе, ей приходилось спать со всеми мужиками из её окружения: с толстыми, безобразными, уродливыми, чтобы тем самым доказать свою любовь мужу, с которым она уже 35 лет как вместе, который плохо воспитан матерью, и она, Эделе, хочет, чтобы он переехал жить в домик на её садовом участке, прочь из её квартиры, однако, она всё ещё очень любит его, он платит ей 500 евро в месяц за съём её личной квартиры, в которой он живёт, пока она проходит лечение здесь в клинике. Она раньше много работала, сама была медсестрой, единственной в своём роде медсестрой, её очень любили пациенты и завидовали сослуживцы, но потом выгнали с работы. Четыре года не могли выгнать, но в результате выгнали. Теперь она не работает. Хочет преподавать немецкий язык турецкой девочке, чтобы самой выучить турецкий, ведь в Германии уже так много турок, она хотела бы говорить с ними на их родном языке. Ещё она хочет русскую девочку, чтобы научиться русскому. Русских здесь тоже много. Для турецкой девочки она уже купила куклу за 55 евро в магазине по соседству. Её семейная жизнь с мужем разбита из-за того, что она однажды назвала его фашистом, а он её ударил. У неё нет детей.

Затем её застаёт позыв покурить, и она оставляет меня в покое.

Ну и началась очередная житейская тягомотина. Как я её теперь ненавижу! Побудки, еда, попил-пописал, поел-покакал, почитал, послушал музыку, лекарства, помывки-постирушки… Всё по расписанию, никаких отступлений. Круговорот дерьма в

природе в замкнутом пространстве, пока…

Я не знаю, какой сегодня день недели, сколько дней я уже здесь нахожусь; мне всё равно, я плыву по течению, я не знаю, что делать дальше…

Да, вот так вот бездарно живу, пока… пока не началась главная история отделения.

Как-то раз цыган разговорился со мной и спросил, не хочу ли я драпануть отсюда. Я сказал, что было бы не плохо, но это вряд ли возможно, да и бежать мне некуда… Теоретически я бы сбежал, но на практике мне придётся пролёживать свою койку здесь дальше.

Он признался мне, что завтра сбежит.

Я спросил как. Он ответил: через окно.

Прозвучало неубедительно.

Цыган: Давай вместе! У меня куча денег. Я не хочу один, мне нужен напарник.

Я: У меня в отличие от тебя денег нет, да и бежать некуда. Что тогда толку?! Так выйду, если нужда будет. Мне от себя самого надо сбежать. А вот как — не знаю. А как ты, кстати, окно взломаешь?

Он: Я уже знаю как. Абсолютно точно. Нет проблем. Послезавтра я буду на юге Франции.

Я: Почему во Франции?

Он: Я уже там жил. Там есть куда скрыться на первое время.

Я: А как с языком? Ты говоришь по-французски?

Он: Oui. Je parle français.[21]

А окна в том отделении непростые. Они там все на замках. А те форточки, что откидываются, защищены от полного открывания штырями, торчащими из потолка. Это первое, что бросается в глаза, когда попадаешь в закрытое отделение. Все прочие прелести замечаешь потом. Замки на окнах мозолят глаза на протяжении всего времени, что я нахожусь в клинике. Только они да запертая дверь — не дают мне забыть о том, где я нахожусь. Весь прочий антураж взят из дома отдыха.

Цыган говорит, что если я всё-таки решусь, то могу уже готовиться к побегу.

Затем он начинает мне и соседу-хорвату рассказывать о том, что его упекли сюда из-за того, что его бывшая подруга подала на него в суд. Узнав, что с него есть чем поживиться, она обратилась в полицию и заявила, что он избил её три года тому назад, есть свидетели. Теперь у него другая невеста. Её он «божественно» любит. А та, первая, оказалась обыкновенной сукой… Вот он и

сыграл в дурку, чтобы избежать судебного преследования. Но это ещё не все проблемы. Полиция начала копать под него и на свет вылезло то, чему следовало оставаться в тени. А именно то, что он 22-х лет отроду, не имеющий никакого образования, не работающий, купил себе дом, имеет три дорогие машины, плюс ко всему — куча денег на счету.

Оказался наш сосед-цыган кокаиновым дилером. Промышлял три года во Франции, затем здесь в Германии. В Ганновере у него живёт мама — беженка из Косово. Вот и грозит пареньку чёрт знает что, отчего следует поскорее делать ноги.

По-немецки говорит он блестяще. Похоже на то, что и французский его хорош.

Я: Нафига ты себе дом покупал? Ведь это когда-нибудь да всплыло бы на поверхность. Финанцамт[22] не дремлет. Да и деньги надо было не в Германии прятать, а в Швейцарии какой-нибудь на анонимном счету…

Он: Я не такой дурак, как ты думаешь. У меня и в Цюрихе есть счёт. Дом в Ганновере мне уже не продать. Уехать я могу лишь на одной машине. Так что у меня всё под контролем. Денег дофига. Достаточно, чтобы снова встать на ноги. Смогу ещё один дом купить.

Вся проблема в том, что свою девку ему с собой сейчас не взять… В этом вся засада. Девка, мол, шибко красивая. Быстро уйдёт в другие руки.

Врёт-не-врёт. Без понятия.

По поводу взлома окна: цыган нашёл себе напарника в лице молодого самоубийцы-немца. У того тоже была корысть слинять из больницы, чтобы-таки замочить себя окончательно. Завидное упорство. Чувствую себя ребёнком по отношению к этим ребятам, что раза в два меня младше. Они точно знают, чего хотят, и упорно преследуют свои цели. Я же в который раз «пролёшиваю» свою жизнь с книгой.

Этот паренёк-подельник был единственным, кто знал, как расправиться с окошком. Столяр. Пользуясь мобилой цыгана, он договорился со своей одноклассницей, чтобы та принесла ему инструменты для взлома.

Кстати, пользоваться мобильниками здесь, в закрытом отделении строго-настрого запрещено, их следует сдавать медперсоналу, заходя в отделение с прогулки, что никому не мешает ими таки пользоваться, тайком, уединяясь от глаз охраны в туалетах, которые подозрительно часто и подолгу оказываются занятыми.

Целый день цыган упрекает Самоубивца в том, что тот его обманул. Мол, никто не приходит — не приносит обещанный инструмент. Самоубивец говорит, что нужно ждать. Цыган в отчаянии. Я наблюдаю за немцем. Его речь выглядит неубедительной. Зачем он накалывает цыгана?! Что за детский сад?..

Вечером его девушка пришла и заветную сумочку принесла. Мне становится интересно. Надо же!

Охрана досмотр посетителям не учиняет.

Самоубивец пронёс инструмент в комнату, спрятал его под матрацем.

И шоу началось.

Цыган отправился отвлекать наш медперсонал. Медбратья, молодые ребята, охотно играют с пациентами в настольный теннис и в настольный футбол.

Самоубивец закрыл окна портьерами. Сидел там незаметно и потихонечку взламывал. Цыган также занавесил входную дверь и всю ту смотровую стену. Эта сторона комнаты сделана из стекла, так чтобы нас было видно из окна медперсонала. Даже контрольный свет включается из их комнаты. Но никто не обратил на отсутствующий обзор какого-либо внимания. Мы регулярно шлялись туда-сюда, каждый раз исправно задёргивая за собой занавеску.

Цыган несколько раз подряд попросил меня не выдавать его. Я в шутку сказал, что охотно бы сделал это, если бы мне пообещали за предательство в награду пару бананов и баночку йогурта, по которым я уже успел соскучиться. В противном случае я глух и нем.

Самоубивца работал с окном, цыган активно отвлекал всех и вся. Самоубивец лишь изредка выходил наружу покурить и сообщить цыгану о том, на какой стадии он сейчас находится. Затем мы все вместе сидели в палате и трепались на всевозможные темы, заглушая скрип и треск из-за гардин. Хорват иногда, когда его никто не слушал, болтал сам с собой. Спрашивал что-то у меня, цеплялся языком с цыганом, изредка заходящим оценить обстановку. Они болтали о машинах цыгана. Я в этом ничего не понимаю, поэтому пытался увлечься чтением. Не мог. Цыган сказал напарнику, что следует поторопиться, т. к. три раза за ночь приходит проверка. Назвал точные часы. Ответственный подход к делу. Видимо, давно готовился к побегу. Всё рассчитал.

За всё время, проведённое во сне в стенах клиники, я лишь раз проснулся от ночного дозора. Сестра тогда посветила мне в лицо карманным фонариком. Я проснулся и хотел, было,

пошутить равнодушным хриплым голосом: «Viva la muerte!»[23], но передумал, промолчал и тут же заснул.

Пару раз за время этого шоу в комнату заходил полуживой Наркоман и заваливался спать в кровать Самоубивца. Его прогоняли. Он уходил и опять возвращался. Опять прогоняли. Цыган злился на него. Называл его скинхэдом (парень был действительно наголо брит) за то, что тот ему (цыгану) что-то обидное сказал в первый день…

Пришло время спать. Я проглотил таблетку, разделся и заснул. Время от времени просыпался, слышал переговоры заговорщиков. Опять засыпал. Просыпался от скрежета. Неужели медперсонал в коридоре ничего не слышит? Потом услышал голос Самоубивца, попросившего Хорвата подсобить — спустить оконную раму на пол. Дело было сделано. Я опять провалился в сон. Затем услышал, как Хорват возбуждённо сказал цыгану, зашедшему в комнату: Всё готово!

Цыган (радостно): Да?!!

Через пару секунд я услышал хлопок, и кто-то побежал, ещё один хлопок и опять удаляющиеся шаги. Спрыгнули, убежали. Теперь можно спать дальше. Я подумал лишь о том, что надо было всё-таки сбежать с этим цыганёнком. Надо было, надо было. Во Францию, елки-палки… Романтично бы получилось. Lebenslauf[24] у меня скучный, бездарный, а вот раздел sonstiges[25] был бы на славу. Пожалел бы, конечно, о пропавших компьютере и iPod'e, но зато в какую бы историю попал! Мне теперь только такие и нужны, если я, конечно, собираюсь жить дальше. Лишь они — эти прочие беды, неурядицы, зигзаги судьбы — способны заглушить беду № 1. Чем мне хуже, тем легче переносить её, с которой не справлюсь уже никогда. Есть глубокая уверенность в этом. А так, уткнувшись носом в подушку, жить не хочется.

Но не хватило мне ни авантюризма, ни отваги. Не решился я на подарок судьбы, не хватило смелости. Позорно заснул серой мышкой в прорезиненной постельной норе.

В 7 часов утра побудка.

Голос медбрата: Просыпайтесь, господа! (сам себе) Так, один уже встал… (видимо, заметил при входе пустую постель Самоубивца).

Толстяк-медбрат вышел прочь. Я встал, умылся, выполз к завтраку. Следом за мной Хорват. После завтрака возвращаюсь в палату и ложусь читать. Окно по-прежнему занавешено. Занавески дрожат от ветра. Прохладно. Лежу на койке, читаю, жду продолжения истории.

Вспоминаю, что цыган завещал оставшимся все свои съестные запасы. Встаю, подхожу к его шкафу. Он заперт. Ключ убежал с цыганом. Возвращаюсь к книге.

Продолжение следует.

Заходит всё тот же медбрат, толстый с курчавой бородкой. Обращается к куче белья и подушке, накрытым одеялом: Господин Рамадани (цыган), пора вставать! Проспите свой завтрак!

Подходит к кровати, пытается растолкать цыгана за плечо. Понимает, что это «кукла». Немая сцена. Я вожу глазами по строчкам книги — якобы увлечённо читаю. Периферийным зрением вижу, как медбрат подходит к окну, отдёргивает шторы. Пауза.

Медбрат: Упс!

Задёргивает шторы, выходит из палаты. Слышно, как он по соседству делится информацией со своим коллегой. Тот заходит в палату. Проделывает тот же путь от «куклы» до окна и выходит. Возвращается первый. Просит меня выйти на какое-то время. Я беру книгу и ухожу прочь. В холле замечаю Хорвата, рассказывающего «историю» всем тем, кто ещё завтракает вместе с ним за столом. Проходя мимо, я говорю ему, что «пропажу» только что заметили.

Довольно быстро приехали спецы по починке окон. Они привезли целую тележку с инструментами и прокопались в палате что-то около двух часов. Когда я смог вернуться в неё вновь, то был поражен результатом их деятельности — дырка была просто заколочена фанерой. Точнее: фанера висела на нескольких шурупах. Следующий побег можно было осуществить с помощью столового ножа в качестве отвёртки и пары минут времени.

В комнате стало заметно меньше света… Я чувствовал в себе потребность записать всю эту историю, но не мог. Писать ручкой по бумаге желания не было.

Медсестра выбросила содержание шкафа господина Рамадани в мусорный мешок. На место цыгана лег Наркоман, на место Самоубивца уже не помню кто…

Вождь не любит Эдельтраут. Это видно. Она же в него явно влюблена.

Эделе делится со мной информацией:

Я куплю Ларсу квартиру в своём доме. Хочу видеть его, когда он будет выносить мусор к мусорному контейнеру. Хочу спускаться к нему и пить с ним кофе. Мы будем разговаривать…

Как сентиментально! Но всё это явные фантазии.

После обеда визит к врачам. Главврач первым делом спрашивает, как мне спалось этой ночью. Подмечаю про себя, что он жуть как похож на Вуди Аллена.

Я (с улыбкой): …Вы имеете ввиду историю с господином Рамадани или то, как мне действительно спалось..?

Он (поняв, что я догадался о цели его вопроса): Да. Что Вы знаете об этом?

Я: Я ничего не буду рассказывать. Я хоть и не приятель этому парню, но и не предатель, в конце концов. Скажу лишь одно, что я всё знал.

Он: Вы должны понимать, что нанесение материального ущерба данному учреждению является преступлением. К тому же мы находимся в больнице для душевнобольных людей, и вы должны, хотя бы и анонимно, но сообщать о неординарных событиях обслуживающему персоналу.

Я: Я не доносчик. А Ваш персонал на протяжении всего вечера, т. е. 4–5 часов ни разу не заявился в нашу палату, всё это время зашторенную занавеской. Это явное упущение и вина охраны, а не моя. Я не доносчик. Я ничего не буду рассказывать.

Он: Господин (невнятное произношение моей фамилии)… (ещё одна неудачная попытка)…

Я: Не важно. Можете просто Алексей. Так проще.

Он: Почему Вы считаете, что произношение Вашей фамилии неважно?

Я: А почему это должно быть важно, если для всех это представляет такую сложность? Ещё ни один из ваших коллег не смог произнести мою фамилию так, чтобы я сам её мог распознать!..

Он: Господин Крым-брым, вы психически больны, но должны осознавать ответственность за распорядок и правила поведения в данном отделении. Вы должны были сообщить напрямую, или же опосредованно, что здесь происходит противоправное деяние…

Я не слушаю его, зацепившись за фразу «вы психически больны». Обидная фраза, но что я могу на неё возразить?..

Напоследок меня спрашивают, нет ли вопросов с моей стороны. Есть. Я нагло прошу позволения разрешить мне выходить из отделения с целью посещения библиотеки. Там, как я уже знал, можно пользоваться интернетом. Меня слегка тянуло в его сторону. Да и книг мне тоже нужно раздобыть. Читать здесь уже нечего.

Врачи напрягаются. У меня диагноз: Schwere depressive Episode mit akuter Suizidalität.[26]

Главврач спрашивает о голосах, которые якобы подвигают

меня к самоубийству. Я отвечаю ему, что не слышу никаких голосов. Тут же вспоминаю школьный анекдот.

Комиссия по выписке больных из психиатрической лечебницы проводит контроль пациентов. У одного из них спрашивают, ловит ли он всё ещё рыбу в унитазе. Тот говорит, что не ловит, её там нет. Его выписывают. Потом оказывается, что он не такой дурак, чтобы выдавать рыбные места…

Главврач спрашивает меня о том и о сём, и каждый раз выводит разговор на голоса. Он держит меня за дурика, но я не таков. Меня этот разговор начинает забавлять и раздражать одновременно. Я говорю ему, что я не шизофреник и голосов не слышу, что желание расстаться с жизнью — это не эпизод моего депрессивного состояния, а прагматичная реальность.

Вот так я жить не могу. И вот так не могу. И эдак не получается.

Много чего перепробовал. Воз и поныне там. Сколько можно себя сказками тешить?! Ich bin einfach lebensmüde.[27]

Мне нравится эта фраза. Она очень верна в отношении меня. Я буду ей часто пользоваться в дальнейшем.

Я также огорошил врачей, сказав, что мне стало гораздо лучше. Депрессии больше нет. Удивительно, что её так быстро сняло лекарствами (я ещё не знал, что это лишь пауза, вызванная всей этой историей с побегом, да и самой жизнью в психушке; что-то подобное у меня было в Питере из-за участия в Марше Несогласных; скоро всё вернётся на круги своя; по той же причине, скорей всего, не было страха тогда — когда уходил умирать — происходило нечто новое для меня). Попросил снизить дозу расслабляющего медикамента, т. к. не хочу спать днём. Мне её, вроде как, пообещали понизить.

По поводу «выхода на свободу» лечащий врач спросил меня, могу ли я дать слово не сбегать и не пытаться покончить с собой на свободе в том случае, если таковое разрешение я получу.

Я: Я не сбегу.

Он: Вы должны пообещать.

Я: У меня было достаточно времени, чтобы подумать об этом и воспользоваться взломанным окном в эту ночь. Да, я обещаю.

Он: Хорошо.

Отвинтить, что ли, ночью шурупы и ради хохмы сбежать в Берлин к Акраму. Что со мной сделают? Упекут в психушку в Берлине… Берлин лучше Вуншдорфа. Я лишь выиграю от побега. Но я даже на это лучшее не решаюсь. Ну, почему!?

После визитов к врачу было объявлено о внеплановом собрании всех пациентов и медперсонала касательно негласной

темы «Побега господина Рамадани и его соучастника».

Сразу стало ясно, что все всё знают, знали до, и каждый немного больше других. Цыган был общительным и болтливым человеком. Успел многое растрендеть. Главврач прямым текстом сказал, что о подобных делах следует доносить. Достаточно лишь сказать, что где-то что-то происходит или произойдёт. Врачи сами, мол, догадаются и примут меры. Я начинаю думать, каким же таким образом…

Одна из женщин назвала цыгана «Lügenbaron'ом»[28] и сказала, что тот предлагал ей убить её мужа за 14 тысяч евро, которого эта дамочка, как я понял из последующего разговора, сама умудрилась избить и в результате очутиться среди нас. Хрупкая блондинка, симпатичная издали и несимпатичная вблизи. Вокруг неё всегда ошивается пара мужиков. Собачья свадьба. Цыган был в их числе. Susanna. Susanna mon amour. Я лишь пару раз пересекался с ней, но толком не разговаривал ни разу. По-моему, она в полном порядке. Психическом.

Вождь слушал всех долго и внимательно и под конец рассказал всю историю Рамадани, что знал сам, со всеми уточнениями, деталями и выводами. Сказал, что без немца-напарника тот ничего бы сам сделать не смог, нефиг всё валить на цыгана. Данный случай нужно рассматривать в связке с…

Я уже не слушал, а просто наблюдал за пациентами. Каждый говорил о своём насущном, и врачам ежеминутно приходилось возвращать разговор на заранее поставленную тему.

Вождь поведал нам о том, что цыган по его же рассказам сам сидел на наркоте и однажды, приняв что-то галлюциногенное, выпрыгнул в окно — полетать, с пятого этажа; ему пригрезилось, что он птица; сломал себе в результате что-то, но не разбился.

Я вспомнил ночной хлопок от прыжка. На этот раз ему пришлось прыгать всего лишь со второго этажа.

Закончил Вождь свою речь тем, что пожелал знать историю болезни каждого пациента, чтобы не попасть впросак, как у него получилось накануне, когда он решил съездить в Ганновер за одеждой и отправился на вокзал в сопровождении влюблённой в него Эдельтраут; они распрощались на платформе, он уехал, а та не смогла найти дорогу назад, хотя вокзал и больница находятся на одной улице.

Главврач сказал, что всё это очень непросто, т. к. некоторые пациенты опасны для себя самих, другие также для других… проверять сумки всех входящих нет возможности… Короче, поболтали впустую и разошлись.

После разбора этого неординарного события я поставил

недочитанного «Мастера» на полку книжного шкафа, сделал запись в тетрадь выходящих на волю (дата, фамилия, цель выхода, время ухода и предположительного прихода, реальное время возвращения) и пошёл в библиотеку. Была наивная мысль найти там новый роман Кристиана Крахта.

Пришёл к открытию, но там ещё никого не было, было заперто. Изучаю расписание По. — Чт.: 9:30–11:30, 14:00–16:00.

Полистал в фойе здания флайеры для психов: десятки приютов, лечебниц и здравниц. Одна из рекламок привлекла моё внимание своей картинкой, а затем и надписью под ней: «Wunschdorf 1933. Die Nationalsozialisten an der Macht. Ausstellung».[29] На обложке фото группы людей в помещении. Большая часть из них в нацистской форме. На стене флаг со свастикой и портрет Адольфа. Из текста узнал, что улица, на которой находится лечебница, в мае 1933 года была переименована в «Adolf Hitler Straße»[30]. Улица эта, ныне Südstraße, упирается в пешеходку и с другой стороны называется уже Nordstraße, которая в 1933 годы была переименована в «Göring Straße»[31]. Хм! Выставка.

Библиотека оказалась малюсенькой и непривлекательной. Взял «Портрет Дориана Грея». Сел там за компьютер написать пару писем. Кириллицу не установить, весь доступ в систему закрыт. Скачать также ничего нельзя. Сам компьютер запрятан в ящик лишь с дыркой для включения. Плюнул на всё это дело и ушёл читать Уайлда. Оскара, в отличие от Булгакова, можно читать без словаря. Я лишь выписывал себе редкие незнакомые словечки, чтобы потом ради хохмы их заучить.

Вечером ко мне, слушающему с закрытыми глазами музыку, подошла медсестра и сообщила, что у меня посетитель.

Я не верю своим глазам: Андреас. Приятель по телевизионной школе.

С букетом роз!!! Я чуть не расхохотался. Ясное дело почему!

Сестра принесла мне вазу.

Я не смог справиться с обёрткой для цветов, дрожали руки. Они у меня теперь всегда трясутся. Чуть-чуть. Каждый раз просыпаю какао мимо чашки. Андреас достал нож, которым пытался вспороть себе вены в нашем «знаменитом» студенческом проекте «Ubi bene ibi patria».[32] Анди сказал в шутку, что я не вправе рассчитывать на то, что он оставит мне его сегодня… Вот так вот всё, что было предельно серьёзным, само собой обращается в шутку.

Я сказал, что видел вчера девочку в нашем отделении, пытавшуюся таким образом лишить себя жизни. Тупым столовым

ножом с еле заметной пилочкой. Её провёл мимо меня турок-медбрат, упустивший в свою смену цыгана и отбиравший мой iPod у Эделе, в направлении медицинской комнаты. На руке пациентки было десятка два слегка кровоточащих царапин. Девочка некрасивая, толстая и глупая. Даже смеется неприятно. Я понял, что она здесь делает. Ей в тысячу раз тяжелее, чем мне. Но мне от этого не легче. Мы оба хотим умереть оттого, что нас не любят любовью.

Мы проболтали с «господином Шазером» часа три. Я рассказал Анди всевозможные истории, что здесь произошли на тот момент, с кивками в ту или другую персону в качестве наглядного пособия.

Подошла Эдельтраут. Говорит Андреасу: Алексей очень хороший человек. У него приятный акцент.

Я отшучиваюсь, и она оставляет нас в покое.

Рассказываю Андреасу историю любви Эдельтраут к Вождю. Эделе уже поведала мне, что хочет купить тому квартиру в своём доме. За 13 тысяч евро. Я говорю ей, что таких цен не бывает. Она утверждает, что это неухоженное помещение, требующее капитального ремонта, который Вождь в силах сделать сам. Оттого-то так и дёшево.

Я рассказываю Анди о том, как Эдэле бесновалась под мою музыку, и что, пробегая мимо меня, я услышал строчки Цоя: «Мама, мы все тяжело больны. Мама, мы все сошли с ума!.."

Тема психиатрии вылезала в нашей речи тут и там. «Ты с ума сошёл!», то и дело вырывалось у Андреаса.

В «Мастере и Маргарите», кстати, тема психиатрии стоит далеко не на последнем месте.

[А до «Мастера» я начал было читать книгу «Кон-Тики» знаменитого путешественника, забыл его имя[33], «друга Синкевича», но не смог, т. к. там на каждой странице всплывает имя Торстена. Торстен. …Нынешний друг «моей» Татьяны. Я не могу выносить это имя.]

А я просто (по поводу «Ты с ума сошёл!») поведал ему (Анди) о том, что прикалываюсь над медперсоналом, но они не понимают моих шуток. Всё принимают всерьёз.

Андреас спросил, почему я попал в Вуншдорф, и меня посетила забавная мысль. Раньше ведь я жил в Ганновере на Berliner Str.[34] И уехал оттуда работать в Берлин. Последние полтора года жизни в Германии (опять-таки в Ганновере) моим адресом была Wunschdorfer Str.[35] Вот я, мой милый друг, и очутился здесь — в Вуншдорфе. Дорожка уже была прописана.

А ещё примечательно получилось, что покупая билет на Берлин, мне в авиакассах Аэрофлота, или как он теперь

называется — авиакомпания «Россия», сказали, что все билеты во второй класс распроданы, остались лишь в первый: по четыреста евро в один конец. Я спросил, когда же тогда можно будет улететь вторым классом? Лишь 5-го января. Только 5-го?! Сильвестер[36] у Акрама в Берлине таким образом накрывается. Ну что ж делать, давайте… Начали оформлять билет, как меня осенило, что можно же прилететь и в другой город Германии. Завтра воскресенье, а значит, я смогу добраться до Берлина поездом по «билету выходного дня», за 35 евро. Начали искать возможности: Hamburg, Köln, Düsseldorf, Leipzig, Bremen, München, Frankfurt и т. д. Везде одна и та же история. Все билеты распроданы.

Я (опустив руки): Ok, тогда давайте 5-го на Берлин.

Уехать из Питера нужно обязательно. Всё равно куда — лишь бы сменить обстановку, лишь бы было движение. Смена декораций. И нужно увидеться с Таней. Понимаю, что это будет наша последняя встреча, и оттого заговариваю себя — не надо к ней, не надо, как-нибудь потом…

Женщина: Есть билет вторым классом на Ганновер.

Я поймал себя на мысли, что этот город даже не пришёл мне в голову…

В Ганновере живёт Таня и наши дети.

Забавно. Значит, летим в Ганновер. Как всё символично!

За моей спиной устроила очередной концерт Ралука. Румынка. Двадцать лет уже живёт в Германии. Ей за пятьдесят. Переводчица: французско-немецкий, немецко-французский. Показывает пальцами толщину словаря Duden, который она выучила наизусть. Милое существо. Говорит невнятно. Время от времени устраивает краткосрочные концерты. Первую неделю пела хит «The Ketchup Song» с характерным стригущим движением рук. Затем перешла на Пиаф: Je ne regrette rien![37] Pam, pam, pam… …Passe!!! Далее трясёт хаером в пример хэви-металистов и успокаивается. Толстая. Ей очень трудно ходить. Передвигается мелкими шажками. Будто падает вперёд. Сперва вычисляет цель и стремится к ней. Я всё время боялся того, что она грохнется. Но такого не случалось. Пару раз она устраивала балет или прочие танцы. Сидит на сильных таблетках. Поэтому-то все выходки продолжаются не более минуты. Понимает юмор. Понимает, что сильно больна. Шутит на эту тему. Почти все её не любят. Она очень неопрятная. Schlampe.[38] Но она единственная, к кому я испытывал симпатию. Пару раз она выходила в холл в полуголом виде. Кто знает, что у неё там голове. Один раз она сказала мне, что ей жаль, что она не может стать моей женой. Когда я помог поднять ей что-то, что она обронила, она

попыталась поцеловать мне руку. Я успел отдёрнуть её и сказал, что это излишне. Я как-то нашёл с ней общий язык, и мы несколько раз общались, если это можно назвать общением. Помню смешной эпизод с ней, когда сев поблизости от неё в кресло, она, чтобы что-то мне сказать на ухо, взялась рукой за его подлокотник и подтащила моё кресло к себе вместе со мной. Часто плачет. Однажды, держа в руках сахарницу, она со слезами говорила, что с этим вот (с сахарницей) хотела быть похоронена её тётя. Вот так вот — она складывала руки на груди, зажав в них сахарницу. Сахар обильно сыпался ей на грудь. Пару раз мне удалось отвлечь Ралуку от этих воспоминаний или видений разговором. Но она очень невнятно говорит. Я почти ничего не понимаю. Жаль. Очень жаль. В ней есть что-то потрясающее. У неё очень умные глаза. Кстати, у большинства психов плохая артикуляция. Требуется время, чтобы начать понимать их.

На этот раз она что-то пела и говорила по-румынски. Андреас, уроженец Румынии, пытался услышать что именно.

Было уже поздно, и Анди ушёл. Я сидел один и смотрел на розы, которые он мне принёс. Их уже кто-то переставил с подоконника, рядом с которым мы сидели, на стол.

Мимо проходит одна дама. Худая, сплошь седые волосы, лет за пятьдесят. Она всегда с дамской сумочкой. Ни с кем не разговаривает, но регулярно предъявляет претензии медперсоналу. Я ленюсь послушать, что именно те делают не так.

Она оглянулась по сторонам и быстро взяла одну розочку с собой. Через какое-то время вернулась и взяла ещё одну. Меня она упорно не замечает. Я не стал ждать кражи третьей, сдал свой плейер на ночлежку и пошёл в свою палату. По дороге меня застал звонок Акрама. Я был уже в шутливом настроении. Кругом сплошной театр. Я смотрю на всех этих пациентов и думаю, что все они как плохие неубедительные актёры. Но при этом — всё это правда, реальность. Они здесь все воистину тронутые.

Да, Андреас привёз мне также бумагу и карандаши для рисования. Я признался ему, что уже подумывал о том, чтобы «взять шашки в руки». Очень своевременный подарок.

На следующий день я отправился в город. Точнее будет сказать — на главную улицу деревни, на так называемую пешеходку. Иду покупать себе самое необходимое для жизни: бритву, расчёску, словарь, рапидографы и картон для рисования. Был уверен, что займу себя рисованием. Но рисовать не получилось. Желания в руки не пришло. А головой я рисовать не умею.

Меня к тому времени перевели в другую палату, лишив тем

самым искушения повыкручивать шурупики из фанерки. Палата с облегчённым режимом. Душевая с туалетом открыты весь день. Я прожил в ней два дня в полном одиночестве. Поставил стол к окну и всё время сидел, рисуя, пытаясь рисовать, и слушая музыку.

Ко мне чаще обычного заглядывал медперсонал и спрашивал, всё ли у меня в порядке. Да, всё ok.

Девушка, переводившая меня в эту комнату, записала на табличке, что висят на стенах при входе в палаты, мою фамилию без последней буквы: EVSEE. Точно также было написано и на шкафу. Ради хохмы я пошёл к ней в комнату для медперсонала и, нагнувшись (она сидела), тихо произнёс: Вы задолжали мне одну букву.

Она (тоже едва слышно): Какую букву?

Я: Фау. В конце моей фамилии на табличке…

Она: Я прямо сейчас должна исправить эту ошибку?

Я: Этого я не говорил. Как-нибудь потом. Ok!?

Она: Ok!

Я выхожу из комнаты и показываю ей пальцами знак «виктори»: Фау!

Замечаю замешательство на лице медбрата в глубине комнаты с открытой бутылкой минералки в одной руке и пробкой в другой. Он ничего не слышал. Но что он видел?.. Псих заигрывает с молодой симпатичной сестрой.

Девушка умудряется забыть о своём обещании. Я провокационно дорисовываю недостающую букву красной тушью из рапидографа. Через неделю в обоих местах поверху будет доминировать чёрная «фау». Кто эту галочку туда посадит — я не узнаю уже никогда.

А так, на бумаге, мне не рисовалось… Тогда я решил написать всё то, что печатаю сейчас на компьютере. Но ручкой по бумаге, как я и ожидал, — не писалось. Интересно. Два разных, как оказалось, занятия: писать ручкой и печатать. Тогда я было подумал, что буду записывать всё лишь ключевыми словами, чтобы не забылось. Попробовал. Ужасно скучно. Нафиг!

Художник

> *«Немало художников живут в мире разочарований. Они не верят в любовь. Они не верят в совесть. Подобно древним отшельникам они сделали своим домом пустыню утопий. Из-за этого они, возможно, достойны жалости. Однако прекрасные миражи рождаются лишь в небе пустыни. Разочаровавшись в делах человеческих, в искусстве они, как правило, не разочаровались. Наоборот, при одном упоминании об искусстве перед их глазами возникают золотые видения, обычным людям недоступные. Они тоже, размышляя о прекрасном, ждут своего счастливого мгновения».*[39]

Будучи ребёнком, я обожал рисование. До сих пор помню некоторые из своих рисунков. В первом классе меня отобрали в кружок изобразительного искусства. Были ярко выраженные способности. Таланта не было, способности были. Я проходил в него лишь несколько раз. Плохо учился в школе по основным предметам, а значит, по мнению родителей, не заслуживал «развлечений». Завязав с кружком, лучше учиться не стал. В дальнейшем рисовал как получалось, не зная ни единого правила этой науки.

Чуть повзрослев, рисовал огромные сцены на море. В разрезе. На поверхности корабль, под водой водолазы и акулы, подводные суда, морское дно.

Родители всю мою школьную жизнь терроризировали на предмет учёбы. Учился я из рук вон плохо. Проблемы было две: было неинтересно и дырявая память. Я ничего не мог запомнить сходу. Приходилось тысячекратно зубрить, а это меня лишь бесило. Ясное дело, что за школьной программой я хронически не успевал.

В старших классах я опять увлёкся рисованием. Сами собой придумались фигурки людей. Стилизованные контуры. Я увлёкся ими не на шутку. Пришло чувство, что я художник. По всем прочим способностям, вроде как, всё по нулям, а тут что-то

оригинальное. К сожалению, не владея ни одной из техник рисования, я каждый раз был разочарован своим исполнительным мастерством. Мои миниатюры выходили на редкость неаккуратными. Я стал относиться к ним как к эскизам, в надежде когда-нибудь сделать на основе этого материала настоящие графические полотна. [Это стало возможно лишь многие годы спустя, когда я освоил компьютер и смог обрабатывать свои вещи в векторной графике.] К тому моменту я заметил за собой полное отсутствие фантазии. Я рисовал тысячи этих фигурок по методу — куда рука пойдёт — и отбирал в результате десяток наиболее удачных и оригинальных. Со временем я перебирал свою коллекцию и выбрасывал из неё не прошедшие проверку временем. Занимаясь этим делом несколько лет, я выработал для себя десяток разных стилей, оставаясь при этом лишь в своём узком кругу — человеческих фигурок.

Увлечение это перешло и на студенческие годы. Более двух лет проторчал я в кораблестроительном институте, ставшем в те годы государственным морским техническим университетом. На первой же лекции я понял, что вся эта учёба не для меня. Но другого выхода не было, нужно было учиться ради того, чтобы закосить от армии (в институте была военная кафедра) и приобрести корочку о высшем образовании (желание это было у моих родителей, не у меня), не завалиться, так сказать, пьяным под забор (выражение родителей). Если я ходил на занятия, то, как правило, бездумно переписывал пропущенные лекции, либо рисовал. Рисовал, помню, шаржи на преподавателей. Один из них в каждом втором предложении упоминал слово «казус». Так он мне с ним и запомнился.

Завалив сессию на третий год и не желая её сдавать повторно (с помощью договорённостей отчима с моими преподавателями), я распрощался с институтом и сидел сутки напролёт дома. Родители, раздраженные моей бездарностью, уехали с этой квартиры, перебравшись в родовое гнездо отчима. Я остался один. Рисовал. С утра и до вечера только рисовал да слушал музыку.

Мама пожаловалась на меня в своей компании, что я, мол, бездельник, ничего делать не хочу, лишь рисую целыми днями как малое дитя. На эту жалобу ей ответила Ада Семёновна Ставиская (создатель и директор студии «Панорама»), что она, мол, только что собрала при своей фирме мультипликационный отдел, и я могу попробовать себя в этом деле.

В тот день, когда я попал на студию, моя бесконечная чёрная полоса по жизни сменилась на белую. Я попал в свою атмосферу, где тут же почувствовал себя своим. Группа была уже собрана и

училась-работала второй или третий месяц. Если в институте у меня была лишь пара друзей, то тут их образовалось с дюжину. На второй день я встретил свою будущую жену, в которую тут же влюбился. Очень быстро освоил технику производства и начал работать. В одной точке сошлось всё лучшее, что мне было нужно: любимый человек, потрясающие друзья, увлекательная работа, талантливые люди, бесподобная атмосфера… плюс платили за труд отменно.

Вершинами студии были два режиссёра, которые на базе «Панорамы» делали свои проекты: Константин Бронзит и Ринат Газизов. Первый — бесподобный энтузиаст своей профессии — продолжает творить на благо искусства и по сей день, найдя возможность совмещать свой труд с зарабатыванием денег. Второй — очень быстро отошёл от авторского кино и при необходимости содержать большую семью и кучу приживалок взялся за коммерцию. Если с Костей я работал лишь эпизодически, то с Ринатом в связке провёл несколько лет, вплоть до своей эмиграции. Несколько лет назад Ринат увёз семью в Лос-Анджелес. Теперь он то там, то здесь. Работает на два фронта.

Мультяшный отдел «Панорамы» просуществовал что-то около года и развалился. Студия существовала на деньги от английского проекта, с которым мы по многим причинам не справились, и конец её оказался плачевным. Но эта первая в Питере команда стала заделом, основой последующих коллективов.

Ведущий аниматор студии Денис Чернов возглавил проект «Смешарики», Костя Бронзит курирует «Мельницу». Ринат Газизов, отработав в рекламе и на видеороликах что-то около пятнадцати лет, решился таки вернуться в лоно искусства и запускается с полным метром.

Все мои друзья разлетелись по миру. Я даже не знаю, где они теперь. В то время, когда мы расставались, не было интернета и связи распались. Игорь Чистяков, Саша Ильяш, Кирилл Кравченко, Маша Маломашина, Таня Виноградова… Ау! Где вы все?!

Мне до сих пор снится сон, родившийся в первый год пребывания в Германии, в котором я якобы взял работу у Рината и должен её уже сдать бы, но проходят годы, а я никак не могу закончить. Мне ужасно стыдно, что подвожу проект, но ничего со всем этим поделать не в силах.

Отделение А5.2 (продолжение)

Я бросил и рисование, и писанину, и стал опять лишь читать да слушать музыку. Производство не получается, будем тогда потреблять. Уайлда я прочитал за пару дней. Взял на выходные гигантский том Толкиена. Читал его потом две недели, с трудом осилил первую книгу. Удивился занудности и бессмысленности этой странной саги, что так многие обожают. Опять-таки словарь особо не понадобился. Я сделал карточки для заучивания слов, их получилось около пятидесяти. 50 незнакомых слов из 400 страниц «Властелина колец».

Делая карточки (неаккуратно разрывая руками лист Din A4) я вспомнил свой подход к изучению немецкого языка в первые годы эмиграции. Тогда я делал их до жути аккуратно, по линейке лезвием, выводил каллиграфическим почерком слова и их перевод на другой стороне, был ведом синдромом перфекционизма, так, что собственно на заучивание слов уже не хватало ни сил, ни тем более желания. Потом слова выучились как-то сами, без напряга.

Когда в новой комнате пришло время перестилать бельё, я сдёрнул простыню и завис над картиной, изображённой на матраце. Писаный-прописанный, каканный-прокаканный… Полотно авангардиста.

Голос русской медсестры за спиной: А что вы хотели?! Тут всякое бывает…

Всё ясно. Поэтому-то и все постельное бельё здесь прорезиненное. Шуршит при малейшем движении.

Большинство психов считает обязанностью медперсонала менять им еженедельно постельное бельё. Как только к ним в комнату заезжает тележка со сменой белья, они тут же выходят прочь. Медсёстры обижаются, просят на собраниях быть сознательнее и помогать им в этой плёвой по сути дела деятельности.

Да, о собраниях. Первое время я отказывался принимать участие в них, но потом пришлось согласиться. Уж больно укоризненными были взгляды сестёр. По сути дела собрания эти — дело необременительное. Все садятся в круг и представляются. Некоторые говорят, как у них в общем дела. Закончив свою часть, следует сказать: Ich gebe weiter.[40] Один, кстати, из примеров, когда нельзя перевести дословно. На этих собраниях распределяются «амты», так называемые службы — кто из

пациентов за что будет ответственен на следующей неделе. Пара организационных вопросов и можно расходиться, предварительно поставив стулья на место.

Однажды ночью я проснулся от дикой боли в груди. Ужасно хотелось спать, но из-за этой боли не получалось. Было ощущение, что что-то во мне застряло. Не было сил встать и сходить к дежурному врачу. Так и заснул, отмучившись что-то около часа… Был ли это тот монстр ползущий под кожей или что-то в этом роде? Я не знаю.

Нашёл неподалёку интернет-кафе, в которое хожу теперь регулярно. Один час стоит 2 евро, но в этой «радости» житейской отказать себе не могу.

На пути туда на территории клиники встретил своего лечащего врача. Он в очередной раз спросил меня, не против ли я того, чтобы организовать встречу с Таней. Я не против. Тогда нужно будет записать её телефон. Хорошо.

Оказавшись в интернете после двухнедельной паузы, почувствовал себя абсолютно вне темы. Начал собирать воедино всё, что упустил за прошедший период — всю новую публицистику, которую отслеживал и архивировал последние годы. Тонны нового. Никакой радости потом разгребать эти могучие завалы. Для складирования этого материала пришлось купить новый USB-накопитель. Мои старые флэшки остались дома у Тани. На подоконнике. Она, по всей видимости, забыла бросить их в мою сумку, когда за ней приезжали полицейские. Теперь, наверное, жалеет об этом — ведь это возможная причина для моего появления у неё в дверях. Господи, почему я так плохо думаю о ней?! Потому что так много уже пережил и на многом так жестоко обжёгся…

Спросил у медперсонала, можно ли пользоваться компьютером за пределами отделения. Можно. Ага, можно-таки. Нужно теперь найти розетку. Две малюсенькие дырочки в стене, от которых жизнь становится немножко веселее. Высматриваю эту розетку через запертую дверь. Там, на нашем же этаже, за дверью площадка для посетителей: стоят кресла и столик. Розеток не видно. Позднее найду одну в холле перед библиотекой и кафетерием. Спрошу у барменши, можно ли ей пользоваться. Она не знает, спросит у шефа. Возвращается: нельзя.

Каждый день мне кто-то да звонил. Иногда несколько раз за день. Я, получалось что так, по доброй воле стал newsmaker'ом.

Тане мои байки по-прежнему не нужны. Она ни разу не позвонила. А я каждый день жду её звонка. Я всё ещё надеюсь на

то, что не такая она и сволочь, каковой хочет себя передо мной выставить.

Она никогда не позвонит.

Ни разу за то время, когда я жил в Германии один, ни разу мне лично в Питер, ни разу в больницу… Жесть. Я ей, видите ли, действую на нервы.

Пониженная доза успокоительного сказывалась на мне по-прежнему утомляюще, и я сваливался после завтрака в постель и спал до обеда, т. е. до половины двенадцатого. На приёме у врачей в очередной раз просил снизить дозу.

Ну и завертелась моя первая серьёзная проблема, история с Эдэле. Её перевели в отделение, предназначенное для пост-реабилитации и подготовки больного на выписку. Она каждый день звонила мне и болтала всё об одном и том же — по полчаса, по часу. Я терпел, сидя в телефонной будке на полу с закрытыми глазами, изредка поддакивая. От постоянных наушников мои уши не особо страдали от телефонной трубки, как таковое бывало раньше, отчего я всегда ненавидел долгие телефонные разговоры.

Иногда, когда разговор с Эделе представлял из себя не монолог, а диалог, я шутил над ней. Она понимала юмор и радовалась ему. Говорила, что после бесед со мной у неё улучшается настроение. О себе я бы такого сказать не мог. Она рассказала, что Вождь её разочаровал, бросив одну на вокзале, и по её версии сбежал в Ганновер. Она трахнулась с ним уже один раз, но он негодяй-предатель. С ним покончено. А ту квартиру за 13 тысяч евро она теперь хочет купить мне, чтобы видеть меня, когда я выношу мусор, и время от времени спускаться ко мне поболтать за чашечкой кофе. Затем она начала жаловаться на мужа, на то, что тот не привозит ей денег, а она отложила кучу вещей в магазинах по соседству, и их надо уже выкупать… что она назанимала денег у людей на сигареты… что её муж сволочь, но она его любит, хоть он и плохо воспитан, и она ему изменяет со всеми этими… она ведь спала с Вождём и хочет целовать его грудь вновь, но тот её предал, и теперь квартира достанется мне, т. к. я такой-растакой, единственный нормальный человек во всей больнице…

Я вспомнил тётю Нину, бабушкину сестру. Вспомнил ещё одну «квартирную» историю. Но о ней как-нибудь потом.

Стало напряжно всё это в сотый раз выслушивать. От квартиры я открещивался, как от сатаны. Я мол в Ганновере жить не собираюсь… уеду в Берлин. К чёрту лешему, но только не туда, куда меня хотела прописать фрау Кюн. Но Эдэле уже не слушала в последние дни. У неё наступило явное ухудшение. Она

начала жаловаться на Postbank[41], в котором у неё счёт, что они, мол, без карточки не выдают ей деньги на руки, хотя она наизусть знает все свои контоаусцуги…[42] Муж не приезжает вот уже который день, а ей так нужны деньги на новое платье, в котором она пойдёт на какой-то концерт и будет там танцевать со всеми отвратительными мужчинами Ганновера, а муж — сидеть где-то там наверху и смотреть на неё, гордиться ею… Короче, начался циклообразный бред.

На следующий день её вернули в наше отделение. Она умудрилась устроить скандал в банке, и её пришлось оттуда выдворять с полицией. Став буйной, она вернулась в буйное отделение.

Ну, тут и началось самое тяжёлое. Она не давала мне прохода. Цепляла при первом же пересечении в коридоре или в холле. Я начал скрываться в своей палате.

Короткое отступление. Это уже была собственно не палата, как та первая, а уже более-менее комната.

К тому моменту, когда в «буйное» вернулась Эдельтраут, мне завезли двух соседей. Сначала был Программист. Не знаю, кто он там по профессии, ни разу с ним не разговаривал, но выглядел он именно программистом. Чуть полноватый, очкарик.

Первые дни он всё время спал. Завтракал и заваливался спать до обеда. Как я. Просыпался он сам — за минуту до кормёжки, уходил есть, возвращался и опять ложился спать. Просыпался вновь к ужину, вставал с точностью до секунды и напрямик в столовую, ел и брёл уже спать до утра. Спал большей частью на животе, слегка похрапывая и регулярно тихо попукивая. Лекарств ему никаких не давали. Давление не мерили, как это было с некоторыми из пациентов, кровь на сахар из мочки уха не брали. У меня сложилось такое впечатление, что он здесь давний пациент. Уж больно точно у него все рефлексы на приём пищи заточены. Пару дней спустя он стал меньше спать. Точнее будет так: ему уже не удавалось заснуть. Он приходил после приема пищи, раздевался, одевал шорты, ложился в постель, некоторое время сопел, сучил ногами, замирал, вскакивал, одевался, куда-то убегал, пять минут спустя возвращался (воздух насыщался запахом курева), раздевался, одевал шорты, сопел, сучил… и так десятки раз подряд. Начал часто ходить в туалет. Когда находишься под таблетками, подобные вещи не раздражают, лишь забавляют. Начинаешь следить за всеми мелочами, полностью ли соблюдается ритуал, или же в нем бывают сбои: будет ли он сейчас сучить ногой или нет, которой из двух, левой-правой, обеими?..

Ещё в первый день мне было сказано, чтобы я свою зубную щётку и прочие принадлежности личной гигиены держал в прикроватной тумбочке, так, мол, будет надёжнее. Этот же чудик, Программист, разложил всё своё добро в ванной. Мне вспомнилась сцена из «Американского психопата», в которой описано утро главного героя, точнее, огромное количество всякой косметики, у каждой из которой своя собственная функция, и определённая последовательность. Туалетная комната ожила и превратилась в некое подобие стеллажа из магазина «Rossmann».

Следом за Программистом на поселение ко мне прибыл совсем молодой парнишка. Тот в первый день пытался с нами заговорить, басовито предлагал шоколадку… я отказался и не стал с ним общаться. Для этого мне хватает бредоносной Эдэле… Та тоже всё меня шоколадом угощала. Здесь — я уже чётко начал это понимать — лучше делать так: изначально не общаться. Ни слова друг другу. Даже «привет» не надо говорить, т. к. с «привета» тоже может кое-то начаться. Выражение «человек с приветом», видимо, оттуда. Психиатрия исключает нормальное общение. Будь хмурым нелюдем, и ты спасёшься!

Паренёк удвоил порцию шампуней и прочей мыльной дряни в ванной комнате и там уже не было более пустого места.

Когда меня перевели в эту комнату, и я был её единственным хозяином, я тут же поставил стол к окну, чтобы было достаточно света для рисования. Заехавший же новичок оттащил его обратно во мрак и разложил на нём своё богатство: альбом, цветные карандаши, резинку, точилку… Ага, Художник.

Мне рисовать уже не хотелось. Теперь зато на этот стол не будут приземляться шорты Программиста. И то хорошо.

Лишь раз я видел Художника за «работой», пробегая мимо. Некоторое время спустя я тайком глянул в его альбом и горько улыбнулся. У Художника слабоумие. Всё ясно. Там были рисунки пятилетнего ребёнка: коричневый мишка с большими ушами (Чебурашка) среди цветочков; крепость, занимающая весь лист, со множеством неаккуратных кирпичиков.

Значится так. Живу я мирно с Программистом и Художником, а тут эта фрау Кюн. Ей отныне запрещено гулять одной. Чтобы выбраться на волю: купить курево, пробежаться по магазинам… ей необходимо сопровождение. Я стал одним «из». Общаться с ней в этот момент было бесполезно, т. к. она уже была не в состоянии прервать свой монолог. В последний раз я её сопровождал на прогулке, после того как она зашла в мою комнату (все трое спали) и бесцеремонно разбудила меня, выволокла еле живого на улицу. Денег у неё не было. Муж

приедет только завтра. Я купил ей пачку сигарет в ларьке, и мы стали ходить по одному и тому же пути, т. е. кругами вокруг отделения. Я сплю на ходу, она несёт полнейшую ахинею о том, что она была прекрасной дочерью, и всегда наставляла на путь истинный своих сестёр, была революционеркой, спала со всеми жирными, мерзкими, отвратительными мужчинами, чтобы досадить своему мужу, которого любит и ненавидит, т. к. он плохо воспитан, и он должен-таки, обязан как можно скорее переехать жить в садовый домик, т. к. её уже со дня на день выпишут, и она будет жить в пятикомнатной квартире одна, а квартиру этажом ниже она купит мне, и т. д. и т. п.

Эделе заикнулась в очередной раз о турецкой и русской девочках. Сказала, что тренировалась с мужем в преподавании немецкого языка детям эмигрантов. Она уже выучила правило «entweder …, oder …»[43]. Сказала также, что пишет безграмотно, но говорит на Hochdeutsch.[44] Не знаю, как она пишет, но разговорный у неё завидный.

Совершая очередной виток, я обратил внимание, что о даруемой мне квартире она говорит в тот момент, когда мы проходим по мостику, а про жирных мужчин рядом с библиотекой. Сделали ещё один круг, и история повторилась. Всё совпало. В третий раз аналогично. Кругами ходили не только мы, но и мысли у дамочки… Я сказал Эдэле, что ей пора возвращаться, а я ещё должен сбегать в интернет-кафе. Она пыталась напроситься идти со мной, «посидеть тихо рядом», но я был неумолим. Она говорила мне, чтобы я перестал пить таблетки, чтобы не спать после завтрака и ходил с ней гулять, т. к. все прочие пациенты однозначно засранцы и не хотят с ней больше выходить на улицу. Я вернул её в отделение и сбежал. Общение с ней стало мне не по силам. Оно превратилось в изнасилование ушных раковин и мозговых извилин.

На следующий день я проснулся, позавтракал. К счастью Эдельтраут за завтраком не встретил. Почитал пару часов, отложил книгу. Лежал в постели. Спать не хотелось. Мои соседи дрыхнут. Стук в дверь. Я тут же закрываю глаза и делаю вид, что сплю. Дверь открывается. Тишина. Чувствую, что это она. Лежу. Эдэле пытается меня разбудить, дёргая за плечо. Я открываю глаза и тут же закрываю.

Я: Эдэле, я хочу спать.

Она: Пора вставать. Уже одиннадцать. Нужно идти гулять.

Я: Эдэле, я хочу спать. Мне нужен покой.

Она: А мне нужны сигареты. Не разочаровывай меня.

Я: Я никуда не пойду, я буду спать.

Она: Муж привёз мне 40 евро. Я должна купить сигареты и

(что-то из одежды).

Я: Я сплю…

Она, рассерженная, уходит. Через пару минут я таки засыпаю.

Проснувшись через несколько часов, был весь на взводе. Подумал: так, довела меня моя любезность до горячки. Встал и пошёл на кухню делать чай.

Я уже привык занимать себя этим полезным для отделения занятием.

Я кипятил воду. Ставил мытые термосы числом семь в один ряд. Брал по три пакетика каждого чайного сорта. Привязывал их к ручке термоса. Заливал кипятком. Оставлял завариваться. Ждал новую порцию кипятка.

При этом в тот день слушал на полную мощь «Prodigy».

Был замечен своей подругой. Она подошла ко мне и начала что-то говорить. Я, не слыша своего голоса, сказал, что не слышу её, а слышу лишь «Prodigy», и что теперь мне жизненно необходим покой, и только покой, и «Prodigy» мне в этом в помощь, никого больше не слышу, и я не хочу более с ней общаться, т. к. это перестало быть для меня приятным времяпрепровождением.

Она говорит, что хорошо, что она меня понимает и уходит. Не слышу, но читаю эту фразу по её губам.

Кто-то мне позвонил в этот момент. Я ушёл в телефонную кабинку. Всё это время фрау Кюн подходила к ней и пристально глядела на меня. Я каждый раз отворачивался. Отныне я игнорировал всё, что она мне говорила. Она стала забывать моё имя, называя меня то Андреем, то Сергеем…

Эдэле: Доброе утро, Андрей!

Я: Я не Андрей.

Эдэле: Да мне насрать на то, как тебя там зовут!

Тишина в ответ.

Затем она вновь приветствовала меня.

Я молчал.

Тогда она много раз подряд говорила: Kalter Entzug![45]

В отделение регулярно завозят новых пациентов. Каждый день новые лица. Много подростков. Они ошарашены происходящим с ними, плачут. На следующий день их уже выпускают. Появились одна за другой три женщины.

Первая: секс-бомба. Высокая, крупная. Безумная. На лице не сходящее отчаяние, мечется от термоса с кофе к поискам пищи в холодильнике, затем регулярно стреляет у всех сигареты. Всё время выглядит возбуждённой от паники. Она одна из тех, кто ворует еду у других пациентов. Ходит босиком. Когда идёт, то

пол сотрясает.

Она подошла ко мне на кухне в первый же день своей госпитализации. Подошла очень близко. У меня было ощущение, — от её выражения на лице — что она меня сейчас ударит.

Она (жёстко): Тебя как зовут?

Я: Алексей.

Она: Алексей.

Я: А тебя?

Она: Агнес.

Я: Агнес.

Она: Да.

Через несколько дней она подошла ко мне опять-таки с безумием на лице и сказала: Ты хороший человек. Ты мне нравишься.

Я не знал, что ей ответить. Она мне не нравилась. И она была воистину crazy, как никто другой из психов. Я промолчал.

Вторая женщина была до одури смешная. У неё был словесный понос. То, что она говорила, было настолько стрёмным, будто человек читает с утроенной скоростью написанную юмореску. Она бросалась от одного пациента к другому, брала кого-нибудь за руку и вела на экскурсию по отделению. Речь её выглядела примерно так (читать быстро-быстро):

Так, молодой человек, я вас старше, значит, вы должны меня слушаться (потащила она за руку отупевшего от медикаментов наркомана-подростка). Здесь я была в прошлом году, вот в этой палате находится то-то и то-то. Мы возвращаемся и устремляемся в другой коридор, в котором я была месяц назад, и мне здесь абсолютно не понравилось. Я только что слышала смех. Кто-то смеялся. Смеялся, как мне видится, надо мной. Но я выше всех эти тупых недоумков, которым нечего мне сказать, в то время как я могу заявить, что…

При этом она ведёт себя до одури манерно. Манерен и голос. Сверх дозы. Это уже одна в одну копия всех этих комеди-шоу — что российских, что немецких.

Народ психушный просто в панике бегал от неё прочь. Я же, дуралей, наоборот ждал момента — когда-же-когда-же — она примется за меня. Но до меня очередь не дошла. Пациенты один за другим жаловались медперсоналу — просили угомонить дуру, но сёстры только разводили руками и беспомощно улыбались в ответ. Болтунья скрылась в комнате для курящих. Минуту спустя оттуда вылетел Хорват и попросил медбрата отобрать у той

психованной гадины свою зажигалку, которую та у него выхватила.

Отсидев полчаса в курилке, Болтунья вышла из неё и пыталась усесться за стол к компании пациентов. Ей раз за разом отказывали в этом её желании. Блондинка пыталась донести до её ушей: Geschlossene Gesellschaft![46] Вы понимаете? Нам не хочется, чтобы нам кто-то мешал. Geschlossene Gesellschaft! Geschlossene Gesellschaft!..

На следующий день Болтунья была медикаментозными средствами превращена в Тихоню. Таковых у нас было уже трое. Старуха, парень-наркоман и дядька-ребёнок.

Он огромный. Небритый. В скандинавском свитере. Его долго не могли завести в отделение. Я наблюдал как на него (лося) слетелись все медбратья (волки) и уговаривали зайти-таки внутрь. Он недоверчиво отказывался. Пятился от пасти отделения прочь. К нему вышли лечащий врач и главврач. О чём они беседовали, я не знаю, не было слышно, хотя я был метрах в семи от них. Мужик всё время смотрел в пол и изредка на меня (зрителя). Я пил чай и с интересом наблюдал за врачами. Они все были напряжены и готовы к броску… несколько раз они уже было поднимали руки, чтобы скрутить жертву. Но обошлось. Удалось уговорить. Тот сделал пару шагов вперёд, и за ним закрылась дверь на свободу. Он зашёл и быстро превратился в равнодушного соню.

Третья женщина была заторможенной. Она простояла часа четыре перед книжным шкафом с десятком книг, облокотив локти о полку и держа голову руками.

В тот день я почти всё время читал, сидя в той комнате.

Лишь один единственный раз за эти четыре часа она обернулась ко мне и спросила: с какой частотой передаются мысли?

Я: Без понятия.

Вопросу я не удивился, т. к. читал «Властелина колец».

Она: Жаль. Интересно было бы узнать.

Отвернулась обратно к шкафу.

К ней подошёл медбрат, спросил как у неё дела. Она ответила, что всё в порядке, она лишь смотрит книги. Медбрат ушёл.

На следующий день за завтраком. Из кухни выходит Хорват. За его спиной эта женщина с улыбкой на лице показывает рожки за его лысой башкой. Тот замечает эту шутку и довольно агрессивно и неадекватно реагирует на неё. Женщина несётся к своему столу с безумными криками: Меня ударили! Помогите!!

Насилуют!!!

Из своего закутка выскочили все сотрудники отделения. Тем временем женщина тихо и мирно сидела за своим столом и ела. Было лишь слышно недовольное бурчание Хорвата.

Пересекая холл, в туалет засеменила старуха из коридора. Ожила.

Очередное собеседование с врачами. Опять пара вопросов о голосах. Не слышу, ребята, ну, не слышу! Захотелось сказать: регулярно по телефону. Решил не шутить. Предложили другое отделение. 9.0. На флайере: спорт, ароматерапия, аутогенная тренировка, общение в группе с пациентами… Я отказался.

Врач спросил меня, оставил ли я в бюро телефон Тани, чтобы с ней связаться. Я сказал, что нет; думал, что он у меня сам о нём спросит. Врач попросил продиктовать ему номер и записал его в моём досье.

Я понял в тот день, что они не знают, что со мной делать. Я не прохожу у них ни по одному убедительному диагнозу. Нет у меня шизофрении.

Я сказал, что мне в последние дни стало хуже. Истории «Рамадани-2» больше не предвидится, мне скучно и я вновь загрустил. Тело ответило вернувшейся депрессией. Врачи застрочили ручками в своих блокнотах. Моя антидепрессантная таблетка стала втрое тяжелее.

Из Берлина по мою душу приехали Акрам с Ниной. Я ушёл их встречать на вокзал. Когда они вышли из поезда, я счёл нужным немножко подурачится и пошёл в их сторону с лицом дебила, как МакМёрфи в конце фильма.

В клинику я вернулся лишь через четыре с половиной часа. Никто из персонала пропажи не заметил. Гулять мне разрешено было два раза в день по часу. Я никогда не следил за пунктуальностью, но более, чем на два часа за один заход, никогда не уходил.

Погода была гнусная, и мы просидели втроём все это время сначала в одной забегаловке, затем в другой. Я рассказывал им всё то, что рассказываю вам здесь. Нина спросила, как же полиция догадалась, что я это я. На этот вопрос последовал следующий ответ (показывая пальцем на Акрама): Так как этот вот мой дружочек подарил мне в Берлине куртку КРАСНОГО цвета. Меня в ней было бы трудно не заметить…

В тот вечер, когда у книжного шкафа стояла эта новоприбывшая, и когда её увели в палату, в комнату вошла

полная женщина, из постоянных. Толстая, рыжая, с фингалом (возможно родимое пятно, т. к. на протяжении всех трёх недель пятно не уменьшилось в размерах). Розамунде. Интеллектуалка. Тип Валерии Новодворской. Я с ней уже раз пересёкся, когда она увидела у меня в руках Толкиена. Сказала, что хорошая книга. Я ответил, что на мой вкус ужасно скучная. Она задумалась и сказала, что после первых двухсот страниц будет гораздо лучше. Я в результате осилил 400 и сдал книгу в библиотеку.

Месяца два спустя, я узнаю из интервью Валерии Ильиничны: на вопрос «Есть ли у Вас то, что называют «настольной книгой»?» она отвечает «Постоянно у меня лежит Толкиен, очень жить помогает».

Розамунде зашла в комнату, где я читал и тут… понеслось. До ужаса интересная тётка. Ни следа безумия. Жутко эрудированная. Рассказала, что сошла с ума на исламе. Доходит до того, что она готова взять в руки оружие и уничтожать всех врагов Аллаха. Она уже многократно здесь. На следующей неделе её выписывают. Рассказывала о том, что она суфистка. Что первым её мужем был занудный немец, которого она бросила и который счастлив в другой семье, у него теперь есть ребёнок, которого она ему дать не могла. С тех пор у неё регулярно новые мужчины: все как один с Ближнего Востока и из Африки. Она постоянно сыплет фразами на арабском. Мы проболтали в тот первый день часа четыре к ряду. Нас пришла выгонять медсестра. На часах 23:00. Разбегаясь по палатам, Розамунде просит дать ей мой телефон. Также как и Эделе я отвечаю ей: Телефона нет, адреса нет. Телефоны я не люблю, а живу здесь — в 5.2.

Ну, т. е. вам всё ясно, да? что я попался во второй раз. И этот раз был ещё более ужасный. Розамунде была в сто раз интереснее Эдэле, но и в сто раз навязчивее. Теперь у меня просто не осталось своего личного времени. Розамунде бесцеремонно выцарапывала меня из моей берлоги и вела куда-нибудь поболтать. Всё это с тысячью извинений, всё как положено, но кому от этого бывает легче? Так же, как и Эдэле она находила меня приятным собеседником, смешным, забавным. Хохотала над моими шутками и наблюдениями. Так же, как и Эделе она советовала мне писать книжки…

Я не стал избавляться от Розамунде на пример Эдэле, т. к. знал, что та должна была быть выписана в середине предстоящей недели.

У Программиста появился CD-плеер. Он его теперь регулярно слушает, лежа на животе. Всё время при этом косится на меня взглядом. Из наушников доносится немецкий рэп.

Каждый раз теперь, когда я захожу в комнату, он тут же убегает.

На третий день после появления CD-плеера Программист пропал. На его место привели бесцветного мужика. О нём нечего рассказать. Разве что глаза у него были заплывшие жиром. Тонюсенькие щёлочки вместо глаз. В них каждый раз хотелось бросить монетку. У меня остались 3 жетона от питерского метро. Хотя нет, есть и ещё одна отличительная черта: он безумно храпел. Извинялся за это, но ночью был невозможен. Может быть, что со временем я бы и к этому привык.

Не помню, чтобы он пукал. А пукают здесь все — первым пукающим мальчиком в моей истории был Вождь.

В понедельник я выпросился в Ганновер. Нужно было съездить в «Каргу» повидать всю свою дружную рабочую братию. Официальной причиной было желание шефа взять меня на работу. Поездка эта стоила мне многих сил, и я очень устал. Приехал домой еле живой. Это не описка. Я действительно приехал домой. Так и сказал встретившей меня русской медсестре: «Вот я и дома! Есть уже такое ощущение». Отдал ей сумку со своим компьютером.

Глядел на себя в зеркало и ужасался: весь бледный, красные пятна на лице, лопнувшие сосудики в глазах. Чёртовы медикаменты!..

Вывез из «КАрги» наказ от её «каргИ», Эльвиры, одной из моих близких друзей: Живи один. Всё. Нет больше этого назад. Забудь. Думай в другом направлении. Понял?..

Живи один.

Я не смогу.

Без Тани.

Не могу.

А дети…

У этого уравнения нет решения. Мой компьютер выдаёт сбой за сбоем. Который уже год подряд…

Во вторник был тут же выцарапан из комнаты Розамундой. Она сказала, что её побила Секс-Бомба. Что?.. Но она удержала себя в руках. Она суфистка. Никакого насилия. Увела меня в конец коридора, где стоят два кресла и о чём-то долго рассказывала. В какой-то момент я нашёл нужным рассказать ей о том, что мой сосед-программист заимел привычку просыпаться раз пять за ночь: он включал свет, который меня будил, я слышал шипение открываемой бутылки с минералкой, плеск воды в кружке, звук завинченной пробки, свет выключался, слышались

жадные глотки, стук чашки по поверхности тумбочки…

Розамунде: А зачем ему кружка? Он что, из бутылки не мог попить?!.

Я: Ну, так вот и я о чём.

Розамунде разрывалась от хохота.

Она всё больше и больше стала рассказывать о себе, о своей службе в Бундесвере[47]; о том как она создавала медиа-архив для своего отделения; о том, куда ездила в отпуск… Рассказала, что однажды в Каире зашла в мечеть в брюках. К ней подошла женщина и спросила, почему та не в платье, а Розамунде ей ответила, что находится в путешествии и платья у неё с собой нет. И она разговорилась с этой женщиной…

Я: А Вы хорошо знаете арабский?

Она: Нет, только несколько фраз. Я пыталась учить, но мои мужья говорили со мной лишь по-немецки, в то время как со всеми прочими своими друзьями — по-арабски… Я знаю: Инщаа-аллаа! Это значит: Во имя Господа! И ещё арабы часто говорят: Альхамдулилля! Это: Если Богу так угодно! Они всё время так говорят — то к месту, то не к месту.

Тут начались неточности. Как же она тогда говорила с мусульманкой в мечети, задался я вопросом. Наверное, попалась мусульманка, владеющая немецким.

Розамунде переключилась на то, как она делала-делала свой архив и была идеальной исполнительницей, её все ценили, но потом она решила выпрыгнуть из окна. Встала на стул, открыла окно…

Я сдуру спросил, какой это был этаж.

Она показала мне пятерню.

Я: Не так уж высоко. Можно выжить и остаться инвалидом.

Она: У меня не было никакого шанса. Меня спас мой бывший муж. Альхамдулилля!

У неё начался бред. Сплошные несостыковки. Ей уже не нужен был диалог, она всё болтала и болтала. Сама же от своих шуток хохотала. Я молчал и думал лишь о том, что столько информации мне просто не запомнить. Столь эрудированна была эта дамочка.

Она спросила меня лишь об одном, люблю ли я животных. Я сказал, что не люблю.

Она: А я люблю лошадей. У меня есть конь. У него вот такие здоровые копыта! Я скачу на нём и забываю обо всём. Ещё я люблю мопсов. Скоро мне привезут моего коня, и я буду проводить на нём все своё свободное время.

Я вспомнил, что она живёт в Линдене (Половина всех пациентов здесь не только из Ганновера, но именно из района

Linden) и спросил, где она держит своего коня.

Она: У меня нет для него места дома, и нет денег содержать такую лошадь. Я живу на пособие. Моя лошадь находится в специальном для неё месте. Я только прихожу кататься на ней.

Я: А сколько это стоит?

Она: Ничего не стоит. Коня нельзя купить. Можно быть только его владельцем. Он же тоже живое существо, как человек! Как его можно продать или купить?..

Затем она задумалась и стала описывать то, что, как мне казалось со стороны, она видит сейчас перед собой: Я проснулась и не нашла Хасана (мужа) в постели. Тогда я поняла, что он умер. Я сделала ему мавзолей. Выволокла всю одежду из шкафа и положила на кровать. Я вскочила на коня и поскакала на Линденерберг. Там я встретила Сатану. Тот посмотрел на меня. Хасана я не нашла. Мимо пробежал Шайтан. (бред-бред-бред) Шайтан — это ротвейлер моего мужа. (ага, полубред)

Она расплакалась…

Я понял, что больше не заговорю ни с кем здесь. Иначе все эти бредни станут моими. Сейчас это всё звучит забавно, но тогда live было не до улыбок.

Уже без слёз она продолжила: Много лет назад, когда я попала в это отделение, я увидела впервые своего врача… он сидел в холле и разговаривал с кем-то из пациентов… я наблюдала за ним… он взглянул на меня… Тогда я сразу поняла, что он — Сатана. Я тут же об этом догадалась. Он испортил всю мою жизнь…

Опять слёзы.

В конце коридора раздавали вечерние таблетки. Я, пользуясь случаем, смылся.

На следующий день она уже не отходила от меня ни на шаг. Теперь она несла лишь одну ахинею об исламе, врагах ислама, Хамасе, талибах, о своей ненависти, о том, что она вагнеровская Валькирия… Но начала с рассказа о том, что только что Секс-бомба задела её задницей, а она в шутку толкнула её в ответ. В результате получила кулаком в лицо и коленом в живот.

Всё вокруг сочувственно смотрели в мою сторону. Изредка меня спасало лишь то, что Розамунде — женщина курящая. Чувствуя позыв к этому, она каждый раз сожалела о том, что я не курю, и мы не можем продолжить столь увлекательную беседу (монолог, Розамунде, монолог!) в комнате для курения. Она ушла и там в очередной раз получила кулаком в лицо от Секс-Бомбы.

Я остался в кухне заваривать чай на всё отделение. Зашла Хайке. Молодая на вид девчонка, но абсолютно седая. Ей уже за сорок. Тихая. Не понимает, за что её сюда посадил отец. На три

месяца. Она просто сидела дома и смотрела день-деньской телевизор, ничего «такого» не делала…

Я ей: Боже, как меня достали все эти разговоры! И ведь некуда уже скрыться, кроме как в туалет!

Заговорил я с ней, т. к. видел, что та уже попалась в сети к Эдэле. Я слышал краем уха обещания Эделе купить той квартиру на первом этаже, в которой Хайке сможет открыть приют для животных, т. к. та врач-ветеринар по профессии. Наверное, всё с той же целью, чтобы наблюдать Хайке за выносом мусора и добрыми беседами за чашкой кофе.

Хайке: Да я тоже уже не знаю, куда от неё (Эделе) деться. Так было хорошо на выходных дома одной, а теперь всё заново здесь…

В кухню зашла сестра.

Я ей: Мы тут вот с Хайке хотели бы уединиться… Нет ли свободной комнаты, в которую нам можно было бы от всех запереться…

Сказав это, я подумал, что сестра меня неправильно поймёт. Но та наблюдала нас уже давно и знала о наших проблемах.

Сестра: Вас уже все достали? Так вы просто нам говорите, мы вас и будем спасать от назойливых пациентов.

Я: Как?!.

Вернулась Розамунде. Всех прочих тут же сдуло. Розамунде сказала, что её только что ударила Секс-Бомба. Она открыла бокс со своим запоздавшим обедом и начала жаловаться сестре, проходившей мимо. Я, мол, из-за похода к зубному не могла поесть вовремя, а теперь вот: на тарелке лишь обглоданная куриная косточка… Я не голодна, но это, тем не менее, неприятно. Сестра согласилась с ней.

Зашла «женщина у шкафа». Анна-Мари. Лет пятидесяти. Встала рядом.

Розамунде начала напевать «Полёт валькирий». При этом снимая с пальцев кольца, с рук — браслеты, с шеи — ожерелья…

Анна-Мари: Что это?

Я: «Полёт валькирий». Вагнер.

Розамунде заводит сама себя. Становится всё громче и громче. Я жду вылета мини-вертолётов из-за её плеч. У меня эта музыка связана лишь с Копполой. Все вокруг смотрят на нас. Анна-Мари просит Розамунде успокоиться. Розамунде останавливается на секунду и спокойно говорит в ответ: Не мешай!

Продолжает свою симфонию с того места, на котором её прервали.

Анна-Мари: Что это у тебя за ожерелье на груди?

Я (пытаясь отвлечь Розамунде от своего безумства): Это определённо какая-то азбука, надо только сначала выяснить слева направо она читается, или же справа налево…

Анна-Мари: Так. Вот микрофон. Это значит…

Розамунде прерывается с Вагнером и поёт в этот микрофон что-то из «Boney M». У неё отличное английское произношение, прекрасная дикция и забавный голос.

Я: В точку. Вот здесь и зеркальные шарики для дискотеки.

Анна-Мари: Индейское перо, цепочки… Ладно, я пошла.

Розамунде (мне): Тебе нравится Джонни Депп?

Я: Да, очень.

Она: Я его обожаю! Особенно это его: «Не Джек-Воробей, а капитан Джек-Воробей, я бы попросил!"

Произносит эту фразу по-английски.

Розамунде: Ты должен посмотреть этот фильм в оригинале! Депп бесподобен.

Я: Я его в оригинале и смотрел. В переводе этот фильм не работает.

Она: У меня его постер на кухне висит, где он вот так вот руку на лбу держит. Ха-ха-ха!

Розамунде стала рассказывать о том, что ей надо прервать свою патеншафт.[48] Я уже слышал о подобном. Через какую-то контору типа Красного Креста можно перечислять ежемесячно какую-то сумму денег (в данном случае — 20 евро) в слаборазвитые страны Африки и Азии, но не абстрактно, а определённому ребёнку. С этим ребёнком можно также переписываться. Розамунде хочет прервать своё опекунство в связи с тем, что ей не хватает денег на содержание арабского скакуна. И ещё ей надо подумать над приобретением мопса.

Она: Ты уже знаком с Александром?

Я: Нет.

Она: Он новый пациент. Русский. Тебе наверняка будет приятно пообщаться со своим соотечественником. Пойдём, я тебя с ним познакомлю. Инщаа-аллаа!

Я: Нет, Розамунде, не надо! Я не хочу ни с кем знакомиться. Тут в Нижней Саксонии уже каждый десятый мой соотечественник. У меня нет по ним ностальгии.

Она: Ха-ха-ха! Алексей, ты бесподобный!

Из коридора в холл вышел толстяк-медбрат. На нём прозрачный полиэтиленовый фартук и резиновые перчатки. Выглядит мясником. Не хватает пятен крови. Он, видать, только что помогал мыться Ралуке.

Я завариваю чай на всё отделение в восьми термосах. Сегодня восемь сортов. Не могу вычислить тот, которого не было раньше.

Выкурив сигаретку, ко мне направляется Розамунде. Ещё не доходя до меня, она уже начинает свою речь:

А знаешь, это же отвратительно — вся эта мусульманская культура в отношении женщины. Эти парни из Саудовской Аравии, эти чёртовы ваххабиты, они понадевали на своих женщин эти отвратительные тряпки, эти мешки на живой душе — эти, да будь они во веки будут прокляты, хиджабы. [Мне вспомнилось очередное радио-выступление или же статья Валерии Новодворской на эту тему.] Все эти бесы из Аль КАиды… Ах, как меня забавляет, когда их по телевизору произносят: Аль КаИда. Аль КаИда значит по-арабски — баба[49], а Аль КАида — фундамент. [Спрашиваю позже об этом Акрама. Он говорит, что это чепуха.]

Мне надоедает слушать, и я начинаю свою болтовню. Говорю о пассионарности этих ребят, что рождаются с АКМ в руках. О том, что им гораздо легче убить другого человека, т. к. мы-еврвопейцы, уже забыли, как отрубить голову курице, не говоря уже о том чтобы зарезать свинью или завалить быка. Оттого и такие изнеженные. А там, в странах шариата всё проще, там человек словно мясная туша, которую можно без сожаления выпотрошить, если та не в силах запомнить формулу: «Ла илах илла Аллаа. Мохаммед расуль Аллаа». А мы тут, понимаешь ли, навыбирали себе овощные религии: человеколюбие, непротивление злу…

Бездумно чешу языком и активно жестикулирую. Случайно бросаю взгляд из кухни в холл и замечаю обалдевшего соседа-художника. Он смотрит на разгорячённого беседой меня и, словно, не может уверовать в то, что это я — его немой сосед, который даже «халлё» никогда не говорит, а тут так разошёлся, что…

Я (решив избавиться от своего бреда): Розамунде, в чём различие суннитов и шиитов?..

Розамунде: Ой, я и не знаю! Насрать на них на всех, с этими их распрями.

Розамунде, ты же говорила, что сошла с ума от ислама… Почему ты ничего об исламе толком не знаешь?..

В этот вечер Секс-бомба ударила паренька на кухне. С ней, наконец-то начали разбираться медбратья.

Скандалы и раздор между пациентами набирают обороты. То и дело слышна ругань на повышенных тонах. Как только начинается заварушка, тут же за дверью слышны шаркающие походки. Психи стекаются к эпицентру раздора. Им это интересно. Они охотно играют в зрителей…

На следующий день визиты к врачу. Они уже знают все мои проблемы и с Эдэле (Kalter Entzug!), и с Розамунде (Ты должен мне написать, как звали этих трёх рыцарей из русских сказок!). Спрашивают, кто меня посещал за это время, кто звонил. Я сказал, что навещали два раза, и регулярно звонят друзья.

Подумал, что за этим последует вопрос: назовите их имена, адреса, контактные телефоны, пароли…

Главврач: У вас есть друзья?

Я: Да. И очень хорошие друзья. Настоящие друзья.

Акрам звонит каждый второй день. Я уже не знаю, что ему рассказывать… Я не «Аль Джазира» и не «Аль Арабия». Врачи, похоже, не верят, что у меня есть друзья. Им кажется, что я одинок и из-за этого вакуума все мои проблемы. Видимо, отказались искать во мне психопатические отклонения и пытаются найти мотивацию в моём характере. Я говорю, что в общении с окружающими у меня проблем нет, т. е. проблемы общения у меня лежат несколько в иной области, а именно с…

Лечащий врач (главврачу): …фрау Кюн и фрау Краузе.

Я: …но это вынужденное общение. Я к нему не стремился. Если фрау Кюн глупа, то фрау Краузе, напротив, интересна. Но, тем не менее, это не моя среда. Чрезмерно избыточная. Я в таком ритме задыхаюсь. Общение — это, конечно, хорошо. Но когда только общение — я начинаю беситься.

Главврач: Я вас понимаю.

Я: Я первую неделю специально не снимал с головы наушники, т. к. догадывался о последствиях… Мне эта исповедальня не впервой.

Был уже огромный опыт по этой части во время работы в «Карге».

Мне предлагают перейти в другое отделение. Оно, правда, открытое. Там меня не вправе держать силком. Я соглашаюсь раньше, чем они успевают расписать мне все его (отделения) выгоды и всучить соответствующий флайер. Прочь-прочь, от этих болтушек.

Я уже начинаю думать, что это они, бабы эти, из-за общения со мной так деградировали. Я оказался их единственным «другом», других у них нет (ни разу не видел, чтобы кто-то их посещал), и ведь обе должны были вот-вот быть выписаны. И у обеих случился слом. Эдэле вернули назад в «буйное», ей запретили гулять одной. Розамунде сегодня явно не выпустят. Она уже сама это знает. Она говорит, что здесь нельзя смеяться.

Я (в шутку): Да, вон сидит медсестра и записывает (та действительно сидит и что-то пишет), кто сколько раз за

сегодняшний день посмеялся. А потом бежит к врачу докладывать…

Розамунде: Ха-ха-ха! Да мне на них насрать на всех! Они все быдло!..

Я быстро собрал свои вещи и в сопровождении русской сестры бегом в отделение А4.1.

В последний раз я вспомнил о Милоше Формане, когда в отделении появился мужичок, который манерно расхаживал, выгибаясь всеми своими членами, кругами в холле и так целый день. В «Кукушке» был танцующий дядечка…

Забавно. На часах 22:22. Внизу письма стоит 22-я страница из 22-х…

Отрывки из питерских писем.

На часах 22:22.

Это весьма загадочная для меня цифра и даже более чем. Преследует она меня десятый год, но я до сих пор не смог её для себя расшифровать. Это число стало навязываться мне ещё в Берлине, когда я там работал в далёком теперь уже 1998-м году. Я приходил после работы домой, заваливался в кровать и пытался придумать историю для своего персонального мультика… Рисовал-рисовал, но так за год ничего толком и не придумал. Лишнее доказательство кой-чего… Иногда я непроизвольно поднимал глаза на будильник и на нём неправдоподобно часто попадались эти четыре двойки. Иногда было даже такое — я что-то рисовал и в голову мне приходила мысль об этой временной точке, я глядел на часы и 22:22 было там как на заказ. Вторично я стал обращать внимание на это время, когда меня попросили УЙТИ ИЗ ДОМА в Ганновере. Мучился задачкой 15 месяцев. Теперь вот тоже самое здесь, в Питере. Я редко бываю в это время суток дома, но каждый раз кто-то потусторонний балуется этим совпадением, выгадывая паузы в моей работе, будто хочет мне что-то сказать, домигаться, а я всё не догадываюсь — что же именно мне следует понять.

Я даже пытался по аналогии с цифрой неонацистов 88 (88 = 8-я цифра алфавита «Н» = получается «НН» = Heil Hitler) понять скрытый код. Получалось так: 22:22 = ББ: ББ, или 2+2:2+2 = 4:4 = Г: Г, или, сложив все двойки, = 8 = Ж, 22-я буква алфавита «Ф» = Ф: Ф. В результате получаем: БББББ, ГГ, Ж, ФФ. Произвольно смешиваю =

БГФБЖБФГБ

В полученной формуле присутствует БГ:), но также и ГБ:(
Что же тогда ФБЖБФ?! Моя версия:

БГ Финансирует Бывших Жён Благодаря Фондам ГБ

Глупость всё это, конечно, но тогда на фига они, цифры эти, меня ТАК часто преследуют?!.

Было и такое: я увидел на часах время 22:23 и не то чтобы разочаровался… но немножко пожалел о том, что «опоздал»…

22:21 не попадалось, но это тоже должно быть интересно по ощущениям. Типа отвожу глаза в сторону и так невзначай несколько секунд спустя… Бац, а вот вам и 22:22. ХЗЧ с головой происходит.

Ну и хрен с ним, с ней…

<…>

На часах 22:22. Что же это всё-таки значит?!

<…>

Вчера долго не мог заснуть. Повернулся к будильнику. На нём: 2:22. Цифры отражаются в полировке столика. Там в зеркальном виде другое число: 5:55. Без комментария.

<…>

22:22. Семь дней подряд. И ещё несколько раз ночью: 2:22… Чертовщина.

Тётя Нина

Веки мои ещё не разлепились в тот день. Утренний свет был не в силах справиться с ними. Осеннее солнце нежно грело их через миниатюрное окно спальни своей остывающей силой и это отлично контрастировало с морозным воздухом. Тело, расслабленное до предела, утопало в перине. Я — четырнадцатилетний мальчишка, охочий до ласки, но не получающий её, провожу свои выходные у бабушки с дедом. Абсолютный уют, несмотря на запах дачной сырости, регулярно вырывает меня из городской квартиры и манит к себе за полсотню километров от Питера в северном направлении в посёлок Рощино. Печка к утру как всегда остывает, и в комнату возвращаются духи древних обоев, ветхих занавесок и искалеченной временем мебели. Всё это становится достоянием моего носа. А запахи мне эти очень дороги. Я всегда обожал эстетику разрушения: ржавчину, гниющую древесину, лохмотья краски, битый кирпич, сгустки бумаги, трещины, царамины. Любил я это дело и глазом, и носом. Тем не менее, я охотно желаю вернуться в тот сон, из которого только что выпал. Вернуться в него нужно однозначно, т. к. несколько секунд назад я пытался втиснуть свою подростковую письку в девушку, после того как изрядно подержал в руках её грудь. Такое было возможно лишь во сне. Наяву мой сексуальный мир был куда трагичнее. То есть его вообще тогда не было. И тут я понял, почему нежное чудо меня покинуло. Уши мои прокалывал раздражающий, как комариный писк, звук. Бойкий шёпот моей тётки доносился из соседней комнаты. Она опять приехала спозаранку и что-то занудно рассказывала моей бабушке. Слов было не разобрать, да это, чёрт побери, и к лучшему. Мучительно хочется рухнуть обратно в сон, вернуться к женской коже, зарыться носом в копну волос и ласкать-ласкать… но раздражение от шёпота растет, и я окончательно просыпаюсь. Переворачиваясь с живота на спину, я задеваю холодные места простыни и одеяла. Брр! Накрываюсь с головой. Обильно дышу ртом, чтобы нагреть воздушный пузырь снова. Тёткин шёпот, лишь изредка переходящий в голос, не знает преград, он следует за мной через толщу перьевого одеяла вглубь ушной раковины, даже сквозь плотно прижатые к голове ладони. От рук уши начинают болеть, и от этого средства приходится отказаться. Если бы она не шептала, а всего лишь говорила вполголоса, или даже, если бы говорила в полный голос, я бы наверняка не обратил на этот акустический эффект особого внимания. Но она,

как ей это всегда было свойственно, шептала-шептала-шептала. И это шипение было невыносимо. Бабушка время от времени вставляет своё «да», означающее внимание, но, наверняка ведь, думает о чём-то своём, не вникая в динамический бред сестры.

Теперь я не знал, что мне делать дальше. Выходить из спальни желания не было. Несмотря даже на то, что каждый раз, приезжая к бабушке и заставая меня у неё, тетя Нина щедро одаривала своего племянника то трёшкой, то пятирублёвкой. Я никогда не испытывал особой страсти к деньгам, и поэтому моя благодарность за подобные подарки всегда была неловкостью. Устраивать театральное представление со вступительным удивлением, хотя уже явно догадываясь о последствиях, когда вот уже виден её кошелёк, в нём роются, первым отказом от ненужных щедрот, отказом дальнейшим, заканчивающимся принятием денег с повторяющимися благодарностями… ну не мог я это сыграть!

В общем, я решил переждать ту беду и долежать до финала, когда незваная гостья (а бабушка никогда не приглашала никого к себе, все приезжали по собственной инициативе), нашептавшись вдоволь, удалится. Прошло полчаса. Находиться в постели стало невыносимо. За это время я насмотрелся на пейзаж за окном. Голые ветки яблони перед домом и чистое голубое небо, вот всё, что можно было увидеть в окне, лёжа в кровати. Начинала болеть спина. Я в очередной раз прошёлся взглядом по насыщенным узорам обоев, по маленькой почерневшей иконе в серебряном окладе (подарок тёти Нины моей бабушке), в который раз оценил размер 50-ти-литровой бутыли с самодельным вином и завершил свою утреннюю гимнастику для глаз на двух иллюстрациях Леонардо да Винчи. На них были изображены мадонны с младенцами. У одной из них была вынута грудь, которую сосал ребёнок. Я опять вспомнил о своём сне. Подобные подарки сновидений случались у меня не чаще, чем раз в два месяца. Мне было о чём грустить. Вместо того, чтобы баловать меня эротическими снами, мой мозг развлекал меня в снах ощущениями падения. Я тысячекратно испытывал этот ужас, человека летящего с огромной высоты и чувствующего себя обречённым. При падении больно не было, но было ощущение, будто боль вот-вот начинается, и вот остаётся лишь доля секунды до того, чтобы её ощутить во всей силе. Тут-то я и просыпался, либо проваливался в другой сон. Все вокруг говорили, что эти ночные полёты являются следствием моего роста. Возможно, отчасти так оно и было.

Шёпот за стенкой прекратился, но это не стало моим освобождением от родственницы-не-родственницы. Как раз

наоборот, это был первый странный день в наших отношениях.

Вскоре пришла бабушка, чтобы разбудить меня. Мне пришлось сделать вид, что я был разбужен её приходом. Она сказала, что тётя Нина приехала поговорить со мной. Со мной?! О чём? Почему я не могу провести в покое мои банальные выходные без сюрпризов?..

Мне пришлось встать и одеться. Нехотя я вышел в гостиную, но там никого не было. Я пошёл на веранду. Она была также пуста. В окне я увидел тётку, прогуливающуюся перед домом.

Чувствовал я себя ужасно неловко от того, что вот якобы только что проснувшись, иду зачем-то на улицу, а тут, бац, какая неожиданная встреча. От очередной роли я отказываюсь и пускаю всё на самотёк — покорно выхожу.

— Доброе утро.

— Ах, здравствуй, мой хороший! А я вот с тобой решила поговорить. Очень важное дело у меня к тебе есть. Пойдем, прогуляемся в прогончике, пока Тося готовит тебе завтрак.

Прогончик на нашем участке это отдельная история. Так получилось, что наша дача была окружена со всех сторон прочими дачными участками, и чтобы выбраться с неё на улицу, а также проникнуть на её территорию, у нас во владении была дорожка — метров двух с половиной шириной и двадцати длиной, вдоль которой росло десятка два елей. Вся тропинка была засыпана хвойными иголками, что вызывало во мне ощущения, будто бы я в лесу. Там даже грибы как-то выросли.

— Алешенька, ты же знаешь, что и я, и бабушка твоя, мы не вечные, скоро мы умрём. А у меня никого, кроме тебя, солнышко, и нету. Нету более родного мне человека на свете. Ты один и есть.

Тут мне придётся опять сделать отступление, т. к. то, что вещала тётка, было полной ерундой. Родным человеком я ей никак быть не мог, т. к. виделись мы с ней от силы пару-тройку раз за год, а то и реже. Мы здоровались, она меня спрашивала о моём здоровье и прочей чепухе, и на том всё заканчивалось. Никакой душевной близости, никакого значительного интереса друг другу у нас не было. С моей стороны отношения были вынужденными. Я не испытывал к ней никакой антипатии, но симпатии также не было. И опять же не был я ей единственным племянником. У моей бабушки кроме Нины было ещё пятеро живых сестёр. Почти у всех у них должны были быть внуки. Знаком я был, правда, лишь с одним из них. Мой двоюродный брат, мой тёзка, старше меня на пару лет, попадался Нине Ивановне на пути куда чаще, нежели я. Нина подолгу жила у своей сестры Клавы, которая в свою очередь жила с семьёй, т. е. с сыном, невесткой и внуком Лёшей. Все эти разговоры о

избранности мне стали не по душе. Я понял, что у меня что-то будут просить, а отказать мне будет ох как непросто. Напрасно я принимал те злополучные трёшки и пятёрки… Сколько их было в сумме? Не вспомнить. Вот и пришло времечко за них рассчитаться.

— Послушай меня, ты ещё молодой — ничего толком не знаешь, а у меня душа за тебя болит. Как у тебя жизнь сложится?

Всё это время я пытаюсь дышать ртом, т. к. от тётки пахнет очень неприятно. Раньше я думал, что это был запах её болонки, но потом догадался — причиной тому был старческий запах. Странно, но от моей бабушки, как впрочем и от деда, так никогда не пахло, а они были старше Нины на несколько лет. И жила моя бабушка круглый год в деревне, а Нина — в городской квартире с ванной. Бабушке же с дедом приходилось ходить в баню. Не чаще чем раз в неделю. Бабушка всё время вкалывала в огороде, дед пил горькую…

— Я вот что решила. Я хочу отвести тебя к батюшке, чтобы он тебя покрестил. Это великое чудо. У тебя стразу душа возрадуется.

Дальше шло перечисление того, как выгоден процесс крещения. Явная и ничем не прикрытая пропаганда. Примерно в это же время меня начали вербовать в комсомол, т. к. в классе из 40 учеников некомсомольцем оставался я один.

— Ну что, согласен?

— Да.

Боже! Зачем я сказал «да». Ведь надо было сказать «нет».

— Раз ты не против, я договорюсь с церковкой и приеду за тобой на следующей неделе. С мамой твоей я тоже поговорю. И вот ещё что. Ты же знаешь, что у меня есть квартира, которую я хочу переписать на тебя?

Об этом мне говорила бабушка. Но к новости этой я был безразличен. Идея заполучения чужого жилья казалась мне постыдной.

— Когда я умру, у тебя будет место, где жить со своей собственной семьёй. Скажи мне, ты хочешь, чтобы эта квартира досталась тебе?

— Ой, я не знаю…

— Ну, как не знаешь. Тебе же ничего для этого делать не нужно. Я всё оформлю сама. У меня есть деньги. И на похороны у меня есть сбережения. Тебе нужно только сказать «да». Ну что молчишь?!

— Тётя Нина, я, правда, не знаю. Что я должен сказать?

— Скажи? что согласен.

— Да, спасибо.

Квартира, предлагаемая в завещании, была мне абсолютно не нужна. Но сказать «нет» я в те годы ещё не умел. Своим «нет» я боялся оскорбить человека. И поэтому покорно выдавливал из себя «да».

Я уже тогда догадывался, что моя жизнь сложится трагично, что никаким богатством (движимым или не движимым) меня не спасти. Поэтому на тёткин вопрос «Как у тебя жизнь сложится?» мог обречённо ответить: «Плохо, очень плохо она у меня сложится, тётя Нина». На то были свои причины.

— Ну, вот и хорошо. А крещение, Алёшенька, это чудо. Ты это сразу поймёшь. Когда оттуда обратно домой поедем, сердце у тебя радоваться будет. Это всегда так… Я тебе и библию привезла. Сейчас пойдём в дом, я тебе её покажу. Только это не подарок. Я в следующий свой приезд её заберу.

Библий она привезла две. Та, что досталась мне на недельку, была древним нечитабельным изданием с ятями. Я потом долго листал её, вдыхая запах страниц, опять-таки сырости и пыли. Эту книгу было приятно держать в руках. При всей её затёртости и потемневших страницах, впечатление она производила живого существа. Читать её я так и не взялся. Вторая библия была совершенно новой. Она почти целиком состояла из кичёвых картинок с подписями к ним. От количества цветов было сложно сфокусировать взгляд на мотиве. Её я закрыл на первых же страницах. Эту книгу Нина ценила, по всей видимости, больше своей родительской библии, т. к. не отважилась оставить её мне, забрала с собой.

— Я спрошу у батюшки, что надо будет взять с собой. Точно знаю, что чистое бельё и полотенце. Крестик я тебе уже купила.

Это был конец разговора. Из дома вышла бабушка и громко позвала: «Кушать!"

Мы вернулись из прогончика на участок и пошли домой. Нина пошла дальше то ли нашёптывать бабушке очередные семейные сплетни (её жизнь состояла из курсирования от одной сестры к другой), то ли делиться результатами нашей с ней беседы. Я сел завтракать. Затем ознакомился с книгами. Вскоре Нина уехала, оставив мне на этот раз красный червонец.

— Купи себе что-нибудь.

— Спасибо.

Что-то со мной было не так.

Впоследствии я начал её избегать, прятался. Когда же меня отловили, я сказал, что передумал, что не хочу, что мне это всё не нравится…

В результате меня не удалось покрестить. С комсомолом тоже не срослось. Я не смог зазубрить его прописные истины для

«вступительного экзамена». А потом, во второй раз, просто не пошёл. Я уже гордился тем, что не такой как все. Больше гордиться было нечем. Разве что тем, что у меня дома были подпольным образом записанные кассеты «Битлз», о существовании которых знал далеко не каждый мой однокашник.

Квартира тёти Нины после её смерти достанется моему троюродному брату Лёше. Тот согласится спасти свою душу. И правильно сделает.

Я же погрязну в грехе уныния с вытекающей из него попыткой самоубийства.

Отделение А 4.1

…и пришёл я в отделение А4.1. И отвели меня в мою коморку. И была та комната на двоих.:) Мне досталась кровать у окна. Соседа ещё не было. О его существовании говорила смятая постель. Помещение маленькое, квадратное, кубообразное. Две кровати, две тумбочки, стол, два стула, шкаф, умывальник с зеркалом. Окно закрыто, батарея на максимум, спёртый запах. Это здание, в отличие от предыдущего, — старой постройки. Возможно, что запах из-за его ветхости. Я открыл окно, выключил отопление. Стал разбирать свою одежду. Шкаф поделён на две части. На одной, левой, наклеен номер 9, на другой — 10. Моя правая половина, т. к. в ней торчит ключ. На ключе — бирка с номером отделения и номером шкафа. Я отцепляю её и бросаю в тумбочку. Ключ цепляю к штанам. Инстинктивно открываю обе половинки. Слева груда полок, сваленных внизу, на которых лежит пара скомканных шмоток. Моя половина цивильная: полки на месте, вешалки даже есть. Перетаскиваю сюда свою одежду из рюкзака. Закрываю шкаф на ключ. Начинаю заполнять тумбочку.

Заходит сосед. На вид — дед, старик. Здороваемся. Он очень невнятно говорит. Я не смог распознать его имя. Фамилия красивая: Rosenberger. Наши фамилии написаны на табличках при входе в комнату. Он подходит к шкафу, открывает свою половину, смотрит на его содержимое, закрывает дверцу и запирает её на ключ.

Он: Алексей.

Пауза.

Он: Ты русский?

Я: Да.

Он: Do you speak English?

Хорошее начало.

Я: Нет. С немецким у меня лучше…

Он: Beautiful.

Я: Beautiful?

Он: Ja.

Пауза.

Он: Это словарь?

На моей тумбочке действительно лежит мой немецкий словарь.

Я: Да.

Он: Хорошо. Я тебе помогу с немецким, а ты меня научишь русскому.

Я: Договорились.

Он: Я знаю …

Я: Простите?!

Он: Мир.

Я: Я не понял.

Он: Космическая станция «Мир».

Я: А! Так её уже нет. Её затопили несколько лет назад.

Он: Да?!.

Садится за стол, достаёт записную книжку, пишет. Написав что-то, подходит ко мне, показывает: Твоё имя?

На листочке старческим подчерком: Alixz.

Я: Нет, не так.

Беру его ручку и пишу: Alexey.

Он мне под руку: Зачеркни то, где неправильно!

Жестами показывает, что ему надо записывать, иначе забудет.

Он подходит к окну, закрывает его, включает отопление. Придётся жить на его условиях. Я люблю прохладу и свежесть. Дед садится на свою кровать. Я замечаю, что всё его постельное бельё чем-то забрызгано. Он достаёт из тумбочки бутылку колы и пьёт. Скорей всего этой колой всё и испачкано. Он постоянно в движении: выходит из комнаты, возвращается, проверяет свою пижаму под одеялом, копошится в своей тумбочке, опять выходит, заходит, одевает куртку, уходит, возвращается, раздевается, садится за стол решать кроссворд.

Он: Как называется копия и-мейла?

Я: CCR.

Он: Видишь, ты мне помог. Я тебе чем-нибудь помогу. Хороший коллега.

В этом отделении находится пара пациентов, знакомых мне по 5.2. С ними я приветливо здороваюсь. Следом за мной сюда переводят ещё одного паренька. Беньямин. Он передаёт мне «письмо» от Розамунде.

Письмо выглядит следующим образом: это журнал компьютерных игр «PC Games»; поверх третьей страницы красуется следующий текст:

Hallo, Alexejowik, pleased to meet you, hope you guess my name (Eisenherz)

(Island, Eisland, Gotland, Nordland, Eiswüste, Eisstr., Eisberg, Taiga, Tundra, Sibirien, Bovosibirsk, Stahllingrab)

Eiswolf

Eisbär

Eisfuchs

Eistanz

Oleg
Popopopowitsch
Bei Bei Baby / Bei Bei
Alexej Wolgograaaath!

В благодарность за почтовые услуги я немного поиграл с Беньямином в настольный теннис. Стол складной. Раскладывается в коридоре и занимает по ширине почти всё его пространство. С моей стороны ещё и стеклянная дверь. Машу ракеткой осторожно.

Пятница. Пациенты садятся в кружок и говорят о своих проблемах за эту неделю. Одна женщина со слезами в голосе жалуется на то, что когда она ходит в душевую, то вывешивает на дверь табличку, чтобы никто в это помещение не входил. (В той душевой две кабинки). Но кто-то её игнорирует и заходит внутрь. Более того — начинает проверять, какая из кабинок свободна. Это очень ей неприятно. Она хочет находиться в той комнате одна.

Молчание. Врач говорит, что её желание понятно, что раз на ручке душевой висит табличка, значит нужно подождать…

Пациенты делятся также своими планами на выходные. Почти все уедут на субботу-воскресенье домой. Отделение собственно для тех, кто готовится вернуться домой. Буйных и возбуждённых здесь нет. Распределяем amt'ы на следующую неделю. Я готов мыть посуду, т. е. заполнять и разгружать посудомоечную машину. После банальных речей все расходятся. Ко мне подходит мой новый лечащий врач. Молодая женщина. Александра, успеваю запомнить её имя. Идём к ней в кабинет.

В кабинете на мониторе висит моя подноготная аршинными буквами. Врач спешит сохранить свой файл и убрать его с глаз долой. Меня её поспешность забавляет. Составить нам компанию приходит одна из сестёр.

Снимаем повязку с раны и начинаем елозить по ней пальцем, задевая острым ногтём. Я рассказываю свою историю. Почему-то ужасно подробно. Каждая мелочь мне важна. В каждом слове сокрыт подтекст. Они к нему глухи. Это видно. Рассказываю в хронологическом порядке. Когда добираюсь до Питера, врач начинает регулярно задавать один и тот же вопрос: Это было в Германии или в России? В России. Германию мы уже покинули. По истечению некоторого времени замечаю, что она косится на часы и пытается меня прервать. Я же как паровоз пру вперёд и прекращаю на полуслове, когда замечаю на её лице полную отключку. Она спрашивает, не хотел бы я заняться эрготерапией

или рабочей терапией. Началось. Я сказал, что это вряд ли мне поможет, т. к. во время своей депрессии работал я достаточно, а о хобби и говорить не приходится, я трудоголик по натуре, ни секунды покоя, если нахожусь один, и мне это всё не помогло. Врач говорит, что это не совсем работа, даже совсем не работа, одно лишь слово… Меня там просто будут проверять, на что я способен. Я говорю, что интереса у меня пока нет. А на что я способен могу и сам без утайки рассказать. Давайте вернёмся к этому разговору позже. С облегчением: Давайте! А вы сейчас живёте на пособие по безработице или?.. Нет, у меня нет никаких доходов. Вы не получаете пособие?! Нет, а зачем? Меня же здесь кормят бесплатно! А на что же вы тогда?.. У меня есть часть денег, заработанных в России. Они, правда, уже на исходе.

Под конец я спрашиваю разрешения пользоваться компьютером. Пожалуйста! Отлично. Великолепно. Просто зашибись теперь. Всё возвращается на круги своя. Ни что не в силах разорвать этот порочный круг. Значит, скоро вернётся и депрессия.

Убегаю в свою комнату и включаю вышедший из под запрета компьютер. У меня уйма необработанного материала, целая гора, собравшегося за прошедший месяц от ежедневных уже походов в интернет-кафе.

Заходит сосед: О! Ноутбук. Я тоже хочу себе купить такой. Сколько он стоит?

Прекрасно понимая куда пришвартован, не задаюсь вопросами: зачем он ему, как он его будет осваивать…

Я: По-разному. Хорошие — от тысячи. Есть уже такие, что и за 300. Но есть и за три тысячи.

Сосед: Понятно. Надо будет купить. Я работаю. Уже тридцать пять лет…

Я не понял кем.

Сосед: А это — чтобы телефон был?

Показывает на провод, ведущий от компьютера к электрической розетке.

Я: Нет, это электропитание.

Он спрашивает, можно ли ему включить свет.

Я: Конечно! Мне свет не нужен, но и не мешает. Пожалуйста!

Он включает свет, садится за стол, что-то пишет. Встаёт. Спрашивает, выключать ли свет. Я говорю, что мне всё равно. Он выключает и выходит. Возвращается минут через пять, садится и в темноте решает очередной свой кроссворд. Я говорю ему, чтобы он включил себе лампу — не видно же ничего. Он говорит, что видит прекрасно, у него очки. Я тем не менее встаю и сам

включаю свет. Он говорит: Спасибо! Так много лучше.

Отгадав пару слов, он встаёт, спрашивает — оставить ли свет (да, оставьте) — и выходит прочь.

В восемь вечера он начинает раздеваться и укладываться спать. Думаю о том, что буду мешать ему здесь светом от монитора и жужжанием ноутбука. Выключаю компьютер, убираю его в шкаф, забираю с тумбочки свою книгу (Jack London «Wolfsblut», не могу вспомнить как это там по-русски) и иду читать в комнату отдыха. Прохожу мимо двух иранцев: женщины и мужчины, играют в карты. Слышу голос женщины позади меня: Это женщина или мужчина?.. Сходу понимаю, что вопрос обо мне. Ответа на него не слышу. Наверное, пожатие плеч. Я — загадка для некоторых.

Вспоминаю концерт в Ганновере Шивана Первера (курдского Шевчука). Я и Аркам занимались видеозаписью того выступления, а также интервью. Когда мы с ним зашли в зал, он уже был полон. Сотни курдов за столиками со скромной пищей и лимонадом. Однородная масса и лишь я был в ней — эдаким бледнолицым среди присутствующих. Потом Акраму говорили, что, надо же, среди операторов бывают и девушки. Всё ясно. Это я был для них светловолосой девушкой. А значит, были в зале и такие, кому меня хотелось трахнуть. Бр!!! Бэ-э-э!

В десять вечера иду спать. В комнате нечем дышать. Жарко. Заваливаюсь в постель и быстро засыпаю. Ночью то и дело слышу причитания соседа: Verfluchte Scheiße![50] Засыпаю. Просыпаюсь от того, что сосед пердит. Не пукает, друзья мои, а именно пердит. До ужаса громко. Как из пушки. Ба-бах!!! В первый раз в жизни становлюсь свидетелем подобного. Опять его голос: Verfluchte Scheiße! Слава богу, нет запаха. Чего нет, того нет. Мирно спим дальше. Утром нас будит медсестра. Я спросонья говорю ей «доброе утро» по-русски.

На выходные в отделении остаются лишь четверо. Тишина, покой. Компьютер с утра и до вечера, с утра и до вечера… Утешеньице моё железячное, почему я от тебя никогда не устаю?! Кто из кого черпает энергию? Если бы я с ним не связался, то точно бы сошёл с ума за последние два года.

Начинаю писать своё первое письмо. Запоем. Чувствую необходимость писать. От этого занятия отвлекает лишь необходимость под вечер уходить с книгой из комнаты.

Старик-сосед — местный, из Вуншдорфа. Он отчаливает на весь день домой к маме. Надо же, у него ещё мама есть. Он же сам дед. Потом оказывается, что ему всего лишь 56 лет. Моя проблема наоборот. Маме 81 год. Возвращается он в клинику к

семи вечера, как положено. Тут же укладывается спать. Я, чтобы не мешать ему своим компьютером, плетусь с книгой прочь.

Опять пару раз за ночь выстрелы и каждый раз один и тот же комментарий: Verfluchte Scheiße!

Мультяшным умом, своей первой профессией, представляю себе, как от пердежа подпрыгивает его одеяло или же дымится пробоина от снаряда.

Просыпаюсь от сильной боли в груди. Опять как тогда — в пятом отделении. Бесы-бесы. Опять же лежу — жду, пока само пройдёт.

Просыпаемся, завтракаем, включаем компьютер.

Сосед с утра наблюдает за мной: Как стенографистка. Долго учился так печатать?

Я: По-русски — один день, по-немецки — дня три. Потом уже годами непроизвольно работал над скоростью.

Он: Хороший сосед.

Я: Простите?

Он: Ты хороший сосед. Тот, до тебя, был ужасный. Всё ему не нравилось. Бельё своё бросал на пол. Везде бельё. И здесь, и здесь. Перед дверью садился на пол. (Показывает как). Дверь не открыть, не выйти. Очень тяжело. Ты — другой. Я уже к тебе привык.

Я постоянно думаю, что он как-то странно говорит, словно иностранец — на чужом языке. По построению фраз. При этом чистокровный немец.

Я обожаю стариков. Поэтому даже эти его ночные «выходки» меня от него не отвращают. Он, как и Ралука, ужасно неопрятен, безумен, но приятен. Он напоминает мне моего деда. Я всё не могу поверить в то, что он ещё по сути дела молодой мужик. Я чувствую себя внуком по отношению к нему, хотя между нами лишь 20 лет разницы.

Он опять уезжает на весь день домой. Я окунаюсь в воспоминания. Набиваю их в письмо. С ужасом гляжу на количество страниц. Это уже десяток писем. Будет скучно читать их одним скопом. Но хочется писать дальше. Больше того, хочется писать об этом новом моём пристанище. Об этом старике. Но надо разделаться с 5.2.

За завтраком Анна-Мари (женщина у шкафа), которая уже несколько дней как в этом отделении, спрашивает меня, что я делаю, чем развлекаюсь здесь. Я говорю, что единственным для меня способом — компьютером. Она гримасничает.

Анна Мари: Как можно целый день сидеть за компьютером.

Я: Лежать с компьютером. У меня ноутбук.

Анна Мари: Да какая разница! Что с ним делать-то всё это

время?

Я: Всё, что угодно. Фильмы смотреть. Слушать музыку. Рисовать. Читать тексты, в том числе книги. Самому писать. Учиться чему-нибудь, есть уже множество видео-курсов. Некоторые играют, но я игры не люблю.

Анна-Мари: Да, игры ужасны. У некоторых они всю жизнь сжирают.

Я: Есть и полезные игры. У меня была одна игра-симулятор. В ней нужно было ездить на машине. Отличная графика. Но у меня с ней была проблема. Меня с детства сильно укачивает в транспорте. А тут аналогичная проблема, когда перед глазами на огромной скорости проносится всё и вся. Я собственно не сам играл, а помогал сыну. Тому было тогда лет 5–6, и он не мог справляться с уровнями в игре. Мне приходилось через позывы тошноты справляться с заданиями. В результате, пару недель спустя мне стало легче, и я даже начал получать удовольствие от этих поездок. Таким образом я избавился от своей морской болезни. А удовольствие получал от того, что ездил не просто по абстрактным кулисам, а по конкретным городам. Там их было три: Лос-Анджелес, Париж и Токио. Мой сын таким образом тоже эти города наизусть вызубрил. Так что бывает от игр и польза…

Анна-Мари: Надо же! Интересно. Никогда о подобном не слышала.

Иранец-пациент: А сколько тебе лет, если твоему сыну 6?

Я: Моему сыну сейчас 9 лет. А мне 36.

Очередная немая сцена.

Достаю из кошелька вслепую, чтобы самому не видеть, фотографию Севы с Настей. Даю её Анне-Мари, та — иранцу. Иранец достаёт «свою» фотографию. У него тоже — мальчик и девочка. Он глядит на них и начинает плакать. Я получаю своих детей назад. Не глядя на них, прячу фотку назад в кошелёк. Я также как иранец буду плакать, если взгляну на них. Проверено опытным путём. Я это знаю и не смотрю на своих детей. Я их только показываю. Я горд, что это мои дети. Это им придётся стыдиться своего отца. Для меня они только гордость. Они оба классные!

Очередная артиллерийская ночь. Кошмарная ночь, жуткая. И для меня, и для него. У Старика видения. Ухудшение?! Он всё время говорит сам с собой. Одевается-раздевается. Несколько раз произносит: «Как в тюрьме!» Видать, расслабился на выходных дома. Меня вся эта суета будит, но я под таблетками: ни заснуть, ни толком проснуться.

Наутро он спрашивает, не мешал ли я ему спать, у него были

видения.

Я ответил, что всё в порядке. Всякое бывает. Сказал ему также, что слышал, как он говорил: Wie im Gefängnis.[51]

Он: Так это же и есть тюрьма. Дома-то лучше. Но я здесь добровольно. Могу уйти в любое время.

Ну да.

Я спрашиваю его, есть ли у него жена. Он говорит, что нет. С его болезнью ему жену заводить нельзя.

Он уже много лет, как проводит здесь стационарное лечение. Каждые два года примерно попадает сюда.

Без бабы всю жизнь!!!

На пути в интернет-кафе встречаю Болтунью из 5.2. С полузакрытыми глазами и в шлёпанцах она довольно быстро гуляет по парку. Ужасно холодно, ночью были заморозки, на траве белеют кристаллики снега.

Утром сбор всех частей. Очередной круг пациентов. На этот раз все рассказывают, как провели выходные. Ужасно скучно и нудно. Врач говорит мне, что приготовила для меня неожиданность. Наконец-то мы встретимся с Таней!? Идём в её кабинет.

Она предлагает мне перейти в другое отделение, специализирующееся на таких случаях как мой…

Так.

Во второй раз мне говорят об этом, добавляя, что по случаю в том отделении освободилась лишняя койка.

Хотя нет, в третий. Первая рекомендация была ещё в полиции.

Врач: Через пару часов придут врачи из А3.1, чтобы поговорить с вами.

Я (тоном Матильды из «Леона»): Ok!

Приходят врачи: лечащий врач, практикант и медсестра. С моим нынешним врачом нас пятеро. Беседуем.

Говорят лишь двое. Лечащий врач из отделения, куда меня собираются забрать, и я. Прочих не слышно, не видно. Они — лишь зрители.

Врач начинает с улыбкой: Сколько вам лет?

Я: Ах, опять этот вопрос!..

Пауза. Они таки ждут моего ответа.

Я: Я выгляжу лет на десять младше, чем надо. Мне 36.

Она: То-то я удивилась, увидев вас… Подумала, неужели ему 36.

К чему тогда был задан тот вопрос?! Без понятия.

Я: Да… это моя большая проблема…

Охотно развил бы эту тему и дальше, раз уж наступили на неё.

Она: Чем мы вам можем помочь?

Я: Ничем.

Она: Как это ничем?

Я: А мне, к сожалению, ничего не помогает. Уже всё перепробовал. Лекарства тоже не помогают…

Она: Так. У вас есть друзья?

Я: Есть.

Она: И…

Я: Они всегда готовы мне помочь. Но как?! Я уже третий год в таком состоянии. Друзья-друзьями, а проблема…

Она: Что вам помогает справляться с депрессией?

Я: Ничего мне не помогает. Ни работа, ни увлечения, ничего…

Она: И вы лелеете свою депрессию?

Вспоминаются мамины слова. Ухмыляюсь.

Из питерского письма.

Мама выдала: ХВАТИТ ЛЕЛЕЯТЬ В СЕБЕ ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ!

Глагол «лелеять» мне понравился. Типа я себя таким образом настраиваю: Ну, Лёшенька, дружок, ну попечалься чуть-чуть, капельку, ну взгрустни, покажи-ка народу отча-а-а-яние, ну тряхни стариной, выдай депреснячок, поплачь в подушку!.. Пусть тебе Танечка приснится. Ты проснёшся, а её нет рядом… А у тебя слёзы на глазах. Как романтично! Лелей, ну лелей же скорей!..

До какой степени нужно быть слепцом, чтобы не видеть то, как сильно я переживаю распад семьи. Если чужие ребята на работе это за версту чуют, то почему родные люди, включая Таню, думают, что это всего лишь моя дурость, что я себя умышленно мучаю. Прикидываюсь. Просто делать мне нечего, нечем заняться. Бред! Но я не знаю, как с ними об этом говорить.

Отчим выдал: У ТЕБЯ ЭТОТ… КАК ЕГО?! КРИЗИС СОРОКАЛЕТНИХ. На полном серьёзе сказал. Это по типу: У ТЕБЯ ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ. Т. е. наплюй и живи весело. Всё химия, не более того… Кушай мясцо, рыбку, пивко попивай — жизнь прекрасна! Купи себе журнальчик «Glamour», там рождественская сказка от Лимонова опубликована. Отсканируй. Прочитай. Выложи в интернет. Видишь как хорошо! Life is a miracle![52] Не надо печалиться. Полжизни ещё впереди.

Врач говорит со мной на повышенных тонах, очень строго и

насмешливо. Мне это нравится. Для меня она — ещё один выдающийся персонаж.

Я: Как можно лелеять депрессию, если от неё хочется каждый раз убежать?! Я столько раз унижался перед своей женой, что мне за эти унижения становится стыдно. Я не получаю удовольствия от своей депрессии. Я от неё позорно бегу. Вон аж до Петербурга добежал, а потом — в другую сторону. Ни время, ни расстояние — ничего не идёт мне на пользу.

Чувствую, что завожусь.

Она: Что должно произойти, чтобы вы перестали страдать?

Я: Теоретически или практически?

Она: И то, и другое.

Я: Теоретически: жена забирает меня к себе. Практически это невозможно. Я об этом сказал в первый день. Т. е. когда меня об этом спросили полицейские, затем одни врачи, затем другие. Вы не сможете мне помочь. Я люблю мою бывшую жену. Я люблю своих детей. И я хочу жить только с ними.

Она: Вы думали о создании другой семьи?

Я: Да, но из этого ничего не выходит. За моих 36 лет никто в меня не влюблялся. Я же влюбился однажды и люблю свою (бывшую) жену по-прежнему. Несмотря ни на что.

Она: …Ох-хо-хо! Никто в вас не влюбляется! Не верю. Не рассказывайте…

Я: Но это факт.

Она: И что же мы тогда будем делать, если никто и ничто вам помочь не в силах, а выпустить вас в таком состоянии мы не вправе?! Что должно случиться?

Она говорит странным образом, будто по слогам.

Я: Без понятия.

Она: Без понятия. Т. е. вы готовы жить у нас годами?!

Я (в шутку): Ага! Пожизненно.

Краем глаза замечаю растерянность на лице моего уже прежнего врача. Думаю о том, что ей страшно от того, что меня сейчас у неё не заберут. А что делать с таким остолопом как я, она явно не знает.

Врач: А какие у вас были отношения с родителями в семье?

Почему никто не задавал мне этого вопроса раньше? Ведь это так важно в истории моей болезни.

Я: У меня родители развелись, когда мне было 6 лет.

Врач: И вы жили с матерью.

Я: Нет. У меня сразу появился отчим. Скажем так, он был уже до этого и стал причиной распада нашей семьи.

Врач: У вас были проблемы в общении с отцом? Мать препятствовала этому общению?

Я: С отцом у меня не было вообще никаких контактов после развода родителей. Я его увидел лишь 19 лет спустя, незадолго до того, как выехать в Германию. Мне уже было 25 лет. Нужно было получить от него документ, подтверждающий отсутствие каких-либо претензий ко мне с его стороны. Несколько лет спустя он умер. С отчимом же у меня контакта не получилось. Я всю жизнь называл его по имени. Не мог произнести «папа». Он всегда был мне чужим человеком.

Она: Как же так?! Столько лет вместе, а никакого контакта. Я не понимаю.

Я: А вот так.

Она: Это неприятие было направлено с вашей стороны или с его?

Я: С обеих.

Она: А что ваша мать?

Я: А ничего. Она его любила. И любит до сих пор. Я на вторых ролях. [Нет, на третьих, на вторых — кошка Джеки.]

Она: Странно.

Я: Было очень трудно. Но у меня была отдельная комната. В России это редкость. Она была моей крепостью. И я выжил…

Она: И вы выжили… А теперь вы здесь и жить больше не хотите. А почему же вы тогда не попытались расстаться с жизнью здесь?

Я: Чтобы не быть запертым всё это время, мне пришлось под честное слово выпросить право на выход из клиники. Вот я и держу это слово. Иначе мне бы пришлось безвылазно сидеть в 5.2 в течение шести недель, а скорей всего, и дольше.

Понимаю, что всё превратилось в фарс. Я хочу покончить с собой. Меня запирают в закрытое учреждение, чтобы спасти. Я, благодаря побегу цыгана, не убегаю с ним, но также получаю назад некоторую свободу в перемещении. Т. е. могу тут же уйти и умереть. Затем, три недели спустя, врачи переводят меня в открытое отделение, где я подписываю бумагу, в которой говорится, что я нахожусь здесь отныне добровольно. Получается так, что я отказался от своего решения и типа: врачи, спасайте меня от самого себя! А ведь это не так. Я ни отчего не отказывался. Мне просто из-за медикаментов стало не-холодно-не-жарко. Я тупею…

Врач (подмечая все эти непоследовательности): В тоже время вы готовы провести в клинике остаток своей жизни.

Я (толком не зная, что ответить): Ага.

Она: Пожизненно это звучит оптимистично. Тогда добро пожаловать в наше отделение!

Моё серое досье захлопывается.

Я (улыбнувшись): Спасибо!

И я в очередной раз пакую свои вещи и на этот раз в одиночку топаю в соседнее здание. А3.1. Опять таки думаю о том, что всё то, что у меня сейчас в руках, и есть то всё, чем я богат. Как это здорово — ничего не иметь. Или точнее, как хорошо, что всё, в чём я нуждаюсь, так компактно умещается в памяти компьютера, одного дополнительного жёсткого диска да iPod'a с 80 гигабайтами музыки.

Опять придётся привыкать к новому помещению, к новому соседу и прочим пациентам. Опять безнадёжно пытаться запомнить имена медперсонала, того же соседа и пациентов.

Такое впечатление, что, попав в больницу, а до этого решившись на самоубийство, меня, как проштрафившегося, до этого ещё и грехом уныния, передали из одних рук в другие. Ангелы-хранители избавились от меня. Отдали в какое-то «иное» ведомство. И здесь за цену моей души, без моего на то согласия, дали если не дар, то способность записывать окружающую реальность, лишь чуть-чуть притягивая её в паре мест за уши, чтобы читалось глаже…

Großeltern [53]

Павел Иванович Евсеев. Алкоголик. Стаж: четверть века уж точно. Худощавый, очень сильный. Козья бородка, очки для чтения.

Антонина Ивановна Евсеева. Трудоголик. Стаж: всю жизнь. Полная. Очки на все случаи жизни.

Во время войны вся их семья была на Дальнем Востоке. Двое детей. Мальчики. Во Владивостоке под конец 47-го года родилась моя мама.

Дед был офицером и воевал с японцами. Никогда ничего о тех временах не рассказывал. Нечего было рассказывать? Однажды дядя в пылу ссоры бросил: Знаем прекрасно, что вы там делали в войну, Пал Иваныч!

Дед иногда показывал мне свои ордена и медали. Более всего на меня производили впечатление тяжёлые ордена Красной Звезды. Дед надевал их на празднование Дня Победы. В прочее время он носил выцветшие колодки. Со временем коллекция наград пополнилась юбилейными медалями. Они блестели, но не производили на меня никакого впечатления. Выглядели значками, что можно было купить в киосках союзпечати. Те заляпанные и потускневшие из сороковых имели истинную ценность, хотя я и не знал, за что именно они были получены дедом. У него был ещё морской кортик. Дед разрешал мне его брать и разглядывать. Я каждый раз желал себе, чтобы он предложил мне его подарить. Но я также знал, что это не хорошо — ведь у меня был двоюродный брат.

После войны семья возвращалась в европейскую часть России. Жили какое-то время в Феодосии, затем перебрались в Керчь. Сами отстроили каменный дом, развели виноградник. Спустя годы, старший сын, уехавший учиться на врача в Питер, уговорил родителей перебраться к нему поближе. Они продали свой дом и купили взамен деревянную дачу под Питером, в посёлке Рощино. Бабушка об этом впоследствии очень жалела.

Сколько себя помню, бабушка и дед жили раздельно. Дом был поделён.

Т.к. именно у бабушки останавливались в гостях её родственники, ей досталась бОльшая часть дома. У деда была комната и малюсенькая веранда. У бабушки — большая комната, маленькая спальня и две большие веранды. Кухня была общей. На кухне стояла огромная печка. Ею отапливался дед, у бабушки была своя. Стол. Табуретки. Рукомойник с раковиной. Столик с газовой плиткой.

Летом воду брали из колодца. В остальное время нужно было идти на колонку. Зимой колонка замерзала. В этом случае просто растапливали снег. Раз в два месяца бабушка и дед по одиночке ездили в Зеленогорск (две остановки на поезде) заправлять баллоны газом.

Дверь со своей половины на кухню бабушка всегда закрывала на ключ, плюс к этому понадёжнее заматывала на верёвку.

Дед иногда приводил к себе собутыльниц. «Невест», как называла их бабушка. Те каждый раз у него что-то тырили. То бидон, то утюг, то деньги.

Дед стучал в дверь, если ему что-то было нужно сказать бабушке, хрипел из-за двери, невнятно говорил, задыхался. Бабушка неохотно разматывала верёвку, отпирала. Дед просил разрешения посмотреть программу «Время». У него не было телевизора. Только радио. Оно всегда было включено. Вечером я слышал из-за стены приятную перуанскую мелодию на флейте, утром — гимн Советского Союза. Он регулярно покупал газеты: «Правду» и «Известия».

Пить пиво и водку дед уходил в пивную. Там обитала его компания. Фронтовики-калеки. Одного из них я помню до сих пор. Он горел в танке. У него не было ни носа, ни ушей, ни волос на голове, ни бровей. Вся голова сплошное месиво. Другие были без ног, без рук.

Дед был убеждённым коммунистом. Сталин, говорил он, вот так всех держал! — показывал кулак. Я, будучи школьником, защищал Горбачёва, он, мол, сделает нашу жизнь такой, какой она должна быть. В магазинах будут продаваться пластинки «Битлз», «Дооpз», Джими Хендрикса и пр. Дед говорил, что Горбачёв — говно. Горбачёв развернул антиалкогольную программу.

Возвращаясь домой после десятка кружек пива, дед часто не доходил до своей койки и лежал часами где-нибудь в канаве. Мне было ужасно стыдно перед моими дачными друзьями, когда мы натыкались на его спящее тело во время своих игр.

Однажды в гостях у бабушки была её сестра с мужем. Дядя Петя, прознав от меня, что дед валяется в луже, пошел к нему. Сорвав на ходу хворостину, он с её помощью умудрился поднять деда на ноги и как скотину догнать до своего убежища.

Бывало и такое, что, упав, дед проводил без сознания всю ночь в снегу на морозе. На утро просыпался и шёл домой. Никогда ничего себе не отморозил, никогда толком не болел. Был насквозь проспиртован.

Позже дед научился распознавать свои возможности и подстраховываться. Он либо шел в ближайшее отделение

милиции, где просил милиционеров отвезти его домой на газике, либо ловил беззаботных тимуровцев, и они гордо вели его — героя войны — домой.

У деда был рак. Ему вырезали что-то в горловине. В результате он дышал через оставленную в горле дырку. В неё вставлялась пластмассовая трубка. У трубки были две тесёмочки, которые дед завязывал позади шеи. Он умело пользовался этим увечьем — говорил всем в округе, что это пулевое ранение с войны. Он был участником войны, но благодаря дырке переводил себя в статус ветерана и инвалида.

В магазинах подходил к кассам каждый раз без очереди. Часто было так: бабушка просила меня купить молока или кваса, я шёл с дедом к цистерне, возле которой стояла длиннющая очередь. Дед брал у меня бидон и подходил к продавщице. Та обслуживала его вне очереди. Дед отходил, отдавал мне бидон и шёл пить пиво. Я бежал домой.

Трубки для горла он регулярно кипятил в миске, чистил их газетой, свёрнутой пыжом. Для этого, собственно, и покупались «Правда» с «Известиями». Я всегда с ужасом смотрел на эти трубки и панически боялся до них дотронуться.

Дед получал хорошую пенсию — 150 рублей. Треть из них он отдавал бабушке. Та всю жизнь была занята тремя детьми и домашним хозяйством. Никогда официально не работала и в результате не заслужила пенсии. Ни копейки. Она всю жизнь кормилась огородом да платой дачников за комнаты на втором этаже в их доме.

Дед в молодости был охотником. Об этом говорили многочисленные фотографии, в том числе охотничьих собак, да разобранное ружьё в коморке. Двустволка. Я иногда собирал его воедино, но не мог с ним играть, т. к. оно было мне тяжеловатым. Когда вырос, уже не игралось. В кладовке валялись ёмкости для пороха, килограммы дроби, несколько патронов.

Т.к. дед жил один, то и обслуживал он себя сам. Сам готовил, сам стирал в тазике. Хорошо помню ту его гирлянду на улице из простыней и кальсон. Зима. Бельё задубело. Кристаллики снега на нём блестят. Алмазные кальсоны.

Дед был абсолютно одинок. К нему никто никогда не приходил, за исключением случайных эпизодических невестворовок. У него не было настоящих друзей. Он никогда не ездил в Питер. Не за чем было. Он, как мне казалось, в отличие от бабушки, не страдал от этого своего одиночества, — был увлечен алкоголизмом.

Будучи маленькими детьми, я и мой брат часто дразнили деда «шипучим гусём» из-за его хрипа. Он бегал за нами с

хворостиной. Никогда, правда, не лупил. Пару раз я получил от него рукой по заднице. Не помню за что именно. Бабушка тогда мне сказала, что я в том сам виноват, и жалеть не стала. Нечего, мол, с ним связываться.

И у бабушки, и у деда уже не было своих зубов. У обоих протезы. Ночью они лежали на дне стаканов, заполненных, как тому положено, водой. Иногда они забывали их вставить в рот, и я с ужасом любовался этим зрелищем по утрам. Нет, они не были для меня искусственными!

Раз в неделю дед ходил в баню. Иногда брал меня с собой. В бане было много калек. Шлейф далёкой войны. Я не любил туда ходить.

Отличительной чертой деда были до ужаса заточенные ножи. Он филигранно точил ими мои карандаши. Я тогда охотно рисовал.

В доме было много мышей. Дед ставил на них мышеловки. Бабушка ужасно брезговала этой необходимостью. Не могла даже видеть их трупы. Избавляться от мышиных тушек, просила деда. Тот бросал их в помойное ведро под умывальником. Это ведро служило мне туалетом. Я охотно писал на Микки Маусов. У деда и бабушки для этих дел были ночные горшки с крышками. Туалетом во дворе можно было пользоваться лишь летом. Со временем они оба сильно покосились и было страшно, при моём-то расшатанном вестибулярном аппарате, что вот-вот доски хрустнут, и я полечу вниз.

Несколько лет подряд бабушка заводила кур. Рубить им головы по осени приходилось также деду. Он ловил жертву, брал топор, клал трепещущуюся куру на топчан и рубил. Обезглавленное тело жило ещё долго, иногда даже в руках у бабушки, начавшей его ощипывать. Мне нравились только цыплята. Я покупал их сам — по пять копеек за штуку. На рубль выходило двадцать штук. До куриного возраста доживала лишь половина. Прочих воровали кошки.

Под конец месяца деньги у деда заканчивались. Он просил у бабушки дать ему в долг. Бабушка отказывала, говорила, что денег нет. У тебя, мол, в два раза больше пенсия, чем у меня. Дед просил денег у меня. Я всегда давал, если было. Дед таким образом невольно приучал меня к ростовщичеству. Если я давал ему рубль, он с пенсии возвращал мне три, если три — то пять, если пять — то червонец. Пристрастие к деньгам у меня, однако, так и не привилось. Я их тут же тратил. Большей частью на марки, которые собирал. Меня каждый раз смущало, когда дед просил что-то сделать для него за деньги: протереть пыль с люстры, например, сбегать в магазин за хлебом, нарубить дров.

Дед любил дарить мне лотерейные билеты и юбилейные рубли.

Бабушка пользовалась алкоголизмом деда, продавая ему за рубль стакан самодельного вина. Для этого у неё в спальне стояла 50-и-литровая бутыль. Вино она делала из черноплодной рябины.

Прежде чем умереть дед, успел познакомиться с Таней. При первой их встрече он долго держал её за руку и расхваливал меня.

Потом он умер. Я не помню, когда точно, я также не помню дату его рождения. Даты рождения деда и бабушки, даты их смертей… Я их не знаю. Боже! Ладно, память дырявая, но можно же было их записать. Не записывал. Как так можно?!

Мёртвый дед лежал на веранде с полоской бумаги на лбу, на бумаге какая-то церковная формула, иконка в руках. Его обмыла и подготовила к похоронам бабушкина сестра Нина. Она сказала мне, приехавшему на похороны, чтобы я попрощался с ним, взяв деда за руку. Рука была бумажной, сухой. Я тогда не заплакал. А сейчас вот расплакался.

Бабушка, как я уже сказал, была трудоголиком. Она вставала часов в 5–6 утра и сразу же бежала в огород. В нем проводила весь день, прерываясь лишь на короткий дневной сон, да приготовление пищи. Ходила, конечно же, в магазин. Не всё вырастает в огороде.

В её владениях был десяток яблонь, плантация малины, кусты чёрной и красной смородины и рябины, каринка, крыжовник, картофельные поля, грядки с огурцами, морковью, укропом, горохом, уголок с ревенём.

Всё это нужно было вскапывать, сажать, пропалывать, поливать, стричь, удобрять, накрывать плёнкой… Затем собирать, солить, мариновать, крутить банки с вареньем… Бабушка иногда ходила на рынок продавать часть урожая. Это тоже была одна из статей её дохода.

Удобрения, кстати, использовались натуральные. Мы ходили с ней на поле, где паслись коровы. Бабушка тащила за собой тележку с выварoкой, в которую лопаткой собирала коровьи лепёхи. У меня была функция разведчика. Я бегал по полю и кричал: Баушка, сюда! Смот'и, здесь и здесь! И здесь! Смот'и, а эта какая ог'омная! Вот это да!..

Повзрослев, я стал стесняться этого занятия.

Коровье дерьмо каждый раз было украшено десятками мух. Меня передёргивало от омерзения, когда они садились мне на руки.

За грибами мы ходили тоже вместе.

Бабушка вела тетради с прибылью и расходами. Те

знаменитые тетрадки в клеточку по 96 листов в кожаной обложке. Каждый день она записывала в них сколько и на что потратила, сколько получила за фрукты и овощи на рынке, кто приезжал в гости… Своеобразный дневник в цифрах.

В деревенской жизни отсутствует центральное отопление, а значит, нужно было запасаться дровами на зиму. Этим занимались большей частью я и мой дядя. Дед лишь платил за услуги.

В то время, когда я ходил в школу и жил в городе, бабушка пыталась меня навещать, привозя с собой неподъёмные сумки с вареньем и солёными огурцами. Родителям были не по нраву эти набеги. Отчим всё чаще не здоровается с ней, мама раз за разом, открывая дверь и увидев за ней незваную гостью, цедила: Опять!

Бабушка всё понимает, но ей ужасно одиноко. Она ездит иногда к сёстрам, но с теми ей скучно, они ей по сути дела чужие люди.

Отчим презирает бабушку. Бабушка терпеть его не может. Он для неё трутень. Чашку за собой помыть не может, неряха… «Морду себе отрастил вон какую! Боров.» — частая её фраза, когда мы наедине.

Маму раздражают её речевые ошибки: звОнит, ложит, у ней… Не у ней, а у неё — каждый раз слышны мне эти поправки.

Ей тяжело давались эти уроки русского языка от собственной дочери. При этом бабушка наизусть помнила весь город, все улицы, более того, прежние их названия. Я, например, знал всегда лишь улицу, на которой живу, плюс две-три в округе. А ведь я в этом городе родился и жил.

Бабушка донимала меня лишь одним: питанием. Она жутко переживала мою худобу. Мечтала увидеть меня пухленьким. Оттого это бесконечное навязывание: съешь это, вот это, да это… Позже я услышу фразу из песни Петра Мамонова: «Только не лезь ко мне со своей бесконечной едой!». Нечто подобное хотелось сказать и ей. Уж больно эта тема была для меня болезненной. Есть-то не хотелось.

Бабушка неоднократно заговаривает со мной о смерти. Ей тогда уже было за семьдесят. У неё была классическая фраза в адрес деда: Я из-за тебя лет на десять проживу меньше! Сколько кровушки ты у меня попил!

Деда она тоже трутнем зовёт.

Бабушка говорит, что, мол, скоро ей умирать. Деньги на похороны она уже скопила. И на похороны хватит, и на памятник, и на оградку. Я терпеть не мог эти разговоры. Но она продолжала. Когда умру, Лёшенька, помяни меня чайком с сахаром. Не надо водки.

Муж — алкоголик, сын — алкоголик, первый муж дочери — алкоголик, у того — пьющий отец… Кругом одна и та же история.

Я начинаю бояться ночевать у неё. Вдруг я проснусь, а она умерла. Что тогда? Я каждый раз прошу кого-то неведомого, чтобы, проснувшись, застать её живой. Утром слушаю звуки: шум на кухне, хлопки дверей… Ага, жива! Слава богу!

Бабушка говорит сама с собой. Меня это тоже раздражало:

— Бабушка, перестань говорить вслух!

— Я все время одна, вот и разговариваю сама с собой, чтобы не разучиться.

— Ты не разучишься!

Бабушка откладывала мне деньги на сберкнижку. Мне было стыдно, что это она делала тайком, лишь для меня, минуя моего двоюродного брата. На эти деньги позднее я успею купить себе музыкальную аппаратуру, прежде чем те красные червонцы, сиреневые четвертные билеты и бесцветные стольники превратятся в бесполезную бумагу.

Я забрал бабушку к себе в город сразу же после того, как остался в квартире один. Так мы проживём несколько лет вместе. Она потом несколько раз будет злиться на Таню, ставшую моей женой, увидев меня в пьяном виде. Я не стану алкоголиком, я не стану пьяницей, но я также никогда не полюблю чай с сахаром. Моим алкоголизмом станет любовь к музыке.

Тебя, бабушка, я поминал лишь горькой водкой, уж прости.

Уехав из Питера в Германию, я возвращался домой лишь единожды, через год после отъезда. Был месяц дома. Почти всё время проработал. Уехал, пообещав бабушке приезжать почаще. Но больше не приехал ни разу. Родители забрали её к себе, сдав сперва квартиру в наём, а вскоре и вовсе продав. Бабушке довелось-таки увидеть своих правнуков. Таня ездила с ними в Питер. Спасибо ей за это! Бабушке было уже за девяносто. Она всё время проводила в постели.

Как-то раз позвонила мама: Привет. Вчера бабушка умерла.

Я (в комком в горле): Понятно.

Пауза.

Мама: Я тоже сейчас не могу говорить…

Я: Пока!

И мы повесили трубки. Я начал плакать. Плачу опять. Теперь из-за бабушки. Я не поехал на её похороны. Я ни разу не был на её могиле. Я урод. Боже, какой я урод!

Отделение А 3.1

Прибытие в новое отделение, как тому и положено быть, каждый раз начинается с экскурсии. Планировка во всех отделениях различная. Устои тоже разные. На первом этаже (оговорюсь, это по-русски первый этаж, по-немецки — Erdgeschoß) сразу же при входе — слева и справа — две комнаты медперсонала; холл с зеркалом и информационным столиком; на нём — знакомый нам уже журнал убытия-прибытия пациентов; огромная светлая кухня; туалет; комната для курящих (я не курю, заходить не будем) и совмещённые столовая и комната отдыха. Сестра говорит, что все места, кто где сидит, расписаны, и мне следует потом самому найти себе свободное. Поднимаемся наверх, на второй этаж. Душевая, туалет, 5 двухместных палат. Вот эта — моя. Комната раза в два больше предыдущей — той, что я делил со Стариком. Просторная, светлая, проветренная. Симметричная. Два окна, головой к ним кровати. Две тумбочки. Моя койка слева. На тумбочках настольные лампы. Моя — белая, у соседа — коричневая. Соседа нет. На его тумбочке стоят две бутылки минералки и такой же, как у меня жёлтый словарь от Langenscheidt[54] — только английского языка. В ногах у кроватей стоят по шкафу. Огромные. В свободном углу — бесполезный стол и три стула. Помещение выглядит ухоженным. Лишь в одном месте на потолке видны несколько тёмных пятен, да у кроватей стены слегка выпачканы постояльцами. На второй этаж мы подниматься не будем, там женское поселение. В подвале стиральные машины. Всё ясно. Спасибо!

Это здание, в отличие от предыдущего, лишено каких-либо запахов. В 5.2 носу тоже было нечего делать. 4.1 гниёт, там обонянию раздолье. В каждом помещении свое разнообразие.

В душевой замечаю кладбище косметики: зубные щётки и зубная паста, бритвы и пенка для бритья, расчески и щётки с копнами волос на себе, лосьоны, крема, гель, воск, пинцет, фен. Всё выпачкано в засохшей пене и зубной пасте. На стене два крючка, на которых висят два полотенца. Рядом прилеплен жёлтый листок для заметок, написано от руки:

Wofür hänge ich
mir eigentlich ein
neues Handtuch hin —
Wenn es doch jeder
benutzt?!
Frenzel[55]

Странно. Это комната личной гигиены для десяти человек. Мест для полотенец лишь 2… Да и как тут было бы определить своё. Они в клинике лишь четырёх цветов: белые, розовые, голубые и жёлтые.

В туалете ещё забавнее. Там вообще один крючок с полотенцем. Кто им пользуется?

И в туалете, и в душевой висят коробки с бумажными салфетками. Очень удобно, но я задаюсь вопросом: сколько же их во всей клинике расходуется?..

В унитазе не спущена моча.

Впервые сталкиваюсь с интеллигентным писсуаром. Ищу кнопку слива. Не нахожу. Озадаченно делаю шаг назад. Может быть, там внизу что-то ногой нажимается? Вода спускается. Ага, значит, он меня видит и моется самостоятельно. Там в стене есть вертикальная стеклянная полоска тёмно красного цвета. На уровне моего живота. Впервые такое вижу. Я могу быть свободен, в моих услугах не нуждаются.

Позднее в другом здании знакомлюсь с писсуарами, под которыми действительно есть педаль.

Начинаю раскладывать своё скудное хозяйство по шкафу и тумбочке. Сажусь на кровать. Всё, обжился. Теперь у меня этот процесс доведён до минимума. Сразу же чувствую себя дома. Не как дома, а именно дома. А ведь всю жизнь был привязан лишь к своему собственному жилью. Не мог на ночь в гостях оставаться. Даже если сильно выпивал, или если на часах уже далеко за полночь. В любом случае — из последних сил тащился на свою родную койку. Теперь всё изменилось, и изменился я сам.

На стене висит репродукция картины Мане. Или Моне. Вечерний Париж под звёздами. Пустое уличное кафе. Скорее всего — Мане. Один из двух, это точно. Бабеля от Бебеля отличить легче. Исаака я читал. А вот кто такой Бебель?..

Способность различать слова schon[56] и schön[57], schwul[58] и schwül[59] приходит со временем произвольно. С фамилиями сложнее.

Картины, кстати, висят во всех отделениях. Этого Мане-Моне я видел в 5.2. Там был также Миро, Кандинский и куча хороших фотографий с цветами. В 4.1 висят настоящие картины. Подписаны: L.A.'99. Некоторые из них очень классные. Нарисованы шкаликом. Подарок пациента? В 3.1 сплошная ерунда. Цветы-цветы. Словно салфетки в рамку засунуты. На кухне, правда, висит акварельный рисунок с тушевым контуром. Картина каждый раз скрывается за открытой дверью. Я часто за

распитием какао смотрю на неё. На ней изображена сценка на огромной кухне позапрошлого века. На переднем плане нарисована очень красивая девушка. Рисунок профессионала. Очень классный. Может быть, украсть?! На память о дурке.

Сижу на кровати. К компьютеру не тянет. Среди всякой мелочи нахожу бирку от ключа, что от моего предыдущего шкафа. Иду относить её обратно, возвращаю на место. По дороге встречаю Старика.

Он: Тебя перевели?

Я: Да. Отослали прочь.

Он: Жаль.

Что тут поделаешь?! Такова воля Аллаха.

Я: Всего доброго!

Он махнул рукой. Как мой дед когда-то. Déjà-vu.

На выходе из отделения, сестра: Вы уже перебрались?

Я: Да, съехал вниз.

Она:???

Я: Сначала было 5.2, потом 4.1, теперь 3.1…

Она: Что вы имеете в виду?

Я: Цифры: 5, 4, 3… Countdown.[60] Следующее отделение должно быть вторым. Катимся вниз.

Она: А! Ну, вы это, надеюсь, не серьёзно.

Я: Конечно же, нет (что я, псих что ли, чтоб сдавать свои планы?!). Спасибо за всё! Пока!

Она: Machen Sie es gut![61]

Заодно сходил в библиотеку и взял первый из трёх томов «1001 ночь». Сажусь на кровать, читаю.

Через пару часов по коридору слышны тяжёлые шаги, дверь отворяется и входит мой новый сосед. Большой, страшный на первый взгляд, но добродушный — на второй, человек с восточноевропейским акцентом. Говорит невнятно. Я не распознал его имени. Лет за пятьдесят.

Не люблю переспрашивать по несколько раз подряд. Потом разведаю. Делаю вид, что понимаю всё, что тот говорит. Несколько дней спустя, привыкнув к его речи, понимаю уже действительно всё сказанное.

Он пришёл после работы. После той самой — рабочей терапии. Им, оказывается, ещё за это дело доплачивают. Догадайтесь сколько?! Евро в час. Три часа работы в день — три евро. И здесь — эта пресловутая 1€-Job.

Царко, так зовут моего соседа, или Зарко (Zarko), имя его я считываю позже за обедом с карточки на боксе с едой,

спрашивает, не против ли я того, чтобы держать всё время окна открытыми. Я — да, мне так тоже больше нравится: прохладно и свежо. Отлично! Он угощает меня печеньем и уходит курить.

Я смотрю на вид из окна. Итак, ходим по кругу. Против часовой стрелки. Напротив отделение 5.2, где я отлежал три недели, слева 4.1, в котором я провёл два полных дня и две половинки, и вот то, о котором пишу здесь. Справа вид на четвёртое здание, в котором мне ещё не довелось побывать. Сверяюсь с планом на флайере. Так оно и есть — это второе отделение. Мне потом туда. Посередине маленький парк с огромной ёлкой и невзрачными мозаичными произведениями. Oh, Tannenbaum, oh, Tannenbaum!!! Голубая ель. Надеюсь, что мне не придётся делать хадж по полной программе, т. е. семь раз вокруг да около… Это всего лишь Вуншдорф, а не Мекка-Медина, ёлки-ты-палки…

Название взятой в библиотеке книги также наводит на грустные мысли: тысяча и одна ночь. Я здесь, в клинике, с пятнадцатого января. «И вышел он, как ему было предсказано свыше, на волю в 2011 году» Я ведь тоже, как и Шехерезада начал рассказывать байки, чтобы оттянуть время казни…

Время обеда. Спускаюсь в столовую. Здороваюсь со всеми присутствующими. В центре комнаты пробка: три борца сумо не могут разойтись по своим столам с тем, что у них там в руках. Один очень толстый мальчик и две очень толстые девочки. Одна лицом симпатичная, другая нет. Другую я помню по 5.2. Шарлотта Де Карло. Нахожу свободное место у окна и направляюсь туда с боксом. Уже быстрее соображаю, где что лежит и прочие особенности отделения. Здесь, например, к обеду не выносят хлеб. А я без него есть не могу. Я — русский. Плетусь на кухню. Все пьют только кофе, чай нужно заваривать самому. На кухне 9 сортов. Девятый, новый для меня сорт, — успокоительный. Я приобрёл уже крепкое пристрастие к какао. Мой кокаин. Мой дилер «Nestle. Nesquik». На пути сталкиваюсь с одним молодым пареньком. У него редкая бородка. Он улыбчиво спрашивает, как меня зовут. Его Мирко. Меня Алексей.

Он: Тебе восемнадцать?

Я: Нет, мне тридцать шесть.

Он: Тридцать шесть?!! Ба!..

Расходимся.

На кухне объявление: крепкие напитки, как то — кофе и черный чай, — после 18:00 запрещены [Kaffee- und Schwarztee-Konsum nur bis 18:00 Uhr, morgens ab 7:00 Uhr]. О какао ни слова.

Собрав весь обеденный натюрморт воедино, сажусь есть. Подходит совсем молодая пациентка. На вид — лет пятнадцать. Турчанка? Шепеляво и манерно спрашивает: Ты будешь есть чипсы?

На моём подносе лежит маленький пакет с чипсами. Понимаю, что она хочет его у меня попросить.

Я: Нет.

Действительно не люблю чипсы.

Она: Можно мне его взять?

Я: Держи.

Она: Спасибо!

Ведёт себя, как малое дитя (из наблюдений за прошедшую неделю): капризничает, клянчит, говорит глупости. Уже сама мать. Часами разговаривает по телефону со своим немецким бойфрендом. Ребёнок, мать ребёнка.

Бойфренд потом увидит меня в столовой с компьютером и спросит: не нужен ли мне Photoshop CS3. Я отвечу ему, что он у меня уже здесь проинсталлирован. A Illustrator? Тоже. A InDesign? Тоже. DreamWeaver? Есть. After Effects? Есть. Premiere? Есть. Из интернета брал? Ага. Ну, если что понадобится — обращайся! Хорошо. Бойфренд очень похож на пациента. Хотя его пристрастие к Adobe я всецело разделяю.

Отобедав, иду дописывать своё первое письмо — историю отделения 5.2. К семи возвращается Царко, ложится спать, и это знак для меня — компьютер в шкаф остывать, я с книжкой — в комнату отдыха, ать-два. Каждый раз при этом замечаю, что сосед прячет кошелёк из своих штанов под подушку. Царко, я не вор.

Царко — параноик. Об этом я узнаю позже.

Спускаюсь вниз. Сперва надо выпить горячего какао. Не могу найти пачку. Шарю по всем шкафам на кухне. Они так же, как и во всех прочих отделениях, подписаны. Но открыть шкафчик, оценить его содержание и закрыть получается куда быстрее, нежели сверяться с наклейками.

Недружелюбный грубый голос: Что ты ищешь?!

Я (поворачиваясь к нему, нет, к ней): Какао.

Женщина лет пятидесяти с чёрной бородкой (зовут Эльвира): Я тебе покажу. Вот здесь.

Идёт показывать.

Я: Там нет. Я уже смотрел.

Она, тем не менее, открывает тот ящик.

Она: Тогда в столовой.

Я: Там я тоже смотрел. Нигде нет.

Она: Надо спросить у сестёр.

Эльвира здесь хозяйка. Она очень услужливая. Строгая, явный диктатор, некрасивая, при этом приятная. Она низкого роста, полная. Курит.

Иду к медсестре. Та находит заветную пачку с зайцем в закрытом шкафу с запасами. Нужно вскипятить воду. Чайник (о нет!) точно такой же, как был у меня всё то время, что я прожил на Wunschdorfer Straße. До того он кипятил воду всей моей семье. Это теперь не просто чайник, это ежедневное напоминание. Я так же, как и тогда, держусь за его ручку в ожидании последних секунд закипания воды. Думаю, что глупо вот так стоять и держаться за него, но он словно моя традиция. Не знаю, как это объяснить словами. Уехав в Питер, я отнёс свой чайник на помойку. Теперь он здесь передо мной.

Трясущейся рукой насыпаю какао в чашку. Почему всё время трясутся руки? Таблетки? Каждый раз одно и тоже, когда имею дело с этим порошком… Вода закипает.

Зашедший на кухню медбрат озадаченно спрашивает: Вы какао водой заливаете?!

Я: Да.

Он: А я всегда только молоком. В первый раз такое вижу, чтобы водой.

Сознаюсь, что я варвар. Про молоко, когда впервые в 5.2 решился на какао, мысли не было. Залил кипятком плюс сахар, понравилось, пью так дальше. Да и сейчас бы не стал связываться с молоком. Я — ленивый варвар.

Ещё я ем киви неочищенными. С мохнатой кожурой. Лишь откусываю жёсткую попку.

Однажды мне повезло. Выдавали по два киви в одни руки. Никто их есть не стал. Я устроил пиршество.

А ещё я варваром бреюсь всю свою жизнь: без пенки и без одеколона под конец.

Медбрат: Ну, как вам нравится у нас?

Я: Да я пока совсем свежий здесь. Всё нормально.

Шучу с ним на тему хаджа вокруг ёлки. Видно, что он эту «шутку» не понимает.

Эльвира медленно ходит в холле туда и сюда, часами. Всегда пытается поймать взгляд мимопроходящих. Охотно приветствует тех, кто говорит ей «Hallo, Elvira!». У неё грубый и очень сильный грудной мужской голос. Этот голос однажды меня озадачил. На втором этаже, где я живу, в коридоре висит телефон для пациентов. Эльвира говорит громко и чётко. Мне слышен весь разговор через стену.

Эльвира: Да, бабушка!

Бабушка! У неё есть бабушка!? Сколько же ей лет? Она выглядит пожилой. Явно к шестидесяти.

Эльвира произносит некоторые фразы с читаемой горечью. Говорит, что ведёт себя хорошо, что её уже можно забирать. Неслышный мне голос её бабушки по явному из контекста смыслу отвечает, что внучке следует ещё подлечиться. Эльвира чуть ли не со слезами выпрашивает позволения вернуться в семью, домой. Она уже очень давно здесь. Сколько же можно!

Я вспоминаю свои разговоры с Таней. Всё один в один. Этот мой голос навзрыд. Я изменился. Я стал другим. Я стал лучше. Дай мне шанс показать это!

Далее Эльвира договаривается о том, в какой день и час бабушка позвонит ей вновь. Она явный диктатор по характеру, но готова на всё, лишь бы её любили. Охотно помогает новичкам в ориентации, собирает несъеденное (колбасу, сыр, джемы) на чистую тарелку, накрывает плёнкой и относит всё это добро в холодильник. Вечером с этих запасов кормятся многие пациенты, я — в их числе. Эльвира добровольно заведует порядком на кухне. Что толку назначать туда дежурных?!

Однажды она подходит к Анэтте и спрашивает, будет ли та есть свой йогурт. Та (недовольно): Да, буду!

Эльвира: Вопрос ничего не стоит! Вопрос ничего не стоит!..

Она почти ничего не ест. Обожает эти йогурты. Я отдаю ей свой.

В этом отделении пациенты охотно делятся с другими чем-либо из своего рациона, либо обмениваются. Оттого-то и вопросы: Ты это будешь? Можешь отдать мне? Кому пачку какао?!

Анэтте — человек тихий и замкнутый. Рыжая, очкарик. У неё проблемы явные. Она постоянно находится в панике. Её тело совершает регулярные качкообразные движения. Анэтте при этом умудряется целый день вязать. Вяжет, а ноги трясутся. Если не вяжет, то в ход пускаются руки. У неё двое детей-подростков. Каждый второй из пациентов просит Анэтту связать им по шарфику. Та охотно удовлетворяет их просьбы.

С Царко, соседом, мы видимся редко. Он ходит на ту трёхчасовую работу. Всё прочее время проводит в комнате для курящих. Целый день! Как впрочем, и все прочие. Курят здесь, вроде как, абсолютно все. Если на улице светит солнце, они сидят с сигаретами снаружи на ступеньках.

Редкий раз, заходя по необходимости в комнату, сосед всегда говорит мне: Привет, Алекс!

Я: Привет!

Он: Как дела у компьютерного эксперта?

Я: Всё путём…

Как и Старик, хорват Царко, я-таки правильно распознал его акцент, ложится спать в районе семи вечера. Я же — не ранее десяти. Хочется читать и дольше, но ночная таблетка даёт о себе знать через полчаса (тяжелеют веки), под её действием я плетусь в кровать. Утром очень сложно просыпаться в семь часов. Сосед встаёт по звонку — наш будильник — медсёстры. Ясное дело — он спит на три часа больше, чем я. Я же отлёживаюсь ещё минут двадцать. Иногда засыпаю вновь, и меня повторно будят, заметив в столовой нетронутый мною завтрак.

Меня вызывают к социальному работнику. Работнице. Нина Миннихь. Она говорит мне, что я, как тут выяснилось, не застрахован. Нет у меня медицинской страховки.

Я: А я об этом уже устал твердить. И в полиции говорил, и медбрату при поступлении в 5.2. Мне же в ответ: мы разберёмся. Да и времени прошло достаточно, чтобы это выяснилось.

Не разобрались. Выяснилось только сейчас.

Она: Всё ясно. Вас нужно будет поставить на пособие по безработице. Как можно быстрее. Мы попробуем это сделать и в Ганновере, и в Вуншдорфе. Посмотрим, где получится быстрей. Вы сможете заполнить эту анкету сами?

Я (боже, сколько я уже таких назаполнял! мой позор): Да, конечно.

Опять потекли неотличимые друг от друга дни. С утра после завтрака включаю компьютер и копошусь в нём до обеда, обедаю, ухожу на час в интернет-кафе (это мои пол пачки сигарет: развлечение, расслабление, трата денег)…

Его владелец уже на второй день приметил меня и при моём появлении выдаёт: Привет! Номер 9!

Или номер 4. Номер стола. Главное, чтобы не 5. На пятом столе плохая мышка. На девятом плохой монитор, но это уж лучше, чем дохлая мышь.

Я успеваю лишь обновить свой сайт, прочитать письма (Алексей, а когда будет доступен к скачиванию «СМРТ» Лимонова?) и насобирать статеек, что я коллекционирую для своего литературного архива.

Интернет здесь дорогой. 2 евро за час. Задержись на секунду: приходится платить уже 2,33€. С тоской вспоминаю 49 берлинских центов, при этом все необходимые мне программы уже проинсталлированы, деньги текут по центу, 24 часа в сутки, бутылочка пива, по правую руку Акрам на сайте «Аль-Джазиры»…

Владелец вуншдорфского интернет-кафе, лицо кавказской национальности, вроде как азербайджанец, я слышал, как тот говорит по-русски. Он подробно объяснял одной женщине, русачке, выгоды какого-то тарифа на телефон и интернет. Я был поражён, что его «черножопая» речь, с редкими ошибками склонения, была куда более приятной, и вменяемой, нежели этой примитивной бабы, для которой русский язык родной, и боюсь, что единственный.

Заодно по поводу «черножопости». Откуда взялось это слово? Родив сына, а затем и дочь, Таня лежала каждый раз в одной палате с турчанками и сделала для себя следующее открытие. Задницы у ближневосточных младенцев гораздо более тёмного цвета, чем остальное тело…

Происхождение кавказца из бывшего СССР я расколол, когда услышал от него следующее, он говорил одной из посетительниц, немке: Как папа Карло!

Я не слышал, к чему это было сказано, но он именно так и сказал, даже повторил.

Женщина: Кто такой папа Карло? Я его не знаю.

Он: Вы не знаете папу Карло?!

Женщина: Нет.

Он: Как же?! Ну, Буратино же вы точно знаете?!

Я про себя: не Буратино, братец, а Пиннокио, не папа Карло, а Джепетто… Буратино — это Алексей Толстой. Немцам же знаком лишь первоисточник — Карло Коллоди.

…продолжаю описывать свой нудный распорядок: возвращаюсь из интернет-кафе, включаю компьютер, вожусь с ним, расфасовывая выуженное в интернете, читаю некоторые тексты, переключаюсь на свою собственную писанину, иногда зовут к телефону (Акрам подбивает идти на шестимесячные курсы по повышению нашей с ним квалификации, в Кёльне), ужин, запираю компьютер на ключ, ухожу, меня пересадили от окна за стол к соседу, т. к. то место, что я выбрал себе в первый день, оказалось занятым, возвращаюсь, достаю компьютер, есть ещё час, до того как всласть накурится Царко, пишу эти бесконечные письма, весь в угаре, всё, о чём пишу, твёрдо стоит перед глазами… Голосов пока ещё не слышу. Вижу. Вижу! Надо будет сказать об этом врачу. Очень легко писать, так как всё вижу. Я лишь фотографирую словами. Это очень просто. Жаль только, что моего труда в том нет. Я читаю текст и правлю многочисленные ошибки склонения. Осознаю, что не знаю правил написания приставки «не» с прилагательными и наречиями. Удаляю повторения, ищу синонимы, чтобы в двух подряд предложениях не повторялись слова. Не творческая работа.

Голова работает быстро, иногда выдавая несколько вариантов написания одного и того же предложения. Я начинаю одно, на него давит другое. Оттого частые несостыковки. Иногда тире из ещё ненаписанного последующего слова впечатывается в пишущееся. Писать первое письмо было гораздо труднее, т. к. хронология в голове запуталась. Причём конкретно. Там я строчил словно на лоскутках и затем перетягивал текст на более точное место, потом — точнее, сшивая всё в единое полотно. Вроде срослось.

Поясняю фразу «меня пересадили от окна за стол к соседу». В этом отделении принята традиция: каждый за своим столом и, как оказалось позже, боксы по столам разносят дежурные пациенты. Никакой инициативы со стороны.

За новым столом знакомлюсь с Арне. Опять не улавливаю имя на лету, хотя у Арне отличная дикция. Смотрю на карточку: Arne.

Думаю, что OCR FineReader мог бы воспринять рядом стоящие буквы «r» и «n» как «m». Профессиональная реакция на текст.

Арне неулыбчив, молчалив, вежлив. Очень сосредоточен. Тип высококвалифицированного программиста. Когда мы встречаемся за едой, и я говорю ему либо «привет», либо «приятного аппетита», Арне в ответ неуклонно называет моё имя: Алексей. Только имя. Аналогичное происходит с приветствиями других людей. С ним легко выведывать имена пациентов.

Вечером, когда приходит спать Царко, я традиционно говорю ему: Вот и ещё один день прошёл…

Он традиционно отвечает: Gott sei Dank![62]

Выхожу прочь с Шехерезадой. Компьютер ещё урчит в шкафу, выключаясь.

Я: Gute Nacht![63]

Царко в ответ: Gute Nacht!

Со временем он стал отвечать мне прежде, чем я успею пожелать ему доброй ночи.

Я: Gu…

Он: Gutenacht!

Я: …te Nacht!

Он регулярно покупает себе печенье и ест его ночью, запивая минералкой. Ему явно не хватает здешней еды (он большой) и его тянет на сладкое. Каждый день он съедает трёхсотграммовую пачку «Choco Kränze». Это уже стало темой для шуток нашей уборщицы, находящей у нас в ведре неизменную сине-жёлтую пачку. Когда он угощает меня, я не отказываюсь. Он хороший человек и ненавязчивый. Такой же тихоня, как и я. Он один из тех психов, к которым я быстро привязываюсь: Ралука, дед Розенберг,

Эльвира… Когда они пропадают — у меня тут же возникает чувство потери.

Как-то под вечер он говорит, что мне не нужно уходить из комнаты, когда он ложится спать, я ему не мешаю. Я говорю, что это не проблема, т. к. мне достаточно того времени общения с компьютером, которое у меня есть в распорядке. Я с не меньшей охотой ухожу читать, показываю на книгу.

Он: Alles klar![64]

Уходя вечером прочь, оставляю компьютер в шкафу незапертым. Иначе чувствую себя полным идиотом. Пусть Царко его и сторожит…

Ловлю себя на мысли, что запомнил: скважина в замке вертикально — закрыто, горизонтально — открыто. Со второй недели замечаю, что часто забываю закрыть дверцу, покидая своё логово. Стало быть, расслабляюсь.

Здесь никто не читает. Развлечений всего два: телевизор и беседы в курилке. В ней я был лишь раз. Я было разговорился с Царко о Балканах, а у него позыв покурить, он говорит, пойдём туда, в курилку. А там уже вся компания в сборе.

Я Томас, я Мадлен…

Более одного имени за раз я запомнить не в состоянии. Томаса я уже знаю. Томас невероятный болтун. Это он автор листочка в душевой с просьбой не пользоваться его полотенцем. Из его болтовни узнаю, что он пишет автобиографический роман. Интересно! Чем-то аналогичным здесь занимаюсь и я. В этот раз запоминаю Мадлен. Девчонка. Где-то у неё есть малюсенькая собачонка Снуппи. Показывала мне её на своём мобильнике. Мадлен не только курит, но и смотрит телевизор. Часами. Лёжа на диване. Смотрит всё подряд. Просит не занимать её место, когда выходит в туалет или на кухню. Возвращаясь, спрашивает, что было, пока она отсутствовала. Мадлен — одна из тех, у кого бывает либо очень хорошее настроение, либо очень плохое. То слёзы, то безудержный смех.

Всё парни почему-то стали говорить, что у них были русские подруги. У Арне тоже: Имя (забыл) Ефимова. Мне на эту тему рассказывать нечего. У меня никого не было. Только Таня. Зато как я её любил!

Был на приёме у врача. До этого следовало отстоять в очереди. Надо же! Как психи обожают эти индивидуальные беседы.

Новая для меня главврач: Так, господин Евсеев, у Вас…

Что-то меня насторожило.

Она: Я правильно произнесла Вашу фамилию?

То, как она её произнесла, ещё стоит в моих ушах, и это именно то, что меня озадачило: она произнесла её без акцента.

Я: Да… Даже без акцента…

Она: О! Я очень рада.

Лечащий врач: Что вы хотели нам сегодня рассказать?

Я: Ничего…

Она: А зачем же вы тогда пришли?

Я (про себя: «Стреляли»): Позвали.

Пауза.

Я (вспомнив): Я хотел сказать, что у меня повторились боли в груди. Уже два раза за эту неделю, а ранее — один раз в 5.2 и один раз в 4.1.

Главврач (сверяясь с моей серой папкой): При поступлении в клинику в вашей крови не было найдено воспаления…

[В Питере в последние месяцы мучился бронхитом. Приехав в Германию, бронхит потерялся.]

Я: Ну, я не знаю, отчего это. Но очень больно.

Врачи, похоже на то, не знают, что стало тому причиной. Ладно, не особо-то я от этого и страдаю.

Я в очередной раз прошу снизить дозу дневных таблеток.

Как только я «связался» с компьютером, они на меня больше не действуют. Теперь он — мой ноутбук — моё лекарство. И мои письма в нём — мои психотерапевты. А раз не действуют таблетки, то на фиг они тогда нужны?! Чтобы каждый раз рассыпать какао по столу?

Главврач снижает дозу и говорит, что на следующей неделе о них можно будет забыть. Мне останется лишь одна единственная антидепрессионная таблетка на ночь. После этого визита я решил таблетки не пить. Хватит травить тело. Я прячу их под языком, либо, если медперсонал занят собой, оставляю в руке и затем выплёвываю-выкидываю в мусорное ведро. Если прячется под язык, позже надо споласкивать рот — от них остаётся жуткий привкус.

А тело всё-таки травится. Ещё в 5.2 я заметил, что после того как схожу в туалет, чувство помочиться не исчезает. Иду обратно, цежу из себя пару капель. Вроде прошло. Но хуже, когда опять забудешь постоять подольше над горшком, а потом садишься где-нибудь и чувствуешь, как потекло в трусы. И так было много раз подряд. В результате я стал к этому делу относиться с вниманием и надолго зависаю над писуаром, пытаюсь выжать свой мочевой пузырь до последней капли. Нужно расслабиться и не препятствовать тяготению земли, чьему закону подчинена моя жёлтая водица. Entspannungstherapie.

Однажды я попытался проигнорировать и ночную дозу, ту самую ночную таблетку.

Больше я этого делать не стану.

Ни-за-что!

Получилось вот как. Вечером, тихо-тихо положив байки Шехеризады на тумбочку, я лёг спать… но заснул в итоге — лишь под утро. Башка работала так, словно имитировала взбесившийся компьютер, миллион бесполезных байтов из одного угла носились в другой, пронося через сознание бесконечные истории, обрывки разговоров и всего прочего, что записалось в последние годы в мою память. Я передумал весь свой Марш Несогласных поминутно и навспоминал много чего, так что на следующий день мне пришлось (возникла такая жизненная необходимость) от этого багажа избавляться письменно. Перелопатив все свои питерские письма на эту тему, я добавил в него, в получившийся рассказ, кучу новых подробностей. Переписал всё, изменив время повествования: всё, что было, стало только что происходящим. История набрала динамики.

Но подобного опыта я больше не хочу. Эт-т-то была телесная мука. Я впервые за все эти дни перевернулся на левый бок. Перевернулся, т. к. отлежал правый. До этого дня я ложился спать и почти сразу же засыпал. Я даже не знал, как выглядит комната ночью, т. к. засыпал носом к стенке, а утром было не до осмотра своего убежища, очень спать хочется.

Я понял, что это моё туповатое телесное состояние (голова ясная) — моё спасение. Оно как бы даёт выбор: будешь думать о Тане и детях или же пока не станем?! Я говорю ему: отложим. И тело говорит: хорошо, я не буду тебя мучить… но твои беды по-прежнему во мне, за запертой дверцей, я их приберегаю, пока ты кормишь меня медикаментами, названия которых не в состоянии запомнить… не смотри только на фотографии детей — тут я бессильно.

Да, а Царко пукает. Это некстати прозвучало, но уж так получилось, простите! Он, нет, несмотря на своё богатырское тело, не пердит, как Старик, но и не попукивает, как Программист. Он их расфазовывает, выражаясь мультяшным языком. И опять-таки каждую ночь, иногда очередью. Раз я это знаю, значит, сплю чутко. В первый раз, когда он это сделал, я улыбнулся улыбкой до ушей. Теперь — не обращаю внимания. Окна весь день и всю ночь открыты. Пукай себе на здоровье, мой безумный сосед!

А вот интересно — раз уж на то дело пошло — как во сне пукаю я?!

Библиотека сократила часы работы, почти что вдвое. Теперь она работает лишь в первой половине дня и лишь по средам во второй. Никто почти не читает. Нет потребности. Пациенты приходят в неё лишь из-за интернета.

Каждый день застаю соседа сидящим задумчиво на кровати. Около минуты. Он тоскливо смотрит в окно. У него изрытое морщинами деревенское лицо. Мне хочется его сфотографировать. Чем-то он мне напоминает образ зека. Тоскливый взгляд. [Wie im Gefängnis, вспоминаю я деда из 4.1. Они, кстати, одного возраста. 56 лет и тому, и другому.] Затем он традиционно встаёт, достаёт полотенце из шкафа, бросает его на плечо и выходит из комнаты.

В отличие от деда-пердуна, Царко настоящий дед — у него трое дочерей, и у старшей из них есть двое детей. Младшей его дочери 7 лет. Он всегда, когда заходит о ней речь, показывает огромной ручищей, какого она роста.

Я спросил его, почему он не живёт с женой и дочерью вместе. Он сказал, что болен, и больна его жена. Так лучше, что они живут порознь. Он часто видится с дочерью, это не проблема.

Царко ожидает того момента, когда ему дадут деньги на мебель, чтобы переехать в квартиру, которую он уже снял. Скоро мы попрощаемся, и у меня будет другой безумный сосед.

Который день подряд кормят чем-то невообразимым. Жуткие овощи и большие куски варёного мяса. Съедаю лишь варёный картофель. Он тоже невкусный. Но всё прочее просто несъедобно. В столовой нет того разнообразия специй, которым было славно отделение 5.2. Нечем отбить вкус. Все эти гигантские мясные порции оставляю на тарелке. Думаю о том, что если так и дальше пойдёт — то сколько же зверей убьют ради меня зря?! Вегетарианцем от этих мыслей не стал. Есть, кстати, меню и для таких пациентов. А также для диабетиков и не употребляющих в пищу свинину. Во как! Аллааа у акбар! Я впервые за всё это время принимаюсь за составление индивидуального меню из предложенных на листке вариантов: меню А, меню Б… В результате у меня получается (семь дней недели): ААВАВВА.

Стою на кухне. Завариваю чай. Накрываю одну чашку другой. Эльвира наблюдает за мной.

Смотрю в окно. На небе вОроны. Вспоминаю Шевчука: «На небе ворОны, под небом монахи». Сотни. Всё небо в них. Ага, это они загадили всю территорию клиники. Под некоторыми

деревьями сотни белых клякс.

Теперь они всей дружной командой поднялись в небо. Некоторые совсем маленькие — летят высоко, другие побольше — летят пониже. Получается в несколько слоёв. Каркают.

Эльвира (за спиной): Тебе нужны обе чашки или одну можно уже поставить в посудомоечную машину?

Поворачиваюсь к ней, замечаю, что она наконец-то сбрила свою бородку.

Я: Да, мне нужны обе. Я хочу, чтобы хорошо заварился чай. Я потом сам всё поставлю на место. Спасибо.

Возвращаюсь к окну. Воронов нет. Стою, смотрю по сторонам — куда они делись так быстро?

Голос медсестры за спиной: Да, красивое сегодня небо.

Сосредотачиваюсь на небе. Оно самое обыкновенное. Голубое. Без облачка. Где красота-то?! Не стал говорить, что вОрон, «кружащийся над головой», куда интереснее…

Вечером уединяюсь с книжкой в столовой. Слышу из совмещённой с ней комнаты отдыха разговор Итальянца с Анэттой — во время рекламной паузы по телевизору.

Итальянец: Вот иногда думаешь, есть ли бог или же его нету. Я верю в бога, в Иисуса. Ясно, что без него вся жизнь не обходится. Почему функционирует наше тело так, как оно функционирует? Почему сердце или печень находятся на своих местах, а не где-либо иначе? Если бы бога не было — кругом был бы хаос. Ты, Анэтте, веришь в бога, в Иисуса?

Анэтте: Не знаю. Наверное, да.

Итальянец: Некоторые не верят. И ведь как получается: если я скажу врачу правду, что я верую в бога, в Иисуса, то она подумает, что я псих, да?! Глупость! Она-то явно неверующая…

По телевизору: Zum Risiken und Nebenwirkungen lesen Sie die Packungsbeilage und fragen Sie Ihren Arzt oder Apotheker.[65]

Конец рекламы, конец проповеди.

После окончания фильма Итальянец проходит мимо меня.

Он: Алексей, не читай слишком много! А то будешь шибко умным.

Я: Книги умней не делают. Это заблуждение.

Он: Почему нет?

Я: Этого я не знаю. По себе сужу.

Он: А откуда же тогда ум берётся?

Пытаюсь поднять глаза к небу, но вовремя сдерживаюсь, не хочу продолжать тему бога, Иисуса…

Я: Не знаю. Может быть, рождаются с ним, может быть, из опыта жизненного набирают.

Он: А я не умный. Если бы я был умным, я был бы врачом, зарабатывал бы кучу денег.

Я: От этого тоже бывает скучно.

Он: Не знаю. Зато покупаешь себе всё, что захочешь.

В связи с этим я вспоминаю, что сегодня закончился какао. Были бы деньги, я бы его сам купил. Интересно, когда завезут новую пачку? По случаю перехожу на чай.

С Итальянцем я впервые пересёкся в коридоре, на второй день. Познакомились. Он мой ровесник. Ему 34. Спросил, почему я здесь. Я вкратце рассказал.

Он: У меня аналогичная история. Только без детей. Мы уже семь лет как расстались. Я до сих пор этот разрыв переживаю. На прошлой неделе она мне позвонила, говорит, что у неё новая семья, ребёнок. Мне было очень больно.

Я: Догадываюсь как…

Он: Ты должен с этим сам справиться. Врачи не помогут.

Я: Я не могу.

Он: Ты должен. Врачи не помогут. Это твоё.

Итальянец толстый, ещё один борец сумо в коллекции отделения, лысый на макушке, но с длинными волосами по краям. Усы с бородкой, щёки бреет, но они всегда в щетине. Всё время разводит руки в сторону и нагибает голову, болят плечи. Симпатичный, с юмором.

В туалете, в который уже раз, замечаю лобковый волос на крае писсуара. Он то есть, то его нет. Т. е. он регулярно с кого-то сыплется, затем, видимо, сдувается в пропасть, смывается прочь. Потом он опять тут как тут. Вижу! Врач, у меня галлюцинации. Ещё я вижу регулярные скомканные бумажные салфетки в том же туалете и душевой. На полу. Рядом с ведром. Не понимаю, кто их бросает мимо мусорного мешка. Каждый второй день стульчак унитаза испачкан чем-то коричневым. Ясное дело чем. Такого безобразия не было ни в 5.2, ни в 4.1. На прошедших выходных весь туалет был забрызган кофе. Следы от чашки были замечены мною на полке, на полу — многочисленные кляксы, единственное полотенце на крючке и то всё в нём, следы от кофейных пальцев на двери. Чем-то похоже на кровь.

После завтрака срочно вызвали на ЭЭГ. Блин, у меня волосы грязные. Не успеваю помыть.

Надевают на голову резиновый шлем с датчиками. Обильно мажут места стыковки с кожей гелем. Датчик на мочке левого уха многократно спрыгивает.

Закройте глаза. Расслабьтесь. Опять гель. Нет контакта.

Можете пока открыть глаза. Гель. Ещё раз гель. Закройте глаза. Расслабьтесь. Поехали. Дышите ртом. Во рту тут же пересохло. От этого полногрудого дыхания начинает кружиться голова. Надо продержаться три минуты. Дышите нормально. Откройте глаза. Стоп. Вот вам салфетка. Вытираю гель со лба. На нём остались три красных круглых пятна от присосок. Свободен. Следующий.

Пошатываясь, выхожу на улицу и иду в неверном направлении. Меня по-прежнему мутит. Сориентировавшись в пространстве, поворачиваю назад и иду в своё отделение. С трудом поднимаюсь по лестнице. Падаю в кровать. Пытаюсь заснуть, но не могу, т. к. сильно кружится голова. Засыпаю через час. Слышу сквозь сон, как Царко щипцами стрижёт ногти. Щипцы: цак! Звук ногтя, падающего на пол. Опять: цак! Ноготь стучит о линолеум…

Надо будет купить себе ножницы для ногтей. Иначе я их по-варварски отрываю себе теми же ногтями. Не грызу, а пальцами умудряюсь. Никогда так прежде не делал.

К обеду будит медбрат. Я проспал. Все уже отобедали. На моей тарелке опять огромный кусок варёного мяса и малюсенькая горка варёных овощей. Бр-р! Ем только подслащённый творог.

После обеда иду в душ мыть голову. В одной из душевых слив забит волосами. Сторонюсь ко второй кабинке. Там чисто. Свои выпавшие волосы после промывки выкидываю в ведро. Не варварский поступок.

Вот ведь радость для обслуживающего персонала: говно и капли мочи на стульчаках, следы урины под писсуаром, пятна кофе на полу и прочих местах, кругом волосы, разбросанные салфетки, раковины в засохшей пене и сбритых волосах… В туалете и в душевой мне приходится ходить как по минному полю, я же в носках.

В комнату заходит уборщица. Я сижу на кровати с компьютером, спиной к двери. Поворачиваю к ней голову. Т. к. уже встречался с ней сегодня и говорил «халлё»[66], лишь киваю головой. Отворачиваюсь к своему резюме в школу, что мне сватает Акрам.

Уборщица (по-русски, я уже слышал её немецкий и знал из-за акцента, что она русская): Ну, что, Алексей, как у тебя тут дела?

Она присаживается рядом на стул.

Я: Ничего. Так себе.

Она: Ты откуда?

Я: Из Питера.

Она: И что ты тут делаешь?

Я: Лечусь.

Она: Давно здесь в Германии?

Я: Давно. Двенадцать лет.

Уборщица начинает мыть пол. Я вспоминаю про россыпи стриженных ногтей соседа.

Она: И что у тебя случилось?

Я: Да так, жизнь поломалась. Убежал было домой в Питер, но вот вернулся… Теперь хожу тут по кругу (показываю за окно): 5.2 и 4.1 уже позади. Теперь мне нужно обязательно во второе отделение, то, что справа, попасть. Пока не знаю как.

Она: Ой, а там только алкаши и отделение закрытое.

Я: Жаль. Тогда мне туда не надо.

Отдавать компьютер и нашпиговывать голову новыми впечатлениями пока не хочется. А надо бы. Это подавило бы депрессию.

Я: Странно, что здесь никакой толком помощи не получаю. Одни лекарства.

Она: Там у нас (в России) много хуже.

Я: Это понятно.

Она: Ну, ладно. Не буду тебе мешать.

Понимаю, что её смутило то, что я одновременно с разговором копошусь в компьютере. Её это, видать, обидело. Дурацкая моя черта. Могу делать два дела одновременно без ущерба для каждого из двух. Это отнюдь не презрение к собеседнику. Но со стороны всё выглядит иначе. Нужно будет искоренять эту свою способность. Она отталкивает. Говоришь с человеком, оставь компьютер в покое, говорю я себе.

Я забываю спросить её имя.

Подсмотрел вечером в тарелке у Томаса — гора из овощей. Оказывается, что можно на ужин заказывать Salatteller.[67] Я тоже такое хочу. Со следующей недели буду питаться аналогичным образом. Количество овощей не поддаётся счёту — чего там только нет. Это мне по вкусу. На листке с заказом пищи в разделе «прочее» у меня отныне значится следующее: утром пачка какао, вечером овощи.

На уме вчерашняя беседа — медперсонала и всех пациентов. Patientenkreis. Психи имеют возможность в течение часа еженедельно задавать вопросы лечащему врачу. Врач пытается рассказывать. Пытается, т. к. её всё время перебивают пациенты — то дополнительными вопросами, то шутками в адрес друг друга. Сплошной хаос. Вчерашней темой был «психоз». Некоторые пациенты рассказывают о своём опыте. О голосах. Становится

жутко интересно. Оказывается, в Германии есть общество «слышащих голоса» и не желающих от них избавляться. Врач говорит, что если эти голоса человека развлекают, оказывается, бывает и такое, и не мешают ему жить, то таковых пациентов медикаментами не лечат. Но это не тема «психоза». Мы каждый раз уклоняемся от выбранной вначале темы. Одна девушка, пациентка, Нина, чётко формулирует эту тему, т. к. знает её на своей собственной шкуре. Она словно читает статью из учебника по психиатрии. Врач объясняет доходчивее: человек в состоянии психоза не может принять решение из представленных ему вариантов, мечется от одного к другому, может быть агрессивен из-за этих метаний. И мы опять сваливаемся к теме «голосов». Я уже готов в шутку сказать, что я ВИЖУ, как тема разговора сворачивает на оптические галлюцинации. Затем затрагивается тема «перфекционизма». Врач спрашивает, у кого есть проблемы из-за этого. Я готов поднять руку, но кто-то её опять забалтывает, и мы уже где-то в другой заводи. Говорят о паранойе. Узнаю, что мой сосед — один из её клиентов. Я жалею, что у меня нет диктофона. Некоторые рассказывают о себе весьма поэтически. Такое запомнить и записать я не в состоянии.

Опять вечер. Опять Шехерезада. Мимо проходит Мирко: Что читаешь?

Я: 1001 ночь.

Он: Это что-то древнее.

Я: Ага.

Он: А что ты изучал?

Я: Кораблестроение. Но только два года. Потом бросил…

Он: Четыре семестра. Это в Германии?

Я: Нет, в России.

Подошёл Итальянец.

Итальянец (в шутку): Алексей, он тебе мешает? Я его могу оттащить от тебя. (потом) У тебя, я слышал, есть ноутбук.

Я: Да.

Итальянец: А интернет?

Я: Интернета нет. Я хожу в интернет-кафе.

Поговорили о том, сколько это развлечение здесь стоит. В Берлине, говорю, в четверо дешевле. Итальянец пошёл курить. Мирко за ним. Возвращается: Я пойду покурить.

Я: Давай!

Он (возбуждённо): Супер симпатично! Мне было здорово с тобой!

Я машу ему рукой, мол, вали курить. Мирко слышит голоса. Я всё и вся вижу насквозь. Он курит. Я не курю. Из-за этого мы

редко видимся. Он охотно ходит на эрготерапию — рисовать. Я же отрисовался.

Наблюдаю за походкой Анэтте. Шарло. Когда сосредотачивается на чём-то, тряска рук и ног прекращается. Вот она без всяких прибамбасов отрывает завядшие листочки от цветка на подоконнике. Закончив, уходит прочь. Стартуя с места, идёт первые пару шагов нормально и тут, словно вспомнив, что больна, превращается в пингвина.

Делаю открытие. Борода и усы у меня почти не растут. Я лишь раз брился в 5.2, и вот второй раз в 3.1. Всего лишь три раза за месяц, хотя раньше 2–3 раза в неделю.

Одна из сестёр в очередной раз спрашивает меня: Wie geht es Ihnen?[68]

В ответ на подобный вопрос медперсонал явно ожидает услышать: Es geht mir gut, danke!

Я (варваром): Хорошо, но немного скучаю по 5.2.

Они: Скучаете?!

Я: Да. Там, конечно, покоя нет…

Они: Однозначно у нас много лучше, чем там. Там…

Я: …Зато много чего происходит. Есть на что посмотреть, за чем понаблюдать. Не соскучишься.

На этом разговор каждый раз обрывается.

В следующий раз я уже буду говорить: Es geht mir gut![69]

И они наверняка ответят мне: Prima!

Между нами стена непонимания. К чему её ломать?!

Тут же медбрат Мартин: Ты кто по специальности?

Я: Me-di-en-ge-stal-ter-bild-und-ton.[70]

Он: Wow! Macht bestimmt viel Spaß!?

Я: Ага, его только и делает, это удовольствие. На жизнь, увы, не заработать. Все всё хотят на халяву. Знаешь, есть такие английские слова: no-budget[71] и low-budget[72]? Работаешь (как папа Карло) и при этом сидишь на пособии по безработице. Думаешь-надеешься, что вот наберёшься таким образом опыта, наладишь контакты, научишься работать с клиентами… Все вокруг довольны твоей работой, но платить — денег нет… На подходе следующие выпускники телевизионных школ, которые готовы положить первый год себе на portfolio.[73]

Медбрат: Я обожаю этот твой русский выговор!

Блин, чего это я пустился на пустом месте в россказни?! Ага, из-за слова «шпасс»…

За окном летает военный самолёт, много раз подряд пролетая

над клиникой. Очень низко. Из-за рёва его мотора в сумраке вечера поднимается галдёж стаи воронов: кар-кар-кар! Он улетает, они замолкают. Затем всё заново. Это он летает над гнездом, а не я. Он — МакМёрфи. Я же в нём, в гнезде, сижу.

Поздний вечер. «И вот опять я собираюсь пойти потанце…» спать. Застаю на выходе следующую сценку. В комнате отдыха: Итальянец и Эльвира.

Итальянец: Дашь мне свой номер телефона?

Эльвира: Зачем это?

Итальянец: Ну, если кто-нибудь из нас выйдет… Чтобы не потерять контакта. Я тебе дам свой.

Эльвира: У меня это (выход из клиники) ещё продлится.

Итальянец: Ну, когда-то то мы все выйдем. Можно будет созвониться. Сходим друг к другу в гости.

Эльвира: Ха-ха-ха!

Итальянец (серьёзно): Что? Можем ведь…

Эльвира (видит, что отступать некуда): Да, хорошо.

До этого Итальянец, зайдя в комнату, сказал: Доброе утро!

Эльвира: Добрый вечер! Уже вечер.

Типичная оговорка для иностранцев. Но Итальянец здесь явно всю жизнь, говорит без акцента.

На следующий день чувствую ужасную слабость. Прошу смерить мне давление. 110 на 80. Нормальное. От чего мне так хреново? Сестра говорит, что надо больше пить и двигаться. Пью я достаточно. Двигаться? Да я, бывало, месяцами сидел на кровати с компьютером и ничего подобного. Разве что в глазах темнеет, когда встаёшь.

Моют полы в палатах каждый день. Опять русская уборщица. Галина. Сибирячка.

Она: А ты чего из Германии сбежал?

Я: Да от безработицы…

Она: А там что?

Я: А там …работица. Там, правда, другие проблемы. Там мне жить негде. Родители продали мою квартиру лет десять назад, за двенадцать тысяч долларов. Теперь такая стоит раз в десять больше. За эти деньги здесь в Германии можно было бы купить огромную и новую. Молодым семьям там очень тяжело. Снимать квартиру безумно дорого, купить невозможно. Почти вся зарплата на жильё уходит. Но это в моём случае ерунда. У меня просто проблемы с женой. С бывшей женой. На бумажке мы ещё женаты, но на деле два с лишним года как нет. Очень тяжело расстались.

Я без неё и детей не могу жи…

Она: Друзьями остаться не смогли?

Я: Я не смог… У неё почти что сразу появился другой человек. Это отрезало мне путь назад. Я очень сильно её люблю. Вернулся вот в Германию, чтобы на эту тему с ней поговорить. Теперь я здесь перед тобой.

Она: Ничего, ты ещё молодой!

Я: Молодой?!

Она: А сколько тебе лет?

Я: Да я тебя наверняка старше! Тебе сколько?

Она: Я первая спросила.

Я: Мне 36. А тебе?

Она: Мне 40.

Я: Моей «жене» тоже в этом году будет сорок.

Она: А ты моложе выглядишь.

Я: Я знаю. Меня уже спросил тут один пациент, не восемнадцать ли мне.

Она: Я бы тоже так сказала. Это же здОрово.

Я: Здорово?!

Она: Здорово, когда человек выглядит молодо.

Я: Когда твою жену спрашивают — а это не твой сын? а меня — это не твоя мать?..

Она: Да уж…

Я: То-то и оно. Мне-то пофиг, а вот Татьяне моей пофиг не было.

В комнату зашёл Царко (по-русски): По-русски говорим?

Галина: Ага. Понимаешь?

Царко лишь смеётся.

Я (Галине): Работа у вас тут непростая, у обслуживающего персонала.

Она: Да, лестница одна чего стоит.

Я: Нет, я другое имею в виду: туалет и душевую. Такого кошмара я даже в буйном 5.2 не видел.

Она: Ну, да. Здание уже старое.

Я: Да нет же, я не о ветоши, а о том, что стульчаки грязные…

Она: Ах, это! Да…

Я: …кругом что-то разлито, бумага разбросана, волосы везде… И это безумная свалка косметики чего стоит! Жуть, какие неряхи здесь живут.

Галина: Ну, ладно. Мы ещё поговорим. Пока!

На тумбочке у соседа всё тот же натюрморт, что и в первый день. Коричневая лампа. Словарь английского языка. Я каждый день проверяю, не сдвинулся ли он с места, нет, не сдвинулся, не

пользовался им сосед. Словарь чистый. Явно ни разу не перелистанный. Две обязательные бутылки с минералкой. Обе начатые. Царко иногда переливает содержимое одной в другую и несёт менять бутылку.

Зачем ему английский? Он как-то мне сказал, что знает около тридцати слов.

Коробок спичек.

Два с половиной часа длился мой первый разговор с лечащим врачом.

Фрау Брюнинг. Лет за сорок. Полная. Маленького роста. Подвижная. Лицо — тип из позапрошлого столетия — с таким можно играть в средневековых фильмах. Отличная мимика. Гримасничает. Энергичная. Шутливая. Короче, охотно и блестяще играет в Бабу Ягу.

Врач взяла чистый лист бумаги и сказала, что мы сейчас займёмся составлением генограммы. Рядом с ней её практикант Андреас Мюллер. Молодой симпатичный парень лет тридцати.

Вы, Алексей, абсолютно неклассифицируемы, начала она, вас сложно впихнуть в какие-то рамки, с вами всё очень непросто. Будем разбираться. [Я уже давно чувствую себя персонажем МакМёрфи здесь в клинике — пусть не весёлым, но обманщиком] В нижней части листа Din A4 появился квадратик. Рядом с ним моё имя: Alexey. Под ним дата моего рождения. От квадратика пошла ветка, которая раздвоилась к ещё одному квадратику — это папа, и кружочку — это мама. Как зовут, когда родились. Как правильно пишется имя? Да пишите, как слышите. Это же не важно. Кто мама по характеру? Склонна к депрессиям? Нет. Она сильный человек. Довольно жёсткая.

В комнату заходит брат Грегор. Подсаживается к нам. Теперь мы не трио, теперь мы — квартет.

Появился отчим. Когда? Я узнал о нём, когда мне было шесть лет.

Мама как-то между делом заикнулась, что он уже был, когда мне исполнилось лишь два годика. Они поженились официально лишь несколько лет назад и я, поздравляя их, попытался отсчитать количество прожитых ими лет… Тут мама и подсказала.

Какие отношения с отцом? Никаких. Я не знаю, то ли он не хочет со мной видеться, то ли ему запрещено. Он алкоголик, знаю я. [Из вспомнившегося позднее. Он дерётся, когда выпьет. Это я хорошо помню. Помню разбитую трёхлитровой банкой голову деда по отцовской линии, кровь залила тому всё лицо. Помню и прочие выходки отца. Например, как он ломился в дверь — в

комнату, в которой спряталась со мною мать. Мама просила меня плакать погромче. Его забирали в милицию. Однажды, вернувшись с улицы домой, мы застали его висящим на руках в лестничном проёме, держащимся за прутья перилл. Дед пытался его вытащить. Не смог. Отец-таки сорвался и упал вниз. С третьего этажа. Сломал ногу. Что стало причиной той его выходки мне неизвестно.]

Что с отцом сейчас? Он умер. Когда? Несколько лет назад. Я не помню. Откуда вы это узнали? Моя мама позвонила жене и сказала, чтобы я с ней срочно связался. Мол, отец умер и нужно очень быстро заявить права на его собственность. Папа жил уже долгие годы с женщиной, которой, как мне кажется, и должна была отойти квартира. Я не перезвонил. Мама, к счастью, этой темы больше не касалась.

Ветка к моему отцу перечёркивается двумя линиями. Тема закрыта.

Остаёмся с матерью и отчимом. Рисуем квадратик отчима. Как зовут, когда родился? Так-то, тогда-то. Какие с ним отношения? Никаких. Как это никаких? Вообще никаких. Я его в шесть лет не смог назвать отцом, дальше было только хуже. С чьей стороны было это неприятие? С обеих. Я ему был не нужен, он мне не нравился. Он — абсолютный эгоист. Почему тогда ваша мама живёт с ним? Она его любит. Они по-прежнему вместе? Да. И она его по-прежнему любит? Думаю, что да. Почему, как вы думаете, ваша мама рассталась с отцом? Не знаю. Возможно, ей захотелось попасть в более высокие слои общества, чем те, где она обитала с отцом. Приглянулась жизнь в high society.[74] Отчим был из него. У отчима был важный отец, бывший директор Адмиралтейского завода, бывший ректор ЛКИ. Большой человек на пенсии. Люксус-жильё, каменная дача, «волга», антикварный мусор, поездки за границу, связи. Он очень быстро смог организовать нам собственное жильё — двухкомнатную квартиру, правда, в спальном районе, в блочном доме. Но другие семьи ждут своего жилья десятилетиями. Есть шутка на эту тему: столько не живут. И вашей маме всего этого захотелось? High society в России в советский период — это несколько иная сфера, нежели сейчас. Тогда у этих людей был подпольный, но, тем не менее, доступ к мировой, да и к собственной underground-культуре. По рукам ходили запрещённые книги, фильмы, музыка и т. д. А бедные, значит, не могли себе этого купить? Дело не в деньгах. Мы сами богатыми никогда не были. Они просто могли не знать, что что-то существует помимо того, что продаётся в магазинах и показывается по телевизору. Таким образом, люди из высших слоев общества были более культурно развитыми, нежели

те, кто был из, так сказать, низов. И вашей маме это приглянулось? Не знаю. Мне бы точно. Но я не стал бы ломать семью лишь из-за этого. Думаю, что и она это сделала из-за любви к отчиму в первую очередь.

Она видела, что у вас с ним нет никакого контакта? Сложно было бы не заметить. И что? А ничего. Так и прожили всё время.

Кто отчим по специальности? Преподаватель в Корабелке. Хороший преподаватель, как вы думаете? Хороший. Он меня готовил к поступлению в институт по математике. Я сдал на пятёрку.

У него лет десять назад был инсульт, он теперь почти не работает. Пишет научную книженцию. Это всё на обострённом тщеславии. Он себя любит ужасно. Считает себя очень умным. Он и есть умный, но какой-то однополярный… Это бесполезный ум. Он — чисто механический. В нем нет ни капли духовности. Он дружит лишь с теми людьми, с кем выгодно дружить. Это ужасно! Но это меня не касается.

Вы говорите, что он — эгоист. Да. Гипертрофированный. Он словно шейх. Все вокруг должны его обслуживать. Он любит сладкие речи в свой адрес. Обслуживать — это в первую очередь, конечно же, моя мама. Мама при нём словно рабыня: изысканно и разнообразно готовить пищу, обстирывать, обхаживать… Вообще всё хозяйство на ней. Так было всегда? Да. А какое у неё у самой к этому отношение? Иногда злится, но в целом терпит. Как вы относились к этой связке — шейх-рабыня (врачу явно понравился мой жаргон) — вам было жалко мать в этой её роли? В детстве — не помню. Думаю, что да. Уже много лет прошло. Я не могу залезть в свою голову тридцатилетней давности. [Моё первое воспоминание из детства, которое осталось в памяти накрепко, — это короткая сценка, в которой я сижу на полу кухни и наблюдаю за смехом своих родителей. От их смеха мне очень уютно. На стене висит прибитая пачка «беломора» — символ того, что мой отец бросил курить.] А сейчас? А сейчас я испытываю чувство под названием «равнодушие». Теперь мне всё равно. Стало всё равно тут же, как только мы перестали жить вместе. Это ведь не моя жизнь. Я не чувствую себя к ней причастным. Это их выбор. В семье не было принято говорить на подобные темы. Упоминание отца было также табу.

То, что отчим эгоист — это ваше личное мнение или же других людей тоже? Конечно. Моя жена его хорошо знала, он пару раз приезжал к нам в гости. Тогда она становилась его рабыней. Родители жены его терпеть не могли. Да и от его личных друзей я о многом наслышан. Все всё прекрасно знают. У мамы недавно был День Рождения. Так друзья так и сыпали тосты

за её мужество. Мужество без кавычек. Мой скомканный тост был также об этом.

Вы его ненавидели когда-нибудь? Не знаю. Если да, то в детстве. Потом он мне был неинтересен и безразличен. Он чужой человек. Абсолютно чужой мне человек. Я просто жил с ним, как с соседом в коммуналке, вот и все. Он мне не нужен. Вообще нафиг не нужен. Если он завтра умрёт, я о нём никогда не вспомню. Оттого-то и ненависти никакой. У меня в памяти нет ни одного хорошего эпизода, связанного с ним. Думаю, что и он обо мне может сказать аналогично.

Он в своё время ненавидел мою бабушку, мама ненавидела свекровь. Весело жили. Его мать и моя бабушка даже не виделись ни разу. Дикость, да? Но я в этой дикости вырос. Для меня эта дикость таким образом стала нормой жизни. Мне часто говорилось, что все вокруг быдло, а я, мол, на отчима молиться должен, что благодаря его связям я не валяюсь под забором, а слушаю «Битлз» и умные книжки читаю.

От маминого кружочка рисуем веточки к квадратику деда и кружочку бабушки. Имена, даты рождения и смерти. Дат не помню. Какие отношения у них между собой? Плохие. Дед — алкоголик. Бабушка — трудоголик. Оба живут в поделённом доме в посёлке. С какого момента стали жить раздельно? Сколько себя помню, столько и жили. Всю мою жизнь, стало быть.

Вернёмся к вам. Здесь написано, что вы в подростковом возрасте уже пытались покончить собой. Да. Почему? Я не буду говорить об этом. Что вы сделали? Я попытался выпрыгнуть из окна. Вас удержали? Нет, я сам не смог. Что вас удержало? Я не знаю, просто не смог преодолеть себя. Не смог сигануть. Дураком был трусливым. Надо было смочь. Не надо было жалеть родителей. Я им не нужен был ни тогда, ни сейчас. Был ступор. Словно меня кто-то крепко держал. Может быть, ангел хранитель? Будто он меня обнял сзади и я даже дышать не мог. Я всё больше в него верю. А если бы вы выжили, что тогда? С четырнадцатого этажа на асфальт не выживают. [Вот, наверное, откуда способ моего предполагаемого самоубийства. Не повеситься, не порезать вены, не отравиться, а именно спрыгнуть. С 9-и лет я жил очень высоко.] Что было потом? Стал жить дальше.

[«Я выбираю жизнь, стоя на подоконнике».[75] А до этого было «…Я разбегусь — и с окна. Я верю — не будет больно, я помню, как это делать».[76] Помню, что во сне больно не было. И ещё: «А под звёздами на крыше тепло вполне. Может, сходим-погуляем, шагнём вперёд?»[77] С крыши с этой мы и шагнём. «Я полюбила Вас, стоя на подоконнике…»]

После школы пришлось поступить в Корабелку, чтобы не

залететь в армию. Мне там не нравилось, в институте. Я прогуливал. В результате не мог сдать экзамены. Не смог бы их также сдать, если бы не прогуливал. Я тупой, что касается технических дисциплин. Мне это неинтересно. Отчиму приходилось просить моих учителей, его коллег-преподавателей, ставить мне троечки, чтобы перейти на следующий семестр. Таким образом я добрался до третьего курса и бросил. Ненависть к институту сравнялось со страхом попасть в армию.

Потом мама сосватала меня в студию мультипликационного кино. Так я стал художником. Очень средненьким. На работе познакомился со своей будущей женой, куча друзей, с которыми, наконец-то, есть о чём поговорить, много общих тем (в институте у меня был лишь один друг), отличная работа, хорошие деньги, я там забыл о своей врождённой стеснительности. Жизнь началась. Я будто попал в рай. Я опять туда хочу.

Незадолго до этого я разругался с родителями. Да так, что они, один за другим, переехали жить в квартиру родителей отчима. Его отец уже давно умер. В той квартире жила лишь мать. Нет, с ней у меня никогда не было контакта. У русских вообще ненадёжны родовые связи. Где тонко, там тут же рвётся и так навсегда. Шумные столы лишь с друзьями. Друзья становятся настоящими родственниками. В отношении семьи отчима — там просто ничего не срослось. Все друг друга не любили.

Когда я остался один, я пригласил к себе свою бабушку. Она жила в доме, который надо постоянно отапливать дровами, без воды (воду таскать издалека), без туалета, без всего. А у меня была лишняя комната. Да я и дома почти не бывал. Дед остался в деревне квасить. Иногда ездил зимовать к сыну, к моему дяде.

Как выглядела семья вашей матери? У бабушки и деда было трое детей. Двое сыновей родились ещё до войны, мама после. Старший сын умер до моего рождения, либо в первый год после. Точно не помню. Я его знаю лишь по фотографии в чёрной рамке на стене у бабушки. Иногда бабушка ставила на шкаф еще одну фотографию, на которой он в гробу. Он был врач. Женат. Дочка. Вроде как, постарше меня. Помню, что ей не говорили, что он умер. Скрывали. И мне наказывали — не говорить. Мы были уже достаточно взрослые, чтобы справиться с подобным известием. Тем более, что прошла куча лет, как она его не видела. Второй брат матери был алкоголиком. Недавно умер. После бабушки. Женат. Сын на пару лет меня младше. Бабушка не любила жену сына, виня ту в его алкоголизме. Та не любила бабушку, т. к. считала, что она любит меня больше, чем её сына. Это было так? Да, это было так. Но я не знаю, в чём здесь причина. С братом я виделся лишь на каникулах в доме бабушки и деда. Не помню ни

одного раза, чтобы он был у меня в гостях. Я у него бывал. Наша семья — «высшее общество», его — из низов. Спускаться легче, чем подниматься. Родители — брат с сестрой — не общались. Не о чем было говорить друг с другом. Я всегда чувствовал себя — человеком из низов, знающим о полезностях высших слоев общества. По настоящему своим я не был ни там, ни здесь. Я был наблюдателем. Я никогда в детстве не делал выводов. Я лишь наблюдал. Наблюдал, например, как мама скрывала от бабушки, что она курит. Бабушка всё прекрасно знала. Глупо курильщику скрывать свой грех от некурящего человека. Нос в таких случаях не подводит. Мама упорно курила втихомолку.

Когда вы с Татьяной поженились? В 1994 году. Сколько времени вы уже жили вместе? Вместе мы жили лишь после свадьбы, а до этого лишь встречались. Два года. Как быстро у вас начались сексуальные отношения. Через пару месяцев. Т. е. сразу после того, как вы признались ей в любви? Типа того. Кто был инициатором свадьбы? Это была моя идея. Таня этого не хотела. Она меня не любила. Даже незадолго до свадьбы говорила, что, мол, не любит, и когда-то наша семья из-за этого разрушится. Готовься к этому. Так было сказано. Я к этому не успел подготовиться. И сейчас она очень любит об этом вспоминать. Я же тебе говорила, чего ты теперь от меня хочешь?! Вы это знали и, тем не менее, женились на ней? Да, ведь я любил. У меня тогда была первая депрессия из-за неё. А зачем ей это было нужно? Я хороший друг, был ей хорошим другом. Со мной весело, со мной интересно… Но по настоящему нас свела следующая история: у неё убежала собака, мы пса этого искали вместе. Что-то около девяти месяцев подряд. Я запомнил, т. к. кто-то из родственников тогда сказал, что за это время могли бы родить ребёнка. Почему она вас не любила? Просто не любила и всё. Откуда вы это знаете? Я это чувствовал, и она мне это говорила, я не буду повторяться. Никаких догадок? Я ей внешне не подходил. Ей нужен был настоящий мужчина, а я таковым никогда не был. Я всегда выглядел ужасно молодо, младше своих лет, был для некоторых людей очень женственным. В школе очень от этого страдал. Теперь это у меня тема для шуток. Вот. Недавно опять услышал сомнения одной дамы из 4.1 по поводу моего пола. Видать, волосы сильно отросли. Надо будет постричься. Я такой — вечный мальчик. Тане тогда многое во мне не нравилось: как я одеваюсь, как я питаюсь, не нравились подруги друзей… При этом у нас было собственное жильё, «диван и пылесос», любимая работа, много денег. Я уже работал в рекламе, там щедро платили. И она из-за этого выбрала вас в мужья? Вряд ли, она не корыстный человек. Просто я был как рак на безрыбье.

Ассистент: лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Да, именно так оно и было. Ей хотелось сбежать из дома — от родителей, от неизлечимо больного брата.

В качестве бонуса ко всем своим счастьям (любимой женщине, друзьям, работе, деньгам) через некоторое время я получил повестку в военкомат.

О! Это не подходит в вышеперечисленный список подарков свыше. Да это был противовес. И вы ушли в армию? Нет, зачем? Я стал скрываться. Не открывал дверь, когда ко мне приходили из военкомата, ночевал у будущей жены, у своих родителей… И так около года. И вас ни разу не поймали? Не проведали на работе? Нет. Это Россия. Правая рука не знает, что делает левая. [Потом я вспомню, как дурил службу социальной помощи и скажу, что здесь, в Германии обе руки также не ладят между собой.] И чем всё закончилось? В какой-то момент пришлось идти в военкомат и сказать, что у меня якобы больное сердце. Меня ещё от школы направляли на обследование, и с сердцем было действительно не всё в порядке. Военкомат отправил меня на проверку, которая никаких патологий не выявила. Родители организовали мне другую больницу. Там я пролежал жутко много времени, и врачи ничего не могли найти, за что можно было бы зацепиться и сделать фальшивое заключение. Пребывание там закончилось тем, что мне сделали тест на диабет. Я должен был выпить огромный стакан с порошком глюкозы и малым количеством воды. Чай я всегда пил без сахара, не любил сладкие жидкости. Такая масса сиропа меня чуть не убила. У меня брали пробу крови каждые четверть часа, и в результате я без приписок стал диабетиком. Вернее, я им не стал, но диагноз был — диабетик. Спасибо организму, что он на короткое время сошёл с ума и выдал ложный диагноз. С этой справкой я пошёл в военкомат. Там мне сказали, что в армию меня всё равно возьмут, только на облегченную должность, типа писаря. Пришлось моим родителям искать связи в военкомате. Они их нашли, и я был спасён. Больше об армии никогда не задумывался. Лишь стыдился, что не прошёл её «школу».

Однако когда начались эти проблемы, пришла закономерная мысль — уехать в эмиграцию. Мне с женой. У жены отец — еврей. Германия принимает еврейских переселенцев. Её родители сперва не хотели ехать. Но сказали нам, чтобы мы на всякий случай вписали и их имена в анкету. Вот. И пришло через год, когда моей армейской истории уже не суждено было случиться, приглашение. Добро пожаловать в Германию! Заграница тогда для большинства была сказкой — неким раем на земле. Но я к тому времени работал и хорошо зарабатывал. Особого желания

уезжать уже не было. Однако, функцию локомотива взяли на себя родители жены. Им вдруг захотелось. Дело в том, что у моей сестры есть брат. Он меня младше на пару лет. Он психически болен. Очень тяжело. Шизофрения и что-то ещё вдобавок. В последнее время тёща, отчаявшись получить помощь у врачей, начала таскаться с сыном по знахаркам. Ясное дело, это тоже не помогало. Германия стала идеей фикс. Там лучше, там помогут. В результате один еврей, мой тесть, увёз с собой в Германию русскую жену, двух русских детей и совсем русского меня, правнука четырёх Иванов. Бабушка и дедушка по маминой линии: Антонина Ивановна и Павел Иванович, по отцовской линии: Людмила Ивановна и Серафим Иванович. «Один еврей увёз в эмиграцию четырёх русских» звучит для Фрау Брюнинг забавно.

Врач делает пометки на своей (моей) генограмме. Карандашом. Говорит, что позже сделает её аккуратнее. Записывает она ужасно много. Столбики с информацией начинают напоминать наклоном пизанскую башню. Строчки просачиваются между многочисленными блоками, упираются друг в друга. Весь лист схож с планом военных действий. Мне обещают потом отдать его на память. [Забудут отдать. К теме генограммы мы больше не вернёмся].

Грегор извиняется и уходит. Ему явно стало скучно.

Когда это было? Ганновер '96. Что было дальше? А дальше мы стали искать здесь рай и не нашли его. Было, конечно, много хорошего, но основополагающие вещи оказались нам недоступными. Думалось, что язык выучится за полгода и тут же найдётся работа. Не выучился, не нашлась. Денег от пособия было достаточно, но как-то под завязку. Потом 3 года я отработал на берлинскую студию. Опять безработный. Пошёл учиться. Закончил телевизионную школу. После неё работал лишь «по-чёрному» или по другим специальностям. Вечно был недоволен собой, пытался выучиться чему-то, что, как казалось, будет востребовано на рынке рабочей силы. Бился с компьютером. Когда уставал от упражнений — занимался выматывающим хобби. Жене эти мои самообучения казались развлечениями.

У меня очень плохая память. Чтобы что-то запомнить, я должен сотни раз проехаться по теме, тогда я ей овладеваю. Соответственно жуткая трата времени. На то, что у некоторых уходят дни, у меня уходили месяцы.

Жену всё это бесило, т. к. все вокруг, вроде как, живут лучше нас. При этом она сама ничего не делает, не пытается даже найти какое-то призвание себе самой. Отговоркой на все случаи жизни были — дети и домашнее хозяйство. Но это лишь отговорки. Начали часто ссориться. Однажды она от своей злобы на меня

ударила ногой мой ноутбук, отчего его пришлось выбросить. Она неоднократно говорила мне, что ненавидит меня. Я считал, что это всё временные трудности. Потом Таня написала мне письмо, в котором просила меня уйти из семьи. Так будет лучше для неё и для детей, которым нужна здоровая мать. Я её, получалось, что так, делаю больной. Для меня это было ударом. За полтора месяца я похудел на 13 килограммов, появилась седина. Я пытался забыться в гулянках с друзьями, но это не помогало. Начал искать отдельное жильё. Через четыре месяца нашёл. Незадолго до этого мы как-то опять сошлись, простив друг другу, но это длилось недолго, я опять стал Татьяну раздражать. И ушел. Ждал — когда она позовёт обратно. Потом позже узнал от общих друзей, что она тоже думает, что мы скоро сойдёмся. И тут на сцену выходит красавец Торстен.

Фрау Брюнинг: О да!

Человек, вместе с которым она чувствует себя женщиной. Он старше её. Он наверняка работает, может себе многое позволить — красиво ухаживать, например. Я для Татьяны схожу со сцены. Меня больше нет. Она не против встречаться раз в неделю за обедом вместе с детьми, она не препятствует моему общению с ними, но на большее, чем на дружбу, мне больше не стоит надеяться. Мне ужасно больно. У меня уже непрекращающаяся депрессия. Но ведь дети любят вас, а не этого Торстена! У них друг с другом хорошие отношения. Как это? Откуда вы знаете? А из рассказов детей и их рисунков. Знаете, бывают такие: Мама, Сева, Настя, Торстен, взявшись за ручки. Да уж! Как зовут детей? Сева и Настя. Сколько им лет? Девять и семь.

Я некоторое время ещё общался с детьми, но это было очень больно. Ужасно больно отдавать их назад. Да и дети видели это моё состояние. Депрессию невозможно скрыть. Это верно. И начались недели, а потом и месяцы, когда мы не виделись. Татьяна жила в другом мире. Он уже с моим не пересекался. Пару раз я звонил ей, умолял «простить»… Я ей был уже совершенно не нужен, она тяготилось мной. Тогда я решил справиться с собой радикально. Но прежде мелькнула промежуточная фаза. Попасть в клинику? Нет. Уехать из Германии. Показать этим сумасшедшим шагом, как мне без Татьяны тяжело. Она восприняла это как должное. Мол, ему там полегчает. Накануне отъезда я сказал ей по телефону, что думал, что достучусь-таки до её сердца, что… Она в ответ, что мы об этом поговорим, но чуть позже. Ей сейчас нужен покой, она никого не хочет. Она никого не любит — ни меня, ни Торстена. Последнее утверждение, как я узнал позже, было ложью. Главное, мол, дети. И она должна разобраться с собой. Я уехал. Начал работать. Всё

было более-менее нормально. Очень трудно с родителями, но жить можно… Работа интересная. Хорошо платят. Хорошие люди. Но депрессия не уходит. Более того, она всё больше обостряется. Я постоянно натыкаюсь в Питере на места, связанные былой историей с моей женой. Это невыносимо. Ребята, мои коллеги, видят всё это, и им нелегко выдерживать меня, моё состояние… Я понимаю, что я им в тягость.

Вынырнув в зимнюю паузу на студии, я не знал, что делать. Понял, что всё, пришло время покончить с собой. Позвонил Тане, сказал об этом. В какой-то момент она начала говорить вещи, которые дали мне чёткую надежду, что она не против моего возвращения в семью, но ей стыдно перед окружающими за свое поведение все эти годы, она не знает, что делать, пытается отложить, говорит, что приедет на зимние каникулы, через месяц, в Питер, и мы поговорим. Я оживаю. Через неделю мои надежды гаснут. Я не верю. Я звоню вновь. Таня ничего не хочет слышать о моём возвращении. Всё сломано. Потом я узнаю, что она не приедет. Якобы из-за дороговизны билетов.

Из питерского письма.

Приехал домой. Ходил весь вечер взведённый. Не буду Таньке звонить, не буду… Не выдержал — позвонил.

Начал ей о горе о своём рассказывать. Не могу так дальше, в петлю лезу…

Она тут же быка за рога: а ты вспомни, каким ты был! я для тебя как мебель была! ты со мной ни разу в отпуск не съездил! … я всё одна!

И так раз за разом.

Я пытаюсь её остановить, подумать не о былых претензиях, а о том, что можно исправить, всё-таки два года прошло, уже на третий зашкалило.

Она ничего не слышит и давай опять по новой: я сейчас не готова, мне надо время, ты меня упрекал в том, что я одежду себе покупаю, мол, вон уже целый шкаф шмотья, ты мне то, ты мне это… я тебе нужна стала, только когда меня другой захотел…

Я о своем: люблю и иначе ничего не получается, а на Торстена твоего мне насрать, нет его для меня.

Таня: ты меня в розовых очках видишь, я стала не такая, как прежде…

Затем начинает ломаться: а как ты себе это представляешь? что ты так вот просто сюда приедешь? а что я всем скажу?!.

Я: для тебя что — важно, что об этом другие скажут?

Она: да! вот я такая… а ты всё со своим Лимоновым… я тебе не верю, я тебе больше не доверяю, ты меня предал (а мне всё

время казалось, что это она меня предала; но история пишется заново, то, что было в наших отношениях следствием, у Тани давно превратилось в причину, и я уже не берусь это оспаривать, легче самому в это поверить)… я не могу так просто… я тебе не верю.

Я: но другого выхода нет, это уже невыносимо всё стало…

Таня: что ты предлагаешь? что ты завтра приедешь? почему я теперь должна ломать свою жизнь, у меня всё настроилось, я теперь не просто мама какая-то, у меня есть дела… и для детей это будет стресс (!!!)

Я: а как мне быть?

Таня: а ты сам виноват, надо к врачу сходить (!!!) со своей депрессией.

Опять упрёки из прошлого. Начала плакать.

Говорит: у меня тоже депрессия, я из-за этого старая стала… Говорит, что приедет на каникулах в Питер с детьми, тогда и поговорим. Закончила: представляю, что ты мне за отпуск устроишь своими разговорами…

На этом и распрощались. 28 минут на нервах… Главное, что абсолютно не слушает, что ей говорят. Талдычит, словно наизусть вызубрила. Сплошные термины: негатив и т. п. Ни логики нет, ни чувств. Одна лишь агрессия и раздражение. Упрёк за упрёком. А ведь уже столько времени прошло. Как пробиться через эту стену, не знаю. Подхалимничать, подлизываться, со всем соглашаться?..

Я теперь вот о чём думаю: что ж, мне всех её подруг обзванивать, что ли, и у них позволения испрашивать: мол, не ругайте Татьяну, не смейтесь над ней по поводу моего эвентуального возвращения?!! Ерунда какая-то получается. А для Таньки это важно точно, я-то её знаю хорошо. Это всегда было большой проблемой у нас. Она могла меня возненавидеть лишь за то, что кто-то обо мне плохое сказал… При том, что будет говорить мне, что это глупый наговор, но при этом про себя соглашаться со сказанным и от этого переживать… Одна мама у неё чего стоит. Как скажет что-либо… А потом: а я что, а я ничего, вот если бы я того, то тогда бы это давно…

И ведь знает Танька, что мучаюсь ужасно, что уже на грани, что с ума по ней схожу, но ведь сама не позвонит, не позовёт: приезжай!

Тысячу раз ещё мордой тереть об асфальт будет, или вообще сделает вид, что разговора не было. Проходили нечто подобное до свадьбы. Скорей всего так и будет. Я тогда в ад попаду. Хотя я и так уже в нём… Тогда мне дальше — в ад-под (adPod). Пусть Apple подсуетится. Привет Стиву Джобсу!

Всё время думаю, как бы я на Танькином месте поступил. Но

у неё своё мировоззрение. И хэппи-энда не предвидится. Вроде родной ей человек, а такая ненависть ко мне. Великодушия — ноль. Сколько всяких гадостей наговорила, меня всего аж трясло опосля.

Продолжение генограммы.

У моей матери скоро юбилей. 60 лет. До этого я себя не убью. Надо продержаться до конца года. Мой друг Акрам приглашает к себе в гости на Новый Год в Берлин. Я думаю, что надо уехать и покончить с собой в Германии, причём так, чтобы меня не нашли, просто исчезнув… До этого хочется взглянуть в глаза жены. Параллельно пассивно думаю, что всё-таки вернусь, буду работать дальше. Параллельно также пассивно думаю, что зацеплюсь в Берлине, буду делать с другом кинишки, пускай на халяву, зато своё. Абстракции. В авиакассах не оказалось билетов вторым классом на Берлин. Я прошу посмотреть другие города. Перебираем десяток. Везде одна и та же история. Вдруг, есть билет на Ганновер! Лечу. Звоню с вокзала жене. Она очень удивлена и холодна со мной. Я уезжаю на поезде в Берлин. Во время празднования Нового Года у меня обостряется депрессия. Я вижу, что порчу всей компании праздник. На следующий день решаюсь написать Тане подробное письмо и отослать вместе со всеми письмами, что я написал из Питера своим друзьям в Германии. В них вся моя история. Со всеми этими моими кризами за тот период. Мой друг, спрашивает меня, не хочу ли я прокатиться в Ганновер на пару дней. У него там есть дела. Судьба. Я пишу Тане письмо, иначе я опять не смогу нужных слов при личной встрече. Едем. По дороге я понимаю, что должен уже сегодня вечером поговорить с Татьяной. Приезжаю, прошу прочитать сформулированные мысли. Она отказывается, пытается откложить на потом, но мне нужно сейчас и я читаю ей текст вслух. Говорим. Опять всё начинается с жуткого холода, затем слёзы, уступки, упрёки… Я могу пока пожить у неё. Дальше подумаем. На следующий день она уходит и присылает вместо себя свою маму. Та оскорбляет меня, я не остаюсь в долгу. Тёща уходит. Некоторое время спустя я звоню ей и извиняюсь. При этом не чувствую себя виноватым. Но не хочу, чтобы этот эпизод повлиял на Таню. Таня этот скандал понимает правильно, не осуждая меня, не выгораживая мать. Она мечется из одной стороны в другую: я должен уйти, у нас нет будущего; я должен снять жильё в соседнем доме и потихоньку налаживать с ней отношения, только так…

А что же Торстен? Я не знаю что с ним. Пара слухов, что они поссорились. Но мне в это слабо верится. В компьютере

натыкаюсь на их фотографии. Торстон с Таней. Рука Тани на его колене. По лесной тропинке идёт Торстен, держа за руку Севу и Настю. Я не пытаюсь выведывать, меня это унижает. Для меня Торстена вообще нет. Потом Таня начинает упрекать, что это я стал причиной их разлада, с этим её Торстеном, что ей было хорошо с ним… Было достаточно одного её слова, чтобы он поселился здесь у неё, но…

Мы не будем касаться желаний вашей жены. Вы — наш пациент, и мы говорим лишь о вас, о ваших желаниях. Хорошо. Накануне того, как я попал в лечебницу, мне прислал email отчим. В этом письме он обещал проклясть меня и моих детей, если я сейчас же не вернусь в Питер и не обговорю некоторые важные вещи со своей работодательницей. Она — его знакомая, это он просил её взять меня на работу. За пару дней до этого я позвонил в Питер и отказался от следующего проекта. Затем я сходил в Hausverwaltung[78] и взял договор на квартиру в соседнем доме. На следующий день в службе социальной помощи взял заявление на пособие по безработице… Я пытался хоть так, сдавая все позиции, бороться за то, что для меня жизненно важно. Дети были ужасно рады, что я опять с ними. А тут это письмо. Я ответил быстро и однозначно: прощайте! Но случилось худшее, отчим вдобавок к письму позвонил Тане и выдал ей свой ультиматум устно. Таня сказала, что умывает руки. Больше сострадания ко мне у неё нет. Всё. А раз всё, то я и ушёл. Она сказала, что позвонит в полицию. Я попрощался с дочкой и вышел. Успел пройти лишь несколько сотен метров, как был настигнут полицейской машиной. Да, полиция молниеносно среагировала! Слишком быстро…

Я: Уф! Мексиканская мыльная опера получилась.

Врач смеётся.

Врач: Почему вы не попытались найти замену своей жене?

Я: Я не пытался, но и не сопротивлялся. Но не нашлось. Я — однолюб. Девушки в меня не влюбляются. В результате — у меня никаких искушений по жизни. Почему — не знаю. Я, наверное, не произвожу на них впечатления, как мужчина. Я — эдакий вечный юнец. С другой стороны — их тоже заманивать нечем: денег у меня нет, постоянной работы нет, звёзд с неба не хватаю. Подвигов не совершал. Талантов нема.

Она начинает что-то говорить совсем не в тему: о том, что в Германии можно жить в достатке, даже будучи бедным (это точно), а оптически я могу не нравиться 99 женщинам из ста, но где-то ведь есть та — сотая. Я говорю, что не встречал. Мне тридцать шесть лет, и это для меня уже достаточно для того, чтобы сделать неутешительные выводы. Зацикливаемся на этой

теме. Она — о своём, я — о своём. Тупик.

Откладываем продолжение беседы до следующей недели. В следующий раз мы поговорим о самооценке.

Она благодарит меня за беседу, я — её. Заметно, что ей интересно распутывать мой клубок. Но его не распутать.

Интересно, что сказали друг другу врач и её практикант, когда я вышел и закрыл за собой дверь?! Что-нибудь типа того: Oh, Mann!!! И многозначительный обмен взглядами…

Спускаюсь на кухню. Там жёлтым пятном — пачка какао. Отлично! Кипячу воду, пью… Опять-таки смотрю на картину на стене. Симпатишная барышня. Вспоминаю фразу МакМёрфи, показывающего врачу одну из игральных карт с голой девицей: Не подскажете мне её адрес?!

Коротко о детстве

Об отце я мало что помню. Почти что ничего. В детстве у меня было одно единственное напоминание о нём. Солдатик. Солдатик, сделанный мне им. Я чётко помню, что он наколол его фигурку через иллюстрацию в книге к сказке «Огниво». На фанерке таким образом образовался контур из иголочных дырочек. Он соединил эти точки карандашом и выпилил лобзиком, затем приклеил тому подставку и раскрасил красками, поверху покрыл лаком. Очень качественно всё было выполнено. Я не помню того, чтобы я с солдатиком этим играл, вроде как нет, т. к. он был слишком большим (около 10 сантиметров) и ростом не вписывался в мою пластмассовую армию, однако, натыкаясь на него в сарае у бабушки, я тут же вспоминал об отце. Потом он потускнел из-за сырости и превратился в серую деревяшку. Будучи уже подростком, я пожалел о том, что не сохранил его, оставив его себе на память неким талисманом из детства. Перед отъездом в Германию, мне нужно было для оформления документов получить от отца справку, подтверждающую, что он не имеет ко мне никаких претензий, никаких нужд по уходу за ним. Мама дала мне его телефон, и я позвонил. Объяснил ситуацию. Он охотно согласился помочь. Мы встретились вновь через 19 лет. Я тут же назвал его папой. По отношению к нему это было для меня абсолютно естественным обращением. Некоторое время спустя, незадолго до отъезда, он приглашал меня и Таню к себе в гости. Больше мы не виделись. Я ни разу ему не позвонил из Германии. Я написал ему много писем, но не получил от него ни одного в ответ. Я почему-то думаю, что мои письма к нему не дошли… Я должен был позвонить.

Регулярные поездки к бабушке на выходные не были чистым жертвоприношением её одиночеству — я, с одной стороны, любил ездить, пускай и по одному и тому же пути, с другой — я убегал от родителей. У бабушки было уютнее.

Я обожал электрички, в них меня не так сильно укачивало, как в автобусе, и запах был приятнее. Я был влюблён в деревянные лакированные скамьи поездов, в творчество соскребания букв из текста «Места для пассажиров с детьми и инвалидов» с целью получения иного смысла. Я очень любил бывать на вокзале: покупать билет «до Рощино и обратно», слушать объявления по громкой связи, шататься по киоскам в ожидании своей электрички. Мне ужасно нравилось, когда в одном вагоне ехала компания молодых людей с гитарой, распевающих песни. Я с завистью смотрел на огромные корзины

грибников, выложивших для солидности белые грибы на самый верх. Литры черники и брусники. Зимой, это, конечно же, рыбаки со своими чемоданами и в жутких валенках. Мне очень нравилось быть самостоятельным и одиноким в это время. Я также кайфовал, если случалось сидеть рядом с симпатичной девушкой. У меня появлялись мурашки на коже от соприкосновения с ними. Я любил душный от табачного дыма тамбур.

Я любил ходить в кино. Обязательным десертом к фильмам был «Морской бой» в игральных автоматах. Я до сих пор помню звук подбитого корабля.

Будучи в гостях у родителей, я навспоминал много старых словечек из их семейного репертуара, всё то, что успешно забыл, уехав в Германию: голосить (голосовать), ерепениться (волноваться), казать (показывать по телевизору), туфта, фуфло, жратва, пьянка (вечеринка), книженция, газетёнка, хохма, трендеть (болтать), вертать (возвращать), квасить (пьянствовать), дурында, охламон, жучить, ущучить, забацать… Эти словечки, как запах в метро — моё ностальжи.

Главная беда моей жизни — моя память. Началось всё с того, что в школе я был не в состоянии учиться, т. к. ничего не мог толком запомнить. Учёба превращалась в пытку. Позднее это стало сказываться и на общении. Я не мог запоминать даже малую часть анекдотов, которые слышал, а значит, не мог их рассказывать. В компаниях я был стеснителен от того, что не знал о чём говорить. Ничего не приходило на ум.

Вспомнился учебник по психиатрии, который валялся у бабушки в каморке на даче. Учебник был огромный, с иллюстрациями. Скорей всего он принадлежал моему дяде, старшему сыну бабушки, который был врачом. Сейчас бы я его почитал с удовольствием.

Когда мы с родителями в восьмидесятом году перебрались из квартиры родителей отчима в своё собственное жильё, и я, будучи девятилетним, получил во владение свою собственную комнату, у меня начались ночные кошмары. Мне очень часто снилась какая-то ужасная чушь, от которой я просыпался и подолгу не мог успокоиться и уснуть. Ко всем этим ночным страхам прибавился страх наяву — оставаться одному в квартире. Родители часто оставляли меня, уходя на свои вечеринки. Возвращались они далеко за полночь, а с наступлением темноты у меня просыпалась паника. Сходить в туалет через тёмный коридор было адским испытанием. Мне во всех углах мерещились чудища. Иногда, добравшись таки до туалета, я подолгу застревал в нем, т. к. смелости на обратный путь не хватало. Часто я ходил по этому пути спиной к стене, целиком погружённый в панику.

Несколько раз, не совладав со страхом, я просто писал в темноту за окном. С четырнадцатого этажа…

Когда приходило время ложиться спать и выключать свет, я всегда ложился спиной к стене и подолгу не мог закрыть глаза. Я всегда был рад возвращению родителей. Когда я слышал скрежет ключей в замке, их традиционную после пьянок-гулянок ругань, у меня наступало состояние расслабления, и я засыпал.

Иногда мне грезились их голоса. Я пытался понять — проспал ли я их возвращение, задремав, — либо их ещё нет, и это лишь мои глюки.

Страхи эти перешли и на подростковый возраст. Мне начался сниться один и тот же сон, от которого мне было уж совсем не по себе. Каждый раз, проснувшись, я его забывал, чувствуя лишь шлейф. Иногда, когда я пытался его вспомнить, мне удавалось лишь дотронуться до его последствий на меня, но не до самой истории. Потом, годы спустя, всё прошло, и я больше никогда ничего не боялся и кошмарами не страдал. И вспомнилось мне это всё лишь сейчас…

Отделение А 3.1 (продолжение)

Закончив предыдущие строчки, я расслабился. Голова опустела.

На общем собрании неожиданно для самого себя я вызвался печь пирог с болтуном Томасом. Традиционный пирог для пятничного чаепития. Мне выдали листок с продуктами, которые были необходимы для выпечки. Рецепт выбирал Томас из кулинарной книги. Дали денег и сказали, куда идти закупаться. Go to Edeka.[79] Потратил всего 4 евро: банка с половинками персиков, шоколадный крем, мука и абрикосовое повидло. Все продукты, как было наказано, из серии «Gut und günstig»[80]. Яйца, маргарин, сахар у нас уже были. Командовал парадом Томас, я был на подхвате — подай патрон, так сказать. За час под контролем сестры мы состряпали целый противень — на всю нашу дружную семью. Получилось очень вкусно.

Ночью мне приснилась депрессия. Я проснулся с её ощущением и ходил с ним целый день, боясь, что она вот-вот вырвется из-под плёнки, которой накрыта. Эта плёнка так и ходит нервными волнами… Было такое ощущение. Это не образ. Образ: я словно на водяной кровати лежу. А вдруг лопнет?! И что тогда? К вечеру это видение испарилось.

На следующий день я проснулся и был уже весь в ней. Плёнка, видать, лопнула. Второй день с ней хожу, как обгаженный… Она какая-то хлипкая, типа капель поноса, но она есть.

Забавно, проходит время, и я перестаю замечать психические отклонения у своего окружения. Я привыкаю к поведению каждого из них, как впрочем, и к однобокости, зашоренности медперсонала, и это их поведение становится для меня нормой.

Уже не вызывает возмущения плевок на стене в туалете, три лобковых волоса на писсуаре и т. д. и т. п.

За обедом. Очнувшись от своих мыслей, слышу слова Арне, адресованные Шарлотте: С чего ты взяла, что я Ларс? Меня зовут Арне. Ар-нэ. Совсем на Ларса не похоже.

Шарлотта молчит.

Я: Ларс? Ларс был в 5.2. Ты его помнишь?

Шарлотта (безразлично): Да.

Я (Арне): Он был вождём, этот Ларс.

Арне: Индейцем?

Я: Да, настоящим индейцем. Большой такой, длинноволосый,

ходил по отделению босиком…

Мне хреново.

Начинаю писать. На следующий день у меня всё в порядке. Как это, чёрт побери, взаимосвязано?!

Сижу, слушаю «Зелёный концерт» Земфиры. Только что принёс его из интернета. Прописываю теги. Время от времени бросаю взгляд на соседа напротив. Классика. В той задумчивой позе, от которой мне каждый раз хочется взять в руки фотоаппарат, он сидит уже около часа. Иногда Царко закрывает лицо руками, затем отводит их, складывает вместе, смотрит на них. Поворачивает голову к окну. Пару раз я обращал внимание на то, как он приподнимает рукой тюль. Застывает в этой позе. Опускает руку. Земфира закончилась. Царко ложится, сложив руки на животе, смотрит в сторону шкафа, что у него в ногах.

Я почему-то вспоминаю свою бабушку. Вспоминаю минуты прощания с ней, когда уезжал в школьные годы в город по окончанию каникул. Она каждый раз говорила: «Вот ты сейчас уедешь, а на меня такая тоска навалится…» И плакала.

Из-за этого я часто приезжал к ней и на выходные. В субботу после уроков еду полчаса на автобусе до вокзала, затем час на поезде, двадцать минут пешком до дачи. Около двух часов в пути плюс время ожидания транспорта. В воскресенье под вечер в обратный путь домой…

Царко явно не по себе. Его надо отвлечь от раздумий каким-нибудь разговором. Но я не знаю, о чём с ним поговорить. Не об английском же языке. К словарю он так и не притронулся ни разу. Надо что-то ему сказать. Что именно не знаю. Спрашиваю: Что там у вас на Балканах происходит, в Косово?

Он (очень быстро): Не знаю. Не знаю. Война — это плохо. Новости не смотрю. Я уже много лет там не был. Не знаю, что там происходит.

Я вспоминаю, что сохранил у себя картинку из интернета, горькая юмореска: Learning Albanian for Dummies.[81] Рассматриваем её вдвоём, считываем шутки…

Грегор, моя Bezugsperson[82], спрашивает меня, всё ли у меня в порядке. Этим вопросом он застаёт меня с Шехерезадой на пути в столовую. Мы зависаем с ним рядом со входом в отделение. Отвечаю ему, что у меня всё в порядке. Пользуясь случаем, прошу у него шариковую ручку — сделать пометки к своему следующему письму. Нужно очистить таким образом воспалённую голову от новостей и всплывших воспоминаний, чтобы они не мешали чтению. Нужно расчистить площадку для

басен Шехерезады. В этот момент со скрипом приоткрывается входная дверь. Сперва наполовину, будто в неё кто-то решил лишь заглянуть, затем ещё чуть-чуть. Мы оба обернулись в её сторону.

Грегор: Что это?..

Я: Призраки.

Он подозрительно посмотрел на меня. Я стал шутить дальше.

Я: Не все их видят, к сожалению. Но есть те счастливцы, которым под силу…

Дверь опять-таки со скрипом и хлопком закрылась.

Я: Вот теперь не ясно — кто-то к нам зашёл или же от нас вышел?

Грегор бессилен въехать в мой юмор. Мы друг другу инопланетны.

Я беру у него ручку и иду письменно пылесосить свою голову — от этой истории в том числе.

На втором этаже, где я живу, в коридоре стоит шкаф. В нём — чистое постельное бельё и полотенца. На шкафу стоит ваза. Ваза — кочан капусты. Внутри фантик от конфеты: «Merci Petits. Herbe Sahne». Он уже был там с первого дня моего поселения в 3.1. Через неделю к тому фантику добавился второй — братец-близнец. Началась третья неделя. Я непроизвольно заглядываю внутрь. Считаю. Три. Вывод прост: кто-то ест по одной конфете в неделю. Это определённый ритуал. Нужно пожаловаться врачу или сказать уборщице. Из этого может получиться новая мини-история. Однако, чёрт знает, чем это может всё закончиться для меня.

Зависаю в фойе над листом с заказом пищи на следующую неделю. Над этими А и Б.

Сестра Андреа (проходя мимо): Не можете выбрать, что вам больше по вкусу?

Я: Да нет, я уже всё выбрал. Просто смотрю на свою комбинацию (АВВВААВ). Она ни с кем не пересеклась. У прочих пациентов другие формулы получились.

Сестра: Забавно!

На листочке — фамилии 18-и пациентов. У меня свой собственный вкус. Неповторимый. Я знаю — он у меня примитивный. 7 букв. Это сколько же комбинаций из них можно составить? Не могу сообразить. Отчаливаю.

Вечером на кухне. Сестра Зильке подходит ко мне и хватается за мою руку с чайником, готовым залить кипяток в чашку.

Свободной рукой снимаю с головы наушники.

Сестра (озабоченно): Вы, надеюсь, не кофе там готовите?!

Я: Нет.

Сестра: Стойте-стойте! Что у вас там?

Она заглядывает в кружку.

Я: У меня здесь какао. [вспоминаю запрет на кофе после 18-ти часов.] Какао-конзум.

Сестра: Зачем же вы его кипятком?!

Я: Да знаю я, что так неправильно. Нужно с молоком…

Она: Сейчас я достану вам молоко.

Я: Не надо, спасибо! Я с молоком ещё не научился. Мне так с кипятком с первого раза понравилось, так и дальше пью.

Она (доставая пачку молока из запертого шкафа): Попробуйте с молоком.

Как-нибудь в другой раз, думаю я.

Царко сменил свой режим. Теперь он ложится спать в 20:00. Зато спит пару часов днём. Мой компьютер предательски шумит вентилятором. Извини, Царко, но я уже привык к своему распорядку, а раз так, то ты меня должен понять…

Проснувшись, сосед сходил в душевую умыться, вернулся, сел посмотреть в окно.

Царко: Опять машина скорой помощи приехала.

Тут же вспоминаю, что несколько дней назад из окна кухни наблюдал прибытие нового пациента. Более месяца назад им был я. Двое санитаров в красных куртках вывели из машины мужчину и повели в здание пятого отделения. Я в тот знаменательный день тоже был в красной куртке. Впервые увидел эту сцену со стороны. В руке была чашка с горячим какао.

Дополняю комнате симметричность — сижу на кровати и держу в руке поднятую тюль. Напротив меня в аналогичной позе сосед.

Царко: Каждый день привозят. Несколько раз за день. Надо же, сколько же людей психически больны…

Я: Сейчас из машины выйдут два санитара и выведут наружу пациента.

Из машины действительно выходят два санитара. Они выводят женщину и сопровождают её внутрь здания. Одна и та же схема. По двое ведь с ума не сходят. «Вместе — только гриппом болеют».

Царко: Я уже полгода здесь и ровно две недели.

Я: Здесь не так уж и плохо, чем кажется тем, кто здесь ни разу не бывал.

Царко: Да. Я никогда столько не смеялся как здесь в

отделении. Никогда в жизни столько не смеялся. Казалось бы не место для смеха, но…

Это точно. Из курилки то и дело доносится общий смех. Я это хорошо знаю. Понаслышке, так сказать. Слышу, как они там все веселятся. Внутрь не захожу. Некогда.

Я: Верно. Здесь люди умеют веселиться. Они все выглядят беззаботными, приветливыми и весёлыми. Такое не часто встретишь снаружи.

Вспоминаю своё задание в «Карге», которое провалил. Дедушка-шеф попросил меня погулять по району и пофотографировать людей в округе. Люди должны быть разных национальностей, симпатичными и веселиться — то бишь радоваться жизни. Искать многонациональную публику в Линдене не составляет труда, т. к. там живут эмигранты более 100 национальностей. Найти симпатичных людей тоже не проблема. Проблема оказалась в их жизнерадостности. Я не сделал ни одной удачной фотографии, потратив несколько дней на этой фотоохоте. Пару из них со мной пробродил Акрам. Ему также хотелось немного покреативничать. Ничего из этой затеи не вышло. Ни одного счастливого лица, ни одной беззаботной улыбки, ни капли жизнелюбия во взглядах. Это был кошмар! Я этого прежде не замечал, а тут из-за случайного задания. Нет, ребята, вот в психиатрии я бы вам отщёлкал этот Lust zum Leben. [83]

Я: Я, получается, что так, за последние полгода пережил больше, нежели чем за всё десятилетие, проведённое в Германии. Столько всего произошло… Если не говорить о детях, то дня ото дня не отличить, года от года. Всё одно и тоже.

Начинаю в деталях рассказывать о побеге цыгана. Активно жестикулирую, показываю на оконных шторах, как мы их задёргивали, скрывая от глаз медперсонала взлом окна, прячу свою подушку под одеялом, как это сделал цыган, чтобы сымитировать своё спящее тело, барабаню по тумбочке, имитируя прыжок ребят и то, как они убегали. Развлекаю соседа разговором. Говорю напоследок, что одна у цыгана беда — его любимая девушка, которую ему пришлось покинуть здесь.

Царко: У меня есть знакомый. Он из Берлина. Хорошо зарабатывает. У него очень много денег было. Привёз себе невесту из Таиланда. Молодую совсем женщину. Два года жили вместе. Она всё время язык учила — ходила на курсы. Уже хорошо говорила. Deutsch Perfekt. Приятель мой однажды приходит домой. А все драгоценности, вся наличность — всё исчезло. С их общего счёта сняты все деньги. Очень много денег. Невеста улетела со всем этим добром к себе на родину и

скрылась. Такие вот женщины. Моя жена такая же. Все женщины такие. Всё равно, откуда они не появляются: из Африки, из Азии…

Ага, значит, не всё у него так гладко с женой, как он говорил раньше.

Моя Татьяна — другая. Она меня просто не любила никогда. Всё прочее — чепуха.

Потом он сказал, что у него есть свой собственный дом в Хорватии с видом на море. Огромный каменный дом. Там никто сейчас не живёт. Кто-то из родственников присматривает за ним. У него есть большой балкон. Когда на нём сидишь, то вдыхаешь запахи моря, говорит он. Раньше Царко ездил домой в отпуск. За этот дом дают двести тысяч евро, но он его не хочет продавать. Пусть остаётся детям и внукам.

Он всё ждёт денег на мебель. Уже месяц как ждёт. Никакого ответа от социальных служб.

Вот и поговорили.

Эльвира провела выходные у своей бабушки. Вернувшись, на вопрос Арнэ, как это было, она охотно ответила: Super! War Spitze![84]

Томас показал мне свой роман. В его написании он добрался до 37-й страницы. Он пишет на листах Din A4 шариковой ручкой. Все листы аккуратно подшиты в папку. Он прочёл мне длинный англоязычный заголовок, который я не смог запомнить, и подзаголовок, в котором был следующий смысл: «действие романа основано на реальных событиях и является моей автобиографией». Он будет продавать этот текст, когда закончит. На тридцати семи страницах разборчивого подчерка нет ни единой помарки. Его рукопись, как нотные листы у Моцарта, должна быть гениальной. Я спрашиваю его: Ты не делаешь поправок к тексту, не работаешь над его стилем?

Томас: Я пишу без ошибок. Весь текст у меня уже в голове.

Ага, как у Вольфи. Опять Форман тут как тут.

Галина принесла мне из дома симпатичные кроссовки, которые было купила сыну, но тот их забраковал, не модные. Теперь они мои. Спасибо тебе, Галя!

Вечером гулял по пешеходке, зашёл в книжный. На полке биографий заметил отлично изданную биографию Адольфа под лаконичным названием «Hitler»: суперобложка, твёрдый переплёт, с иллюстрациями, на хорошей бумаге. Более тысячи страниц. Написана Йоахимом Фестом в 1973 году. Цена явно занижена.

Тираж в издании не указан. Пропаганда!?. Целая стопка этой книги также в разделе «история». Купил. Будет чем разбавить Шехерезаду.

За обедом Арнэ назвал Царко в неведомой мне транскрипции — Чарко. Впервые услышал имя соседа произнесённым вслух.

Иду с чашкой какао в свою комнату. Впереди меня уже кто-то прошёл с кофе. Почти на каждой ступеньке по кофейной капле. В коридоре след обрывается.

В кочане капусты — в вазе — появился четвёртый фантик.

Я наконец-то нашёл свою госпожу Гнусен (мисс Рэтчед). Ту врачиху из «Кукушки». Она работает в отделении эрготерапии, куда я начал ходить клеить фотоальбомы, всякого рода папки и записные книжки. К счастью, мисс Рэтчед не моя воспитательница, мне досталась поприятнее. Нет, просто очень приятная фрау Дюллик. Но сегодня моя воспиталка была всё время в бегах, и когда наступила пауза, паузу эту объявила мисс Рэтчед. Мне оставалось сделать два надреза ножом, чтобы закончить очередную процедуру. Мисс Рэтчед попросила меня прекратить работу. Я сказал, что через пару секунд закончу. Она сказала, что пауза есть часть распорядка и её следует строго соблюдать. Я сделал первый надрез. В комнату зашла моя воспитательница. Пока я готовился к нанесению второго надреза «слоновой бумаге», мисс Рэтчед пожаловалась ей на меня. Фрау Дюллик начала было говорить, чтобы я прервался, но я сказал, что доделаю своё дело до конца, даже если это будет выглядеть маленькой революцией. Она сказала, что революций им устраивать не надо… Я сделал ножом последний чик и пошёл заваривать чай.

Во время паузы в то время, когда мисс Рэтчед вышла прочь, госпожа Дюллик, моя воспитательница, попросила по-человечески не нарушать распорядок, т. к. кое у кого аллергия на неповиновение. На это я ответил примирительно: В противном случае аллергия будет у меня… Ответить на это госпожа Дюллик не успела. В комнату вернулась ОНА.

После окончания работы мы традиционно садимся за стол и отчитываемся о проделанной работе за прошедший день и планах на день завтрашний. При этом я каждый раз чувствую себя ребёнком в детском саду и охотно играю в эту игру. Каждый раз начинаю отчёт с фразы: Меня зовут Алексей…

Под конец всех докладов мне было сказано, чтобы впредь я прекращал свою деятельность тут же, как только об этом будет

объявлено. Я должен планировать свою деятельность так, чтобы она не противоречила распорядку, установленному…

Я весь расцвёл внутри. Теперь у меня есть своя собственная мисс Рэтчед. Всё идёт так, как тому должно быть. Мисс неприятная на вид женщина, лет пятидесяти, с деревенским лицом. Если мой лечащий врач подходит на одну из главных ролей в историческом фильме о средневековье, то мадам Гнусен — одна из массовки. Меня это радует.

На очередном собрании пациентов шепелявая турчанка (Садальский в фильме «Место встречи изменить нельзя») спрашивает — нельзя ли купить на всё отделение боксёрский мешок для выделения в него скопившейся негативной энергии. У меня в голове опять образ из «Кукушки». Там был старик в инвалидном кресле, колотивший боксёрскую грушу своей клюкой.

Сестра Кноблаух говорит, что подобную просьбу можно удовлетворить, но есть правила, которых нам следует придерживаться, а именно — пользование боксёрским мешком возможно лишь в присутствии медперсонала.

После эрготерапии был на приёме у врачей. Главврач спросила в моём присутствии у лечащего, нужен ли мне Betreuer. [85] Я рассмеялся вслух, поставив главврача в глупое положение. Фрау Брюнниг поспешила сказать, что я большой интеллектуал и способен ухаживать за собой сам.

Про то, что я большой интеллектуал, я уже слышал от брата Грегора. Да, до чего ж занижены здесь планки, если я хожу в ранге интеллектуала?!

Главврач сказала, что наконец-то получила мою кардиограмму и её результат в полном порядке. Я начал вспоминать, когда же мне её делали. Ещё в 5.2. Прошло более месяца. ЭЭГ, значит, будет в марте. Нужно опять сдать кровь. Никакой спешки. Отложим до следующей недели. Morgen, morgen! Nur nicht heute! [86]

Пару часов спустя фрау Брюнинг пригласила меня к себе на беседу. На этот раз разговор получился бестолковый. Начали говорить о моих отношениях с женщинами, то есть об их отсутствии, но скатились на тему работы. Врач всё не могла понять, что такой человек, как я (хм, можно подумать!) не в состоянии найти себе соответствующую работу. Как объяснить ей, что в Германии такая фигня возможна?! Более того, что от отсутствия работы здесь страдает порядочное количество людей. Под занавес она сморозила ещё большую глупость: Вам нужно

попробовать себя в качестве актёра. Обратитесь в какой-нибудь театр. Они вас обязательно возьмут. У вас есть выраженные способности.

Она знакома с «Кукушкой»?..

Вчера я с трудом проснулся, пошёл в туалет. Почувствовал себя на горшке ужасно плохо и вернулся в палату, лёг. Сестра, пришедшая будить всех не спустившихся к завтраку, смерила мне давление: 70 на 90.

Отлежался и пошёл есть. В столовой собрались почти все пациенты. Я типа последний, завершающий, неожиданно бойко: Доброе утро!

Хор психов (полтора десятка глоток): Доброе утро, Алексей!

Спелись.

Заполняю карточку с меню на следующую неделю. Получается: ВВАААААА. Типа: Ба-а-а! Почти у всех остальных вышла БАБА: ВВААВВА, ВАААВВА, ВААВАААА, ВВАВВВА, ВАВАААА…

В душевой один из умывальников и полка перед ним усыпаны невообразимым количеством стриженых волос. 5—10 миллиметров длиной. Такое впечатление, что человека разорвало на куски, и это все его останки. Что-то такое из мультика «Monster Inc.», когда одного из монстров принудительно побрили. Только самого монстра на сцене нет. Сбежал.

В моей комнате на полу лежат два огромных состриженных ногтя. Опять Чарко начудил. Кругом сплошные сюрпризы для Галины.

Сегодня в клинике словно день открытых дверей. На улице на пути в своё отделение встречаю бывших соседей по 5.2.

Наркоман с блаженной улыбкой на лице. Проходит мимо, не взглянув на меня.

Здороваюсь с толстяком. Он: Grüß dich!

Агнесс — всё такая же безумная с жутко опухшим воспалённым лицом, синяками под глазами, словно избитая, кидается от одного прохожего к другому с просьбой о сигаретке.

Болтунья манерно курсирует поперёк моего пути в интернет-кафе. Всё также в тапочках.

«Танцующий» дядечка в кругу семьи.

Вождь стоит в группе психов, ответственных за чистоту территории клиники. В его руках — грабли, он держит их так же, как Вождь в «Кукушке» держал свою швабру. Почему он не сбривает свою бороду?

Александр, русский из отделения 5.2, идёт во хмелю с банкой

колы. Так делают все, у кого есть пристрастие к алкоголю, — наливают спиртное в «безопасную» тару.

По территории клиники развозят еду и бельё. Маленькие грузовые машины оранжевого цвета с прицепами. Прицепы маленькие, их цепляют к тягловой силе по три-четыре. Паровозиком. Мне эти повозки напоминают зоопарк. Не знаю — почему. Эдакая транспортировка мелких животных в клетках. А ещё — опять-таки не знаю почему — крематорий. Куча всяких аллюзий в давно нестриженной голове.

Томас предлагает напару испечь пирог к очередному пятничному распитию кофе всем отделением. Я без особого энтузиазма: Давай…

На этот раз идём в магазин за продуктами вместе. По пути Томас рассказывает, что он в некоторой степени наркоман. Марихуана, ЛСД, спид, кокаин… Говорит, что косячок куда больше пользы приносит, чем таблетки, которые он «на свободе» выбрасывает в мусор.

Он: Давай с тобой сразу договоримся, когда мимо нас кто-то проходит и позже в магазине — мы о клинике и наших этих делах, понял, не говорим?! Ясно?!

Я (Матильдой): Ok.

Под присмотром сестры печём второй свой кулинарный проект. На следующий день все нас опять-таки хвалят.

После кулинарной битвы Томас предлагает глянуть концерт «Faithless», у него есть DVD. Я не знаю этой команды, но соглашаюсь. Идём смотреть. 5 часов вечера. Впервые узнаю, что пользование телевизором разрешается лишь после шести. [Я уже много лет, как не смотрю телевизор. Как закончил телевизионную школу, так и перестал. Неинтересно стало.] Испрашиваем позволения нарушить это правило. Нам разрешают. Я запускаю запись. Она у Томаса, оказывается, одна из любимых. Он многократно сообщает мне одну и ту же информацию: где проходил концерт, в каком году, как зовут музыкантов. Затем спрашивает меня, понимаю ли я английский. Я говорю, что песенный — лишь эпизодически. Томас начинает синхронным переводчиком доносить до меня смысл песен.

По телевизору: I can't get no sleep…

Томас: I can't get no sleep. Я не может заснуть. Он никак не может заснуть.

Не спится, добавляю я про себя, бессонница у человека.

Это ужасно мешает и одновременно забавляет, т. к. говорит Томас очень быстро и успевает не только повторять оригинал, переводить банальные песенные фразы, но ещё и комментировать

их.

По телевизору: What's going on? What's going on?

Томас: What's going on? Что здесь, собственно, происходит?

При этом он каждый раз реагирует на приходящих в комнату отдыха пациентов, показывая им коробку от DVD, называя непосвящённым название группы плюс всю информацию, что я получил от него выше.

К группе зрителей подсаживается Чарко. Томас спрашивает его, понимает ли тот по-английски.

Чарко: Пару слов…

По телевизору: No roots, no tree, no family, no me.

Томас: No roots, no tree, no family, no me. Нет корней, нет дерева, нет семьи, нет меня самого.

На очереди Анэтте.

Томас: Анэтте, ты понимаешь по-английски?

Анэтте: Да…

Томас: Присаживайся. Это «Faithless». 2005-й год. Концерт в «Alexandra Palace», в Лондоне. Это крутой концерт! Присоединяйся!

Анэтте присаживается.

По телевизору: This is my church…

Томас: This is my church! Это моя церковь. Песня называется «God is a DJ». Там в одной из последних песен будет полуголая блондинка среди зрителей. Лишь в одном чёрном лифчике. Отпадная бабёнка!

Томас начинает перескакивать с песни на песню в поисках блондики, не находит, возвращается к предыдущим трекам. Концерт его поисками окончательно испорчен. Через какое-то время в кадре действительно мелькает та самая блондинка в чёрном лифчике. Кадр длится менее секунды.

Томас: Ты видел! Вы видели её! Классная тёлка!

По телевизору: I miss you like a lock in the door.

Томас: I miss you like a lock in the door. Ты нужна мне как двери замок. Ха-ха! Это значит, что она ему нафиг не нужна. Ха-ха-ха!..

На эрготерапии я научился делать книги. Это до ужаса просто.

Под конец трёхчасового рабочего дня за завершающим производственный процесс отчётным кругом подробно докладываю: Сегодня закончилась моя первая неделя в рамках эрготерапии. Сегодня были завершены два фотоальбома (большой и маленький), папка для документов ещё спит под прессом и ждёт прокола в себе четырёх дырок, а также натягивания через них

резинки. Большую книжку я уже закончил, она также должна пролежать до понедельника под прессом. Маленькую книжку я доделать не успел, оставил её на столе. С ней придётся повозиться на следующей неделе пару-тройку минут…

Вспоминаю о письме отчима. Перечитываю его:

СПб., 14.01.08.
Алеша, привет и с Новым Годом!

Ты обязательно должен в ближайшее время (до окончания срока действия твоего загранпаспорта) приехать в СПб., даже если ты решил остаться, жить в семье и работать в Германии, по нескольким причинам:

1. Необходимо в личной беседе разобраться с Адой Семеновной. У нее, как я понял, имелись некие перспективные планы по поводу твоей работы. Некрасиво подставлять человека, который помог тебе в трудную минуту. Подставлять ее и подставлять меня, ибо я давал ей некоторые гарантии за тебя. И не надо ставить себя в идиотское положение и выглядеть дураком, пытаясь обсудить эту тему с ней по телефону, ибо по телефону такие дела здравомыслящими людьми не решаются.

2. Забрать вещи и деньги. Разбрасывать заработанные деньги (независимо от их размера) — ужасно бездарное занятие. И надо думать не только о том, нужны они тебе или нет. Это — херня и жуткий эгоизм. У тебя есть дети.

3. И вообще, что это за херня, думать только о себе? Почему тебе насрать на нас? Что мы тебе плохого сделали? Когда тебе хреново, ты бросаешься к нам, и мы тебе помогаем в меру своих сил. Потом у тебя меняются настроение и планы («семь пятниц на неделе»), и мы уже и на хер тебе не нужны. Нельзя же быть таким говном.

В общем так, если ты кладешь болт на доводы разума и не приезжаешь, то мы отвечаем взаимностью, выраженную следующим образом: Дорога тебе и твоим детям в наш дом закрыта! Нам это тяжело, но другого способа воздействия на тебя мы не видим.

Мы также намерены в этом случае прервать с тобой всяческие контакты. По меньшей мере, я больше этот вопрос не намерен обсуждать. Мне очевидна абсолютная правильность моей позиции и тупость и недальновидность твоих доводов, и не охота тратить время на ее доказательства всяким мудакам (чего метать бисер перед «свиньями»). Попрошу маму занять такую же жесткую позицию. Она уже и так на грани инфаркта. И детей своих можешь

довести до психо- и нервных болезней. Нельзя же быть таким мудилой и такой бессердечной сукой.

Извини за резкость, но ты ее заслужил.

В последний раз надеемся на остатки у тебя разума и принятие нашей позиции.

Сообщай заранее дату своего приезда.

Привет Севке, Насте, а также А.Меркель и всем членам бундестага: Л.Е. и Т.П.

…по нескольким причинам: 1. 2. 3…

Это он любит. Ещё у него в этих письмах-поучениях случаются и более сложные структуры. Начинаются они с римских цифр, размножаются арабскими, разветвляются буквами: a), b), c)… Сплошные житейские формулы. В бонус-треках записываются шуточки-прибауточки. Не моё. Мы опять-таки инопланетны друг другу. Охотно «прерываю с ним всяческие контакты». Рано или поздно оно должно было бы случиться. Надо было сделать это в подростковом возрасте.

Немного жалко маму, и сильно стыдно перед Адой Семёновной.

Эльвиру не заберут назад домой к бабушке. Её ждёт дом престарелых. Она уже была в одном из хаймов[87] в ознакомительных целях… Через месяц там освободится место для неё. Делает вид, что рада предстоящему переселению. Но я вижу людей насквозь и знаю, что это лишь временный самообман. Она, как и я хочет быть в семье, а не где-либо в другом месте. Пациенты спрашивают её, где находится хайм. Она говорит — на Bahnstraße.[88] Никто этой улицы не знает, спрашивают в каком районе. Эльвира не знает, запомнила лишь название улицы.

В отличие от Эльвиры у меня есть друзья, есть дела, которыми я занимаюсь… Всё это я начинаю ценить больше и больше, но… Но меня тоже в семью не заберут. Переселяться же на Bahnstraße или миллион других улиц Европы не имеет для меня никакого смысла. Никакой выгоды от этого. Пусть остаётся по-прежнему Adolf Hitler Straße. Мы много смеялись над Дедушкой, теперь пришло время посмеяться для него… Что-то происходит с Германией.

Вечером перед началом чтения. Оставляю «Хитлера» и словарь в столовой, иду готовить какао. Возвращаюсь. На пути обращаю внимание на цвета книжек. Биография Адольфа красная, словарь жёлтый… Не хватает чёрного цвета. Долго думаю, что же могло бы дополнить германский триколор. Додумываюсь до

чёрной библии…

Чарко (заходя в комнату): Смотри!

Я поворачиваю к нему голову. Чарко побрит наголо. Теперь уж точно вылитый зека.

Я: Круто!

Мне нужно будет тоже об этом подумать. Ещё бы робу арестантскую раздобыть. С номером. На моём ключе от шкафа выбита цифра 4023. А то, блин, словно в санатории живу. Все вежливые, кормят хорошо, комнаты безупречные, каждый день полы моют, бельё постельное и полотенца каждую неделю новые, на экстренный случай — запас в коридоре в шкафу, врачи беседами развлекают… All inclusive. Господи, что за рай, ёлки-палки! Расслабляет. Забываешь работать над собой.

Сосед поворачивается к шкафу, складывая в него бритву и сумочку с предметами личной гигиены. На его затылке — десяток клочков несостриженных волос. Видать, сам брился, вслепую. Я говорю ему, что нужно ещё поработать над своей причёской с тыльной её части. Идем с ним в душевую, помогаю ему избавиться от сохранившейся поросли. Он меня на голову выше. Т. е. мои 1,85 плюс его голова, получается, что за два метра.

Пару часов спустя застаю соседа склонившимся над раскрытым словарём. В руках — огромное увеличительное стекло. На среднем пальце правой руки замечаю обручальное кольцо. Вслух, запинаясь, он читает всё подряд, произнося английские слова в немецкой транскрипции. Это чтение продолжалось минут пять. Затем видение исчезает…

Flashback. Года четыре назад Таня перестала носить обручальное кольцо. Меня это сильно задело. Я снял своё и положил в коробочку с Таниными драгоценностями. Как это теперь выглядит символично!..

На кухне.

Эльвира (мне): Ты на выходные домой поедешь?

Я: Нет, здесь останусь. У меня нет дома.

Она: Шутишь?

Я: Нет, Эльвира, это не шутка. У меня нет своего дома. Я здесь живу.

Она: Не может такого быть!..

Может быть оно и так, но в том «моём» доме меня не ждут. Там, в том желанном мне доме, в голове любимого человека зреет лишь одна надежда: Врачи смогут помочь ему разговорами…

Ага, помогут. Скоро с их посылки буду актёром больших и

малых театров…

Перечитывая своё прибытие в А5.2, я решил разузнать, что же значит эта буква «А» перед номером отделения. Одна из сестёр охотно объяснила: «А» значит Allgemeinpsychiatrie[89], т. е. пациенты от 18 до 55 лет. Подростковая психиатрия обозначается буквой «J» (J für Jugend). Отделения для пациентов старше 55 лет помечены, вроде как, буквой «G»… Забываю спросить, что значит эта «Гэ», т. к. цепляюсь за цифру 55. Эделе 56, деду Розенбергеру 56, Чарко 56… Не удивлюсь, если и Ралуке столько же. А они все приземлились в «А».

Мирко: Алексей опять на кухне и опять что-то там ест.

Я (с набитым булкой и джемом ртом): Угу…

Мирко: Используешь рай на все сто?! Хочешь набрать в весе?

Я: Нет, у меня другая цель. Мне необходимо съесть как можно больше, чтобы не было искушения у тех, у кого в нашем отделении есть проблемы с весом. А именно четыре известные тебе персоны. Мне обилие пищи не вредит. Разве что надоедает всё это в себя совать… и жевать-жевать…

Мирко: Wirklich sympatisch! Ты ужасно приятный человек!

Я: Ага, я герой… (дальше про себя) Советского Союза в тылу вр…

За стеной плачет Эльвира. Рыдает. Что-то неразборчивое говорит в телефонную трубку своей бабушке. (Ja, Oma! Nein, Oma![90]) Я надеваю наушники. У меня нет желания подслушивать. Мне нужно разбираться со своей жизнью. У меня у самого ничего не клеится. Пленка, отделяющая меня от депрессии, истончается. Я всё чаще думаю о ней.

— Gute Nacht!

— Danke schön und gute Nacht![91]

«Спасибо» это, видать, Чарко мне за то сказал, что я вечером ухожу из комнаты, оставляя его в покое.

В этот вечер на пути в столовую я впервые задумываюсь о том, что, по сути дела, узурпировал нашу комнату. Я целыми днями нахожусь в ней и это, возможно, является некоторой проблемой для Чарко, пусть он и молчит о ней. Мне часто хочется побыть одному, но ему-то ведь тоже.

Ага, в столовой есть две розетки, высоко на стене. Надо будет во второй половине дня перебираться сюда. Здесь всё равно никого не бывает.

Завтра в нашем мусорном ведре Галина найдёт классическую икебану от Чарко: три сине-жёлтых пакета от печенья (пятница-суббота-воскресенье) и шесть синих пачек от сигарет марки «Basic» (за тот же период). Сигареты Чарко хранит в железном чехле с торсом индейца в профиль и надписью «Natural American Spirit».

Из этих наблюдений я делаю следующее заключение: Чарко выкуривает по две пачки сигарет в день; съедает по 300 г. печенья; ежедневно в течение одной минуты сидит в позе тоскующего зека; четверть часа уделяет чтению своего словаря (теперь, правда, не в голос, а лишь шевеля губами)…

О себе: сижу всё свободное время на кровати с компьютером, что-то там с ним делаю, параллельно с его же помощью слушаю музыку; на час в день ухожу в интернет-кафе; вечером с 20:00 до 22:00 читаю бумажные книжки…

В последнее время я научился-таки писать на бумаге. Мысли, не вылитые из сознания в письменной форме, мешают сосредоточиться на чтении. В результате научился малым количеством слов записывать важнейшее, отчего позже легко будет отталкиваться при восстановлении всего эпизода. Забавно, что сперва я письменно стартую разборчивым печатным почерком, затем сбиваюсь на более небрежный, под конец теряю разборчивость и уступаю место скорости. В конце концов, листок с заметками мутирует от одного почерка в совершенно другой. Неизменными остаются только чернила.

Читаю. Мимо проходит Итальянец. В мою сторону: Alexey, der Schrecklicher!..[92]

Я: Yo.

Рассказываю Галине историю цыгана. Под конец прошу разведать что-либо о последствиях побега.

Несколько дней спустя.

Галина: Я расспросила уборщицу из 5.2 насчёт твоего цыгана.

Я: Ну и?!

Она: Он там. Лежит пластом в коридоре под усиленным наблюдением.

Я: Да ты что!

Она: Ага! Говорят, что он убежал, а его тут же на территории клиники полиция схапала.

Я: Не может такого быть! Его пропажу заметили лишь 5–6 часов спустя. Тут несостыковочка. Такого быть не может…

Она: Значит — слухи. Та уборщица говорит, что его теперь в

курилку сразу несколько санитаров сопровождают, как рецидивиста, а потом к кровати привязывают. Лежит он там всё время в коридоре.

Я: Разведай мне ещё чего-нибудь о нём. Уж больно интересно. Я о нём хочу рассказ написать.

Она: Ты уж лучше о любви напиши.

Я: В любовь я больше не верю. Нет её. Разузнаешь о цыгане, хорошо?!.

Интернет-кафе

Из питерских писем друзьям.

Интернет-кафе. Они здесь пользуются у населения популярностью отнюдь не из-за самого интернета, и даже не из-за кофе или чего-то там съестного, а благодаря компьютерным играм. Подростки приходят сюда лишь с одной целью, поиграть друг с другом. В последнее время стало сложно найти свободное место среди этой тотальной битвы. В моем доме есть интернет-кафе, и в нём 40 столов, но они почти всегда все заняты. Стоимость одного часа в интернете — 50 рублей (2 доллара, скорость лишь в несколько раз быстрее модемной), за локальные игры — 25 рублей. И мало того, что детвора здесь играет, так они ещё орут как сумасшедшие и сквернословят как сапожники. В помещении очень жарко, душно, шумно и матерно. Серьёзное испытание для моих нервов. Хотя я всегда ужасно спешу надаунлоудиться за час, что не так уж, чтобы всё это непрерывно слышу. Забываюсь, конечно, забываюсь в сёрфинге…

Каждый раз среди этого бедлама есть пара ребят, которые без всяких комплексов смотрят порнуху, разве что не дрочат тут же. Порнуха странная вещь. Такое ощущение, что это какой-то вид спорта. Никакой нежности, никакой ласки, только туда-сюда, так или эдак.

С порнухой в интернете у меня была хорошая история в Берлине. Акрам уехал работать в Билефельд, а я остался у него дома на неделю один. Каждый день ходил в интернет-кафе. И однажды наблюдал такую сценку. Сижу, копаюсь в сети, и слышу храп. Поворачиваюсь. Компьютерный зальчик, где я сижу, пуст и лишь в паре метров от меня сидит боком ко мне огромный мужик. Огромный и жутко толстый. Бородатый. С лысиной. Представьте себе классического байкера. Типа того. Только одет не в кожу. Рядом стоит куча туго набитых полотняных мешков. Штук шесть. Мужик, сидя в кресле и откинув голову назад, спит. Спит и всё громче храпит. На сальные волосы надеты здоровенные наушники. Оценив по достоинству этого пеннера, я уже было хотел повернуться к своей плантации, но тут меня привлекло то, что творилось на мониторе моего соседа. Там шло убойное порно. На весь 17-и-дюймовый экран. Хуи да пёзды. Меня это рассмешило слегка, и я стал время от времени поворачиваться и смотреть, нет, не на его экран, а на самого чувака. Он был интереснее. Да мне и на баб голых смотреть-то не положено. Чего душу травить?! Я ждал его реакции. Он изредка просыпался, слегка открывал глаза, без каких-либо эмоций смотрел этими

щёлками на экран, бессмысленно двигал рукой, в которой была зажата мышка, и вновь засыпал. На этом история не заканчивается. Некоторое время спустя в нашу комнату зашла женщина с дочкой лет десяти. Женщина села почти что вплотную к мужику и углубилась в свой интернет. Дочка сидела подальше, тоже что-то там на своём компьютере разыскивая, и постоянно бегала к матери, что-то спрашивая у неё или о чём-то ей рассказывая. Я же цинично ждал момента, когда же, когда же, мать, а лучше бы дитя, глянут на экран чудика и что из этого получится. Но этого не случилось… История остаётся недописанной. Можно напридумывать. Но из меня фантазёр никакой.

Вспомнилась мне и ещё одна порнушная история. На этот раз из Ганновера. Сижу в интернет-кафе. Восемь мест и все заняты. Сижу в последнем ряду. Закончив сёрфинг, вынимаю свою флэшку из компьютера (хм!) и невольно бросаю взгляд на монитор соседа. Там порно. Подумаешь! Встаю. Вижу перед собой спины впередисидящих мужиков. Их шесть. С моим соседом семь. Семь мужиков перед семью экранами, на каждом из которых текут реки спермы. Оргия. Где в эту минуту был мой фотоаппарат?!.

Отделение 3.1 (продолжение)

Очередное объявление в душевой:

Das ist mein
privates Handtuch!
Ich möchte darum
bitten, dieses nicht
zu benutzen!
Frenzel,
Thomas[93]

Явный клиент нашего заведения, т. е. вылитый клоун, стоит на вокзале и, коверкая свою речь под деревенщину, громогласным голосом рекламирует:

ГАСТРОЛИ ЛУЧШЕГО В ЕВРОПЕ БРОДЯЧЕГО ЦИРКА! СПЕШИТЕ ПОСЕТИТЬ ЕДИНСТВЕННОЕ В СВОЁМ РОДЕ ЗРЕЛИЩЕ! ЛУЧШЕ ТОЛЬКО РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦИРК. НО ЭТО УЖЕ НЕ ЕВРОПА!..

Народ, проходя мимо него, шарахается в сторону. Некоторые с сочувственной улыбкой глядят, стоя в стороне.

Мужик заводит свою шарманку заново: ГАСТРОЛИ…

Я сажусь в поезд и еду в Кёльн. В Дортмунде меня встретит Акрам, и мы поедем на тачке его друга дальше. В Кёльне у нас назначена встреча в киношколе.

Впервые побывал в Кёльнском соборе. Потрясающее строение снаружи и ничего особенного внутри. Стада туристов. Молилась лишь одна женщина. Все прочие фотографируют… Ни капли церковной атмосферы. Дух сбрит под ноль.

Будучи проездом в Дортмунде, ищу в «Сатурне»[94] DVD с «Кукушкой». Навязчивая идея. Спрашиваю у молодого продавца, не найдёт ли он мне этот фильм у себя в компьютере. Времени на самостоятельный поиск нет. Что за фильм? «Einer flog über das Kuckucksnest».[95] Вон там, в углу лежит серия «Best picture».[96] Этот фильм там точно есть. Надо же, удивляюсь, знает своё дело этот парнишка. «Кукушка» стоит столько же, сколько и биография фюрера: 9,90€.

В очередной раз замечаю, что мне становится не по себе, когда вижу рекламу мультфильмов на улице. Голова изъявляет желание сходить с детьми в кино. Эти мысли словно пробоины в моём корабле, плывущему по морю депрессии. Не знаю, как к ним

привыкать.

Домой едем на попутке. За рулём молодой парень лет двадцати пяти. Я сижу рядом с ним. На заднем сидении две женщины и Акрам. Женщины и водитель спорят между собой на тему био-продуктов. Спор переходит на образование. От апатичного студенчества — к повышению оплаты за обучение — тема разговора сменяется национализмом.

Водитель (молодой девушке): Стоп-стоп! Надо определиться в толковании национализма.

Девушка: Это очень просто. Государственный нацизм — это когда я безнаказанно могу позволить себе говорить лозунги типа: «Ausländer raus!»[97] Национализм — это когда мне, немке, неприятно, что на территории Германии в магазинах появляются продавцы, обслуживающие, к примеру, турецких покупателей на турецком языке, чтобы у последних не было нужды трудиться над изучением языка страны, в которой они проживают.

Национальная тема приземлилась на так называемую «неинтегрируемость» большинства иностранцев в немецком обществе, о гетто — районах с повышенным населением эмигрантов. Вопрос, в основе которого, конечно же, нежелание иностранцами учить здешний язык, становится во главу стола. Водитель делится своим мнением на этот счёт, сказав что, если иностранец не учит язык и таким образом оказывается недоступным для интеграции, то таковых надо высылать из страны.

Водитель (неожиданно, мне): Ты откуда? Русский?

Я: Да.

Быстро же он меня…

Он: Что ты думаешь об этом?

Я: Об интеграции? Сложная тема.

В то время, когда я сюда приехал, было не так уж и просто мотаться по миру. Имею в виду россиян и в какой-то степени весь восточный блок. В советское время за рубеж было вообще не выбраться. Ездили единицы. В результате по многим причинам у нас там сложилось впечатление, что заграница — Европа и Америка — это почти что рай на земле и туда нужно стремиться. Была такая расхожая байка: Жизнь нужно прожить ТАМ, чтобы не было стыдно за годы прожитые ЗДЕСЬ.

И вот мы находим способ вырваться из своей страны, получаем разрешение приехать сюда — в нашем случае — в Германию. Herzlich Willkommen nach Deutschland![98] Ворота распахиваются. В ожидании чуда мы заходим внутрь. Приезжаем-то мы сюда, как правило, с абсолютно наивным чёрно-белым

представлением о мире: там, мол, позади — ад, а здесь, впереди — получается, что рай. Приезжаем и начинаем его, этот рай, искать. И знаешь, не находим…

Не назвать же раем отличные дороги (показываю на автобан, по которому мы мчимся)?! К этому быстро привыкаешь и более не замечаешь. А вот к отсутствию работы и соответственному ему низкому уровню жизни, к непризнанию образования и стажу работы, вывезенных с родины, к статусу эмигранта, которому тут, как оказывается, не особо-то и рады, привыкнуть не просто. Как свыкнуться с мыслью, что язык-то немецкий у большинства никогда не сбудется? Не то, что не станет родным, но даже не приблизится к нему, застряв на анекдотическом уровне: «Ich nichts verstehen. Ich Ausländer»?[99] Здесь вдруг оказывается, что далеко не все мы способны к изучению иностранных языков. И что тогда с нами делать? Высылать за эту провинность из страны? В том числе и тех, кто десятилетиями этот язык упорно учит, но каждый раз безрезультатно? И что, их теперь, как не заслуживших доверия, депортировать?!

Он: Да, это точно — не все могут. Но я знаю одну русскую — она сама учила и очень хорошо говорит…

Я: Когда сам — самоучкой — это исключение. Таких людей единицы. Я же говорю куда глобальнее.

Об исключениях, конечно, тоже можно поговорить. Я знал нескольких людей заучивших наизусть целые словари и свод правил немецкого языка. Бывают и такие мастера. Но у этих людей при всём при этом — полное отсутствие понимания разговорной речи. Когда они открывают рот — то это нечто. Переизбыток в одном сказывается на недостатке в другом. Всё вроде как грамматически правильно, но то не есть немецкий язык. Так немцы не разговаривают. Их речь сродни компьютерным переводчикам — общий смысл бывает понятен, но сама речь — ни в какие ворота не лезет. Что толку от этих самоучек?!

[Вспоминаю своё первое общение с карманным переводчиком. Набрал первую пришедшую на ум фразу «I love you». Перевод был следующим: «Амур вам».]

Ты вообще знаешь, что такое курсы немецкого языка? Это когда ты, иностранец, ещё не успеваешь сориентироваться в новой жизни, наслушаться языка, набраться слухового опыта, а тебя уже пихают на эту фикцию, мол, нечего сидеть на социальном пособии, — якобы прохлаждаться — начинаем интеграцию немедленно. Ты входишь в класс, а в классе том сидят 20 русских. У всех один и тот же словарный запас, вывезенный с родины, — два десятка слов из фильмов о войне:

Hände hoch! Heil Hitler! Parteigenosse. Sturmgruppenbahnführer. Nicht schießen! Danke schön! Bitte schön!

Он: Ха-ха-ха!

Я: И на каком языке, как ты думаешь, они там общаются целый день?

Он: По-русски, ясное дело…

Я: Ну и?!. А как язык учить, если у тебя сплошные искушения потрепаться по-своему. Ты же ничего ещё здесь не знаешь, у тебя сплошные непонятки. Люди в первые месяцы пытаются обжиться — ищут мебель и прочую чепуху, устаканиваются. Делают зачастую всё неправильно, но откуда им знать как правильно, ежели никто толком-то не помогает. Вот и трендят они друг с другом об этих бесконечных «что», «где» да «как». Им ещё не до языка.

Имея словарный запас в дюжину слов, о многом не разговоришься. А ещё, знаешь, первое время наружу рвётся школьный английский. Каждый раз, когда не знаешь слово, вставляешь либо английское, либо пытаешься перековеркать русское на немецкий лад.

В результате — после курсов — эмигранты ничего толком по-немецки не понимают, а о том, чтобы начать говорить и речь не идёт.

И ещё, думаешь, нам там хорошие учителя достаются? Неа-а-а. Бывают профи, но об исключениях мы договорились не говорить. По результатам курсов легко судить, какие там учителя. Экзамены — профанация. У меня в сертификате стояло 80 % понимаю, 70 % могу донести. Я к тому моменту был лишь девятый месяц в Германии. Я тогда совсем мало что понимал, а говорил и того меньше. Ich spreche mangelhaft Deutsch.[100] Милые приятные барышни, эти преподаватели на курсах, но понятие учитель им не присвоить.

В школах этих есть программа. Программа — учебники — говно. В костёр их! Если учитель в начале урока просит открыть учебник, это уже значит для меня, что он не учитель. Почитай-ка сам эти учебники! Тоска сплошная! У тебя тут же интерес к языку пропадёт. Прочтёшь что-нибудь наподобие: Herr Müller wohnt in einem Haus. Er ist verheiratet und hat zwei Kinder.[101] Ну, и далее в том же духе. И что? Пойдёшь ты с этими знаниями на улицу, поймаешь носителя языка, скажешь ему: Простите за навязчивость! Можно с вами поговорить? Попрактиковаться, так сказать, в языке. Вот вы знаете, например, что господин Мюллер живёт в доме?..

Он: Ха-ха!

Я: Скучно, да?! От скуки устаёшь очень быстро. Не

усваиваешь материал. Не за что зацепиться. А ведь каждый день на уроке — новая тема. Беспощадный конвейер. На занятиях — тоска сплошная. Сидишь, в носу ковыряешься. А курсы длятся всего-то полгода.

Он: Да, это мало…

Я: Полгода сплошной чепухи, во время которой голова забивается всем этим бесполезным языковым мусором. Хаос полнейший. Пользы — ноль. Потом — всё, поезд ушёл. Смерть твоим мыльным пузырям — за короткое время освоить язык. А куда без языка?! Дорога в то же самое гетто. От того недовольство. Ну, и пошло, и поехало.

Я одно время был безработным и решил, прожив к тому моменту в Германии что-то около восьми лет, пойти на курсы, подшлифовать свой немецкий: окончания прилагательных, плюсквамперфект… Попал опять-таки в группу из одних выходцев из Союза. Они были все ещё совсем свежими — от нескольких месяцев до полугода в Германии. Смотрели на меня — бывалого — как на идиота-бездельника. Как же так — столько лет здесь, а пошёл на курсы?! Безработный к тому же. Мы-то не лыком шитые, сейчас за полгода-год выучим язык, тут же найдём себе работу — мы же все работоспособные, с опытом. И вот проходит время курсов — а они всё там же, где и были. Ни бэ, ни мэ.

И ведь все они смеялись там, на родине над кавказцами, что иногда коверкают русский язык, а сами-то здесь где? — в ещё худшем положении!

А знаешь, как, собственно, возникают гетто?

Он: Ну…

Я: Живёт себе, поживает дом с немцами. Кто-то решает съехать на другую квартиру. В доме, ясное дело, освобождается жильё. Поселяется иностранец. На лестнице, к примеру, благодаря новому поселенцу появляется обувь. Для него это нормально, он так у себя в Турции привык — в квартиру босиком заходить. Иностранцы ведь и выглядят иначе, и пахнут иначе, и звучат иначе… И не всем ведь коренным это нравится. Можно понять. Кто-то тут же съезжает из-за этой, казалось бы, мелочи. Тут же заселяется ещё одна семья иностранцев. Те, например, слушают свою идиотскую музыку, причём громко, забывают соблюдать режим. Немцы съезжают один за другим. Бегут прочь. В результате какой-нибудь немец в поисках квартиры, наученный опытом, подойдя к этому дому и увидев список жильцов со всеми этими нечитабельными фамилиями, лишается всякого желания снимать здесь себе квартиру. Вот тут-то и образовалось маленькое гетто. Кто в этом виноват?.. Ясное дело — и те, и другие.

Он: Но русские в общей своей массе, я не говорю об образованных русских, они невыносимы, все эти их разборки, конфликты, подпольная продажа сигарет, наркотиков, которую они под себя подмяли повсеместно, и прочее в том же духе. Их, видите ли, нельзя критиковать. Они, понимаешь ли, не выносят критики. В ответ на неё тут же слышишь обвинения в фашизме. Сколько раз уже такое было!

Я: Да, это херня. Но здесь надо русских различать. Их существует три вида. Первый — это так называемые Spätaussiedler.[102]

Он: Псевдо-немцы!

Я: Хорошо, что ты это сказал. Есть ещё у вас и похлеще присказка: «Стали немцами, увидев немецкую овчарку вдалеке».[103] Смотри, для тебя — немца-немца — они «псевдо». Там, в Союзе их фашистами обзывают, не знаю, правда, за что. Они обижаются и валят сюда, якобы на родину. И там их, получается, не особо любят и здесь не жалуют. И что им остаётся? Большинство из них — родом из деревень. Т. е. крестьяне. Приезжая сюда, им на земле работать не доводится, приходится ломать свой уклад и заниматься чем-то иным…

Он: Но почему мы должны их финансировать? Мы не в силах прекратить этот поток!

Я: Э, нет! Вот они-то все как раз работают. У них, у большинства, чёткие обтекаемые требования к жизни: построить дом, купить как можно более солидную тачку и что-то там по мелочи. На выходных, правда, — вывезенные из России подвиги по распитию водки. Шок для коренных немцев. Этого не отнимешь. Я подобного уклада здесь навидался. Было дело, снимал свадьбы, много разговаривал на эту тему.

Они, я считаю, большие умницы — в отличие от русских-русских — крепко держатся семьями. Кланы разрастаются в сотни человек. Твой дальний родственник становится твоим близким другом. Все друг другу помогают взаимно. Это здорово. Но это в Германии также шаг в сторону гетто. На этих свадьбах, что мне доводилось документировать, я редко встречал немцев-немцев. Приятели-немцы-немцы этих вот псевдо-немцев приезжают в лучшем случае в церковь к венчанию. Поздравляют новобрачных и извиняются за ужасную занятость в этот день, на невозможность прибыть на празднование. Меня бы это оскорбило. Выглядят эти страхи у немцев перед свадебными пьянками русских ужасно. Дикость своеобразная. И каждый раз одна и та же история. Расхождения в традициях.

Он: Да, меня всегда удивляло — почему русские женщины так обильно красятся, это же выглядит ужасно.

Я: Ха-ха-ха! А русские говорят между собой: какие же немки бесцветные, неухоженные. Да, это отличный пример в расхождении взглядов.

У русских, кстати, в общей своей массе ужасный вкус к интерьеру. Цветные обои, на этих обоях висит цветастый ковёр, ещё один — на полу, линолеум, как правило, тоже не однотонный, кресла-диваны опять-таки в цветах, халат на хозяйке из того же репертуара; ко всему этому можно добавить и картины, и искусственные цветы, и вазочки, и миллион прочего житейского сора. С таким вот багажом мы приезжаем сюда и шокируемся однотонными обоями. У меня вообще складывается такое впечатление, что мы набрались худшего что с запада, что с востока.

Да, о видах эмигрантов из бывших советских республик! Второй вид из них — это еврейская эмиграция. Евреев принимали до последнего времени на правах беженцев. Что, по-твоему, есть беженец?

Он: Человек бегущий от войны…

Я: И вот эти, не убежавшие от войны, евреи регулярно ездят на родину навестить родственников да друзей. Не кажется ли тебе это несколько странным, лицемерным?.. Причём с обеих сторон.

Он: Я считаю, что беженцы, все эти выходцы из бывшей Югославии, в случае прекращения войны должны возвращаться в свои страны в независимости от их на то желания.

Я: Тут не всё так просто. Если ты бежал от войны, если ты к тому же навидался смерти, в том числе смертей своих родных, отведал всего этого ужаса, то хочется ли тебе оказаться в тех же местах, где каждый угол залит кровью — где вечное напоминание? Кому хочется такого повторного опыта? Ведь война может разгореться вновь. И что тогда?.. Жить в вечном страхе? Нежелание этих людей покидать убежище вполне понятно.

Он: Но беженцы не имеют права работать в Германии. Зачем им оставаться?.. Почему я должен оплачивать их содержание со своих налогов?

Я: А ты посмотри на это и с другой стороны. Ты сам беженец, к примеру. Ждёшь окончания войны. Ждёшь годами. Раз ты беженец, то интегрировать тебя не надо, да?! И нафига тогда им тоже язык учить? Получается так, что делать тебе здесь собственно и нечего. Ты не только не работаешь, но также и не учишься, т. к. за твою учёбу никто платить не станет. С какой стати?! И вот сидишь ты целыми днями, месяцами, годами покорно в своём жилище. И не возникает у тебя никаких там желаний пожить по-человечески? Ты, немец, казалось бы, помог

этому беженцу, приютив его. Но человек деградирует при отсутствии перспектив и мотивации. Зачем спасать людей, если благодаря тебе они становятся бездельниками? И это в лучшем случае. В худшем — часть этих людей уходит в криминал.

А есть ещё и такие истории. Гражданская война в одной из африканских стран. Ведётся уже второй десяток лет. В общежитии для беженцев живёт семья: мужчина и женщина. Чем им заняться, если они здесь вроде бы как временно?

Он: Ну…

Я: Не ну, а они там то и дело детей строгают. Уже штук пять за это время нарожали. И родились эти детишки здесь, в Германии. Говорят по-немецки так же, как ты. Понятие родины ассоциируется лишь с Германией. Африки они в глаза не видели. Всё, что составляет их жизнь, — всё прожито здесь. Их тела выращены на немецкой пище, на немецкой земле. Дети — способные, умные, воспитанные, талантливые, красивые. И тут приходит известие. Затяжные бои в республике закончены. Войне конец, а значит… собирайте свои шмотки, уважаемая семья, и leben Sie wohl[104]…

[Вспоминаю семинар в «Карге» по проблемам, связанным с эмиграцией в Германии. Говорили о том, что люди необразованные не имеют никакого шанса получить здесь работу. Одна из участниц сказала, что она-то вот талантливая, инициативная и всё в этом духе, а всё равно безработная. Читающая лекцию женщина сказала, что подобных случаев статистика не учитывает, они, мол, эпизодичны. Большинство эмигрантов, получалось, — бесталанны и безынициативны.]

Он: Если они родились в Германии, у них должно быть немецкое гражданство.

Я: Должно быть, но его нет. Мы не Штатах. Мои дети тоже родились в Германии, но немецкое гражданство им не дали. В 18 лет они должны будут решить: либо оставить себе русское, либо отказаться от него и получить немецкое. Но у моей семьи неограниченный ауфентхальт.[105] Мы — не беженцы. Мы из другой истории. Мы же сейчас говорим о беженцах.

И вот эту африканскую семью высылают на хрен прочь, вместо того, чтобы этих съинтегрированных от рождения детишек себе да и припасти. Ни фига подобного. Германия словно робот. Всех под одну планку.

Есть ещё трётья струя эмиграции из Союза. Это так называемые примазавшиеся. Типа меня. Члены семей. Не немцы-переселенцы и не евреи. Эмигранты прочих национальностей. Их здесь тоже до фига. Перебрались они сюда благодаря тем самым бракам, либо купленным документам. Здесь с ними тоже ничего

не поделаешь. Приходится мириться. Есть лишь одно противодействие: думать и придумывать выходы из создавшегося положения. Придумывать неординарные ходы. Выгодные для обеих сторон. Однако этого не происходит и остаётся лишь ждать смену поколений. Дети иностранцев поголовно говорят по-немецки. Более того, они охотнее говорят именно на немецком. Это уже совсем другая проблема — проблема для родителей, желающих общаться с детьми на родном языке.

Но дети вырастают, и приходит время, когда им их немецкие одноклассники по поводу или без повода напоминают об их происхождении, или даже о происхождении их родителей, а то и в лицо бросают: Kanake![106] Тут происходит мощнейшее отторжение иностранцев от Германии. Нет, они не уезжают от обиды в свои страны назад. Они начинают группироваться по национальному признаку. Русские компании, русские клубы, русские дискотеки и т. д. Иностранцы начинают презирать немцев за их закрытое общество, за эту их geschlossene Gesellschaft.

Примечательным был пару лет назад футбольный кубок в Германии. Тогда иностранцы, живущие здесь, страстно желали поражения германской команде. Своеобразное проявление своей обиды за эту твою неинтеграцию. За неспособность общества к их интеграции. Ты понимаешь, о чём я?

Он: Да, я знаю…

Я: Все мы думали о том, что пусть чёрт, леший выиграет, только бы не немцы. Это было отвратительное зеркало для Германии, но оно говорило о многом, обо всех этих проблемах, которые никто в обществе решать не хочет. Это не политические проблемы, а в большей степени общественные. Но немцы проглотили это дело и о нём ни слова…

Вот смотри, сколько в Германии безработных?!

Водитель называет раза в два заниженную цифру.

Я: Почему бы не организовать что-нибудь неординарное, например, немцы, сидящие на пособии, проводят пару-тройку часов в день с иностранцами, слабо владеющими немецким? Вытаскивая тех самых в своё общество. Активно помогая.

Он: Хорошая идея.

Я: А что толку?! Кто этим занимается? Никто. Это же не так просто — найти людей, подходящих друг другу, свести их между собой. Куда легче загнать двадцать русских в класс какой-нибудь школы, оплатить им курс и забыть о них на полгода.

Он: Да уж…

Я: Да немецкому обществу просто насрать на иностранцев. Оно от них откупается пособиями, но не помогает. Я за десять лет ни разу не получил именно помощи.

Знаешь, те самые беженцы сидят здесь годами. Как ты правильно заметил, работать они не имеют права, учиться тоже. Что им остаётся?

Он: Проблема не с людьми из образованных слоёв общества, а с этими безбашенными.

Я: А с безбашенными ты уже ничего не сделаешь. Однако, брать к себе образованных, отсеивая тем самым людей из низших слоёв — это, как мне кажется, очень цинично. Это уже сегрегация.

Но тут, безусловно, во всей этой истории и с нашей эмигрантской стороны много чего негативного привозится, чего уж скрывать. Купленные дипломы, водительские права, скрытый капитал, склонность к криминалу… Германия на этом уже обожглась и ищет противоядия.

Приехали.

Я (выйдя из машины): Тебя как зовут?

Он: Маркус.

Я: Меня Алексей.

Он: Распространённое среди русских имя.

Я: Ага. У русских вообще мало имён. В школьных классах всегда есть имена, повторяющиеся раза по три-четыре. В Германии с подобным сталкиваешься редко. Это здорово.

Он: Алексей, это что-то греческое, не совсем русское.

Я: Совершенно верно.

Он: Было интересно с тобой поговорить.

Я: Мне с тобой тоже.

По сути дела я болтал один. Словно проповедовал. Завёлся вполоборота. Зато быстро приехали! Два с лишним часа пролетели как четверть часа.

Мелькнула мысль спросить: А я, как, по-твоему, Маркус, съинтегрированный иностранец или же нет?

Но, зная ответ, не стал задавать вопрос.

Неа, Маркус. Ты ошибаешься. Я — нет. Уже 12 лет здесь живу, да и с языком вроде всё как всё в относительном порядке, друзей-приятелей среди немцев — куча, а тем не менее…

Один мой знакомый, встречаясь с проблемами в Германии, каждый раз с намеренно жутким акцентом выдавал: Ай ляйк Джёрмани фери мач![107]

Пишу предыдущую сценку. Стук в дверь. Заглядывает Итальянец:

Алексей, у тебя есть стиральный порошок?

Я: Нет.

Он: У Джарко тоже нет? Не знаешь?

Я: Не знаю.

Итальянец уходит, оставив в моей голове новую транскрипцию имени соседа: Джарко. Надо же?! Царко, Зарко, Чарко, Джарко…

Посмотрел купленную недавно «Кукушку». Десятки совпадений. Самое мощное — молодой врач из больницы — вылитый русский, что был дежурным врачом в тот вечер, когда я поступил в отделение 5.2. Тот же тип лица, та же мимика, те же нелепые усики. Только чуть моложе.

Билли — это, конечно же, Мирко. Двадцати двух лет отроду. Молодой, стеснительный, влюблённый в женский пол. Я постоянно застаю его обнимающимся с девчонками. Они в этих объятиях стоят по четверть часа. Мирко даже к Эльвире неравнодушен. Однажды слышал такое:

Мирко: Эльвира, я в тебя влюблён!

Эльвира: О-о-о! Да ты что!

Мирко: Ich hab' dich so lieb![108] Не знаю почему.

Прочитал на табличке при входе в помещение эрготерапии фамилию мисс Рэтчэд: Кастен-Хайтманн. Кастен — коробка. Хайтманн для меня звучит словно Хэйтман.[109] Вот она откуда, её аллергия на непослушание.

Ну, и, конечно же, сцена, в которой речь идёт о добровольном нахождении в больнице, что так поразила МакМёрфи. Здесь, в 3.1, все, вроде как, тоже без принуждения, но просто так покинуть клинику они не в состоянии.

В фильме не понравились лишь две вещи. Первая: оранжевая кровь из покончившего с собой Билли. Вторая: Отсутствие следов удушения на шее мисс Рэтчэд.

Ездил в соседнюю деревушку делать томограмму. Прочитал в сопроводительной бумаге — подозрение на Herdbefund. Не знаю, что это за фигня. Какой-то очаг.

По дороге видел тот самолёт, что ежедневно кружит над Вуншдорфом, в частности, над нашим гнездом. На этот раз он завис неподвижно над мини-аэропортом. Я впервые разглядел на его крыльях пропеллеры. Надо же, такой огромный самолёт, а может висеть в воздухе без движения, как вертолёт. Как это возможно?! Галлюцинация?..

На приёме у врача.

Фрау Брюнинг. Социальный работник — фрау Миннихь. Брат Грегор.

Как получилось так, что вы не застрахованы?

Объясняю: Решил уехать из Германии, везде сообщил об этом:

в бюро по трудоустройству, платившем мне пособие по безработице, в службе регистрации, сдал квартиру, закрыл счёт в банке. Расплатился со всеми долгами и уехал. В Германию вернулся, имея перед собой три вероятные цели: провести отпуск у друга и вернуться в Питер; повидаться с Таней и по результату разговора с ней либо покончить с собой, либо начать совместную жизнь. Взял за день до поступления в клинику анкету на пособие по безработице, т. к. жена посчитала вероятным нашу совместную жизнь через некоторое время, до которого мне было бы лучше пока пожить где-нибудь поблизости.

Социальный работник: Почему вы до сих пор не встали на учет в службе занятости?

Я: Простите?! Вы же сами отправляли мои бумаги.

Она: Я?! Что я сделала?

Я: Вы дали мне анкету, которую я заполнил и отдал вам. Вы её отослали. Разве не так?!

Она: Ах, да! Да…

Я: Но ответа до сих пор не последовало.

Она: Да, ответа нет.

Я: Тогда какие претензии могут быть ко мне?!

Она: Как вы представляете себе свою дальнейшую жизнь?

Я: Никак.

Она: Как это — никак? Мы же должны знать, чем и как мы можем быть вам полезными. Вы же не можете проводить всё время за своим компьютером…

Грегор: …за чтением.

Улыбка с моей стороны.

Врач: Почему вы так зациклены на своей бывшей жене? Почему вы упорно отказываетесь взять себе другую женщину? Ту, которая будет вас любить?

Она действительно не понимает, что подобные вопросы в мой адрес звучат нелепо.

Я: Я не отказываюсь, я таковой не встречаю.

Врач: Я не вижу этих попыток.

Я: Где, здесь?! Я всегда работал в больших коллективах, всегда был дружен с большим количеством девчонок, но из этого ни разу не родилось ни одной мысли в данном направлении. Я не влюблялся, и в меня не влюблялись. Я не слепой. Мы уже говорили на эту тему.

Социальный работник: Вас по-прежнему мучает депрессия?

Я: Да, в какой-то степени, да. Иногда это довольно слабое чувство, иногда, например, когда вижу рекламу мультфильмов на улице, очень сильное.

Она:???

Я: Всё оттого, что у меня тут же появляется желание сходить с детьми в кино, но я понимаю, что не смогу.

Она: Ваша жена запрещает вам общение с детьми?

Я: Да нет же. Просто, бывая с детьми, я чувствую себя ужасно брошенным. Они словно напоминание мне о прошлой нормальной жизни, которой я лишён. Я всё время хочу быть с ними, а не пару-тройку часов в походе в кино или на прогулке.

Она: Я не понимаю. Вы должны нести ответственность за своих детей и…

Я: Да, я всё это прекрасно осознаю, но не могу. Просто не-могу. Как это объяснить? Безволие. Безответственность. Не получатся просто…

Она: Вы должны попытаться найти контакт с детьми.

Я: У меня был контакт с ними — ещё некоторое время после того, когда мы с женой разошлись. Но мне сразу же стало непросто бывать с ними. И дети видели моё состояние. Я решил не мучить их собой и себя заодно. Хотя мне от этого легче не стало.

Ну и по этой теме мы проехались ещё раз десять. Каждый раз безрезультатно.

Врач: Кто-то видел, что у вас в кошельке есть деньги. Сколько их у вас?

Грегор видел. Сидит, молчит.

Я: 200 евро. Было двести, до поездки в Кёльн. Осталось чуть больше ста.

Врач: Откуда у вас эти деньги?

Я (вру): Взял у друга.

Под другом образно скрывается Акрам. На самом деле это Танины деньги. Я должен был отдать их ей, но не успел. По сути дела не вру. Хотя Таня мне не друг.

Врач: Как вы собираетесь их отдавать?

Я: Как-нибудь, когда-нибудь. Это не проблема.

Врач: Т. е. вы не собираетесь больше кончать свою жизнь самоубийством?

Я: Я этого не говорил.

Врач: А как же деньги?

Я: Я же сказал, что это не проблема.

Социальный работник: Вы, господин Крым-брым, должны понимать, что ваше нахождение здесь не может продолжаться бесконечно. Мы должны совместно найти варианты помощи вам. Что это могло бы быть?

Я: Не знаю. Чисто теоретически вы можете помочь мне выбить деньги из социальной службы на моё повышение квалификации, ради которого я ездил в Кёльн. А как практически

— я не знаю. Моя проблема по-прежнему тут. От неё меня за пребывание в клинике не избавили. Как, впрочем, я и думал, говорил же об этом при поступлении сюда. Мне не помочь. Я это знал изначально.

Социальный работник: Вы немыслимо упёртый человек.

Я: Да, и что теперь?! Что мне сделать, чтобы не быть таковым? Это мой характер.

Вспоминаю швы на черепе МакМёрфи.

Она: Итак, что мы можем вам предложить?! Общение с пациентами…

Я: Я не хочу общения с пациентами. Мне это неинтересно.

О! Сейчас врач должна подумать, что у меня не такая уж и заниженная планка самомнения. Отлично…

Она: Я говорю то, что есть в наших силах. Общение с пациентами, общение с врачом, со мной, эрготерапия и рабочая терапия, мы можем помочь вам встать на учёт в службе занятости [Ага! Вы уже меня туда второй месяц как ставите…], мы можем помочь вам найти жильё…

Я: Мне не нужна квартира.

Врач: У вас уже есть квартира?

Я: Нет, откуда?! И зачем?

Врач: А где вы собираетесь жить?

Я: Я нигде не собираюсь жить.

Врач: А если мы сочтём нужным выписать вас прямо сегодня, куда вы пойдёте? Будете на улице ночевать?

Я: Нет. Поеду в Берлин к другу.

Врач: И что ваш друг скажет, увидев вас за дверью?

Я: Проходи, скажет он.

Врач: Такой добрый друг.

Я: Ага. Хороший, настоящий друг. Вы всё не верите, тому, что у меня таковые есть? Вы всё не верите. Сначала в 5.2 о голосах спрашивали. Я говорю честно — не слышу, не вижу. Не верят. Опять спрашивают. Потом за мной всё наблюдали-наблюдали и пришли к выводу, что я замкнутый. Я, мол, ни с кем не разговариваю, всё время наушники на голове. Снял я эти наушники, и тут же на меня пара дамочек слетелась. Не знал после этого, куда от них деться. Ясно, нет у него проблем с общением, тогда… Может быть, друзей близких нет? Запишите, пожалуйста, где-нибудь в этой серой папочке, чтобы больше к этой теме не возвращаться — друзья есть. Можно также записать, что по поводу отсутствия работы не комплексую. Привык. Да и много чего на общественных началах для интернета делаю, не бездельник. Проблема у меня всего одна. Одна-единственная. С ней я сюда и прибыл. Обо всём прочем можно забыть. Давайте с

этим определимся?..

Социальный работник: В какой степени вы подвержены депрессии? Как вам кажется? В процентном соотношении.

Странный вопрос.

Я: На все сто. Я в ней целиком. Но на работе и прочей деятельности это не сказывается. Не сказывается, конечно, если я работаю один.

Врач: Что для вас эта депрессия?

Я: Не понял.

Врач: Как вы её ощущаете?

Я (был уже однажды такой вопрос задан): Она словно моё тело, а я лишь душа в ней. Тело болит сильно. Постоянно чувствую эту боль. То сильнее, то легче. Душа мечется таким образом туда-сюда, хочет сбежать, вырваться на волю, но лишь бьётся бессмысленно о кости… Вот так примерно.

Врач: Какого она пола?

Я: Wie bitte!?[110]

Врач: Женщина или мужчина, эта ваша депрессия?

Я: Без понятия.

Врач (настойчиво): Ну всё же?!

У меня такое ощущение, что она вспомнила что-то из учебника по психиатрии и хочет с моей помощью подтвердить прописанный в нём постулат.

Я: Да не знаю я. Голосов не слышу. Галлюцинаций не вижу. Что вы от меня хотите!? Женщина/мужчина. Я к ней с такими мерками не подходил. У меня, если быть откровенным, сейчас такое впечатление, что мы на разных языках говорим. Я вас не понимаю, вы — меня.

Врач: Т. е. депрессия эта — для вас словно одежда.

Я: Ну, пусть будет так. Только она не снимается. Из неё можно лишь вылететь, сиганув в пропасть. Иначе не получается.

Врач: Я не знаю, насколько вы в своих действиях откровенны. Хотели вы себя действительно убить или же использовали самоубийство в корыстных целях, чтобы таким образом?..

Я: Я не симулянт. Я был готов к смерти. Это не было минутным помутнением, а давним осознанным решением. И я был абсолютно готов к смерти. Я бы её на этот раз не испугался. Я боялся лишь одного — не умереть — т. е. не до конца разбиться, и таким образом стать инвалидом, неспособным ко второй попытке…

Ага! Всё ясно. Она думает, что я в тот день находился в кризисном состоянии. Depressive Episode. Но это не было эпизодом. Всё было последовательно, растянуто на несколько лет. Видать, мои шутки не вяжутся с нежеланием жить дальше. У меня

не бывает перепадов настроения. Я всегда приветлив. Врач ни на миллиметр не продвинулась к пониманию меня. Очень жаль. Таковой, кстати, была всегда и Татьяна.

Социальный работник: Вы должны заполнить для Krankenkasse следующую анкету. Вам следует указать в ней ваши планы — цели, которых вы хотели бы достичь, а также необходимые для этого средства.

Я: У меня нет целей. Те, о которых я думаю, мне недоступны. Других у меня нет. Иначе бы я сюда не попал.

Социальный работник: Вы не можете все сваливать на врачей, вы должны сами бороться.

Я: Я в этой борьбе проигрывал в течение двух лет. С чего это я теперь должен победить?!

Социальный работник: Вы получаете медикаменты и должны со своей стороны помогать врачам справляться с депрессией. Итак, у вас будет домашнее задание на эти выходные. Придумайте, что может вам помочь.

Разговор пришлось прервать из-за истёкшего на него времени. Следующий.

Я даже не стал думать о своём домашнем задании. Чушь какая-то…

Владельца интернет-кафе зовут Рустам. К Рустаму ходит много русских. Они справляются у него обо всей этой телефонно-интернетной котовасии. Рустам — один из тех, из-за кого у немцев, у таких, как та девушка из попутки, рождаются мысли о национализме. Думаю о том, почему же потенциальные пользователи пойдут со своими вопросами скорее к такому вот Рустаму, нежели в бледнолицую немецкую контору. Понимаю, что не на языке тут всё замешано. С Рустамом мы говорим более живо, с шуточками, с понятными намёками — аллюзиями, т. е. со всем багажом нашего житейского опыта и образа мыслей. Это не просто захват информации, это — ещё и общение. С немцем-продавцом не всё так просто, будь он хоть сама вежливость и услужливость. Его вежливость, как правило, — это всего лишь часть его работы, а не его самого. Он просто ничего не знает о Буратино и ничего не хочет о нём знать. Ему это не интересно. Мы ему нужны лишь как покупатели. Для Рустама мы тоже покупатели, но не только… Каким бы хитрожопым он не был. Вот и вся наша проблема. Как только нас начинают объединять общие интересы и общая культура, язык уходит на второй план. Мне уже не важно — на каком языке мы говорим. Речи об интеграции выглядят глупыми. Так оно или нет?

На пути из интернет-кафе встречаю Ралуку. Она одна, быстро идёт куда-то.

— Ралука, привет!

— Привет!

Она явно пытается вспомнить моё имя.

Она: Ты где?

— Я в 3.1.

— Это мужское отделение?

— Нет, смешанное. А ты где? Всё там же — в 5.2?

— Да.

Ралука говорит совершенно внятно. Я бы поговорил с ней, но она куда-то спешит.

— Увидимся ещё!

— Мне надо девушку найти.

— Арне, это не просто.

— (он слегка бьёт кулаком меня по коленке) Кому ты об этом говоришь?!

— Я уже третий год без девушки живу. Шансов ноль.

— Да, не просто. В нашем-то состоянии…

—:)

— Gute Nacht![111]

— Gute Nachrichten![112]— оговорился Джарко.

Заглатывая вечернюю таблетку, смотрю на поднос для медикаментов. Он квадратной формы с квадратными же ячейками. Пять по горизонтали и пять по вертикали. Большая часть из них пуста. Нас 18 пациентов, да и не все, вроде, сидят на медикаментах. Некоторые ячейки подписаны именами пациентов. Обращаю внимание на различия в написании слова «господин», удивляюсь количеству вариантов:

Herr

Hr.

Hr

H.

H

Рядом с моим именем стоит «Ха» с точкой. Говорю сестре, что эта буква выглядит как сокращение имени. Сестра даёт мне шариковую ручку, чтобы я исправил — на любой из представленных выше вариантов. Я думаю сперва написать по-русски: хер, затем поприличнее: герр. Но не решаюсь на бесполезную шутку и дорисовываю «r» между буквой «H» и точкой. Дело сделано. Начинаю изучать — как там дело обстоит у

женщин. Аналогично:

Frau
Fr.
Fr
F.
F

Ничего не происходит. Уже давно вообще ничего. В вазочке-кочане по-прежнему только четыре конфетных фантика. А должно уже было бы быть шесть.

Томас добрался до пятидесятой страницы своего романа. Я же свой больше перечитываю, чем пишу. Не о чём больше рассказывать.

В здании эрготерапии в коридорах висит множество фотографий нашей клиники. В том числе фотография с воздуха. Я не сразу смог в ней разобраться, т. к. она уже устарела и более не актуальна. Здания 5-го отделения ещё нет, дорожки проложены иначе, удивляют несколько зданий, которых уже нет.

Мне бы вот напроситься в тот, «летающий над кукушкиным гнездом» самолёт и сделать с него фотографию сегодняшних дней. На память. Жаль, что нет фотоаппарата.

Я опять решился на эксперимент с отказом от таблеток. Глотаю лишь снотворное. Антидепрессантную же сую в карман и затем кидаю на полку шкафа. Прежний опыт не повторялся. Долго не могу заснуть, но не мучаюсь от этого.

Слушаю рёв мотора того самого самолёта. Кто-то упорно учится летать на нём в нашей заводи. Ночные учения.

От снотворного никакого действия. Меня усыпляла именно эта антидепрессантная.

Целый день болит грудь. Как тогда по ночам. То очень больно, то отпускает.

В нашей с Джарко комнате. Он (ни с того, ни с сего): Маленький Микки-Маус.

Я отрываю взгляд от компьютера и смотрю на него. Он улыбается.

Я: Что?

Он: Маленький Микки-Маус.

Я: Где?

Он: По телевизору…

Я: А…

Что это было? Его что — тоже мультики мучают? Лишнее

напоминание о детях…

Хотя нет, его не мучают. Он же улыбается. У меня же от них резь в глазах.

Я сижу в столовой и пишу эти строки. За соседним столом Томас со своим романом. Оба слушаем музыку в наушниках. Оба качаем головой в такт… Братья по разуму.

Очередной визит к врачу. Фрау Брюнинг ушла в отпуск. Её заменяет очень тихая молодая врач. На этот раз я встречаю и другую главврача. Она наоборот — вышла из отпуска. Приятная красивая женщина. На главврача не похожа. Не акула.

Начинаем говорить о сложностях моей незастрахованности и неоформившегося положения.

Затем главврач спрашивает, как у меня дела.

Я: Сложно сказать. Очень подходит слово «никак». Я не то чтобы сейчас от своих проблем страдаю, но и позитивно своё состояние оценить не могу. Ощущение такое, что вкололи обезболивающее, но боль через него, тем не менее, ощутима. Не в полную силу, но…

Она: Чем мы вам можем помочь? Что должно быть сделано с нашей стороны?

Я: Я не врач. Не психотерапевт. Я ничего об этом не знаю. Поэтому и сказать-то толком нечего. Вам должно быть видней. Я со своей стороны уже всё перепробовал. Ничего не помогает. Я уже и временем пытался лечиться, и расстоянием, и запойной работой, чем угодно…

Мне очень жаль, что за всё это время, проведённое мною в клинике (в конце недели будет два месяца), меня врачи так и не поняли. Не поняли тех проблем, от которых я мучаюсь. Каждый раз ищут причины там, где их в помине нет. В 5.2 три недели разведывали — слышу ли я слуховые позывы к самоубийству или же нет. Ну, не слышу! Что тут поделаешь?! Я об этом тут же сказал. Я человек честный и откровенный. Ни голосочка, ничего не слышу. По телефону разве что. (Улыбка на лицах врачей) Всё это напоминает мне обыски в полицейском участке. Я знаю точно, что у меня в карманах нет того, ради чего устроен досмотр. Могу сказать полицейским — не ищите, я чист. Но они должны проверить, проверяют, и этой проверкой ограничиваются. Раз нет ножа, то всё в порядке. А ведь это не так… Ну, да ладно. Параллельно с голосами меня здесь всё спрашивали, а не организовать ли нам встречу с женой?

Главврач: Вы считаете, что такая встреча была бы полезна?

Я: Нет, я так не считаю. Но об этом так много было сказано,

что… Потом начали искать мои проблемы в моей якобы замкнутости, в якобы одинокости из-за отсутствия друзей… Потом фрау Брюнинг перевела поиски на проблемы с работой, в частности на мою самооценку… Всё не то. У меня есть лишь одна проблема. Это моя бывшая жена. Других проблем нет. Не ищите — всё равно не найдёте! Всё прочее е-рун-да. Эти другие мои проблемы — не тема психиатрии. Я не понимаю, почему мы каждый раз ищем то, чего нет, а то, что есть, то, что в моей истории занимает главенствующую роль — то мы игнорируем. Снять квартиру, встать на учёт там-то и там-то, искать работу или учёбу — всё это я могу сам и помощи в этом мне никакой не нужно. Я уже об этом говорил. Всё игнорируется.

Главврач: Ясно. Я понимаю, что мы сделали ошибку. Я всё записала. Мы поговорим об этом в следующий раз.

Нет уж! Я всё скажу сегодня.

Я: Мне постоянно предлагают делать то, что мне абсолютно не нужно. Все эти эрготерапии, этот детский сад, в котором я чувствую себя ребёнком, все эти советы общаться с окружением, с пациентами… Всё это смешно. Я с утра до вечера чем-то занят. Я умею себя занимать получше любой терапии. Вот сестра может подтвердить — меня в отделении не видно совсем…

Сестра Кноблаух: Только во время еды…

Я: Совершенно верно. Я всё время провожу за своим компьютером, у меня тысяча дел в нём. Я жуткий трудоголик. Мне пять минут безделья невыносимы. Своеобразная болезнь. Мне не знакомо слово «отпуск». Я в нём никогда не был. Меня жена за это ненавидела.

Главврач: Да, тут всё взаимосвязано…

Я: Я уже давно не комплексую по поводу отсутствия постоянной работы. Можете записать. У меня есть, чем полезным для общества заниматься. И я люблю свои увлечения. Охотно ими занимаюсь.

Мне не страшно от своей болезни, поэтому-то я и не бегу от неё к врачам с мольбой о помощи. Я не обещаю им вести себя хорошо опосля, когда они меня поддержат. Я ни во что не верю. Ни в себя самого, ни во врачей.

Во второй раз уже нахожу в своём стаканчике с медикаментами вместо двух таблеток четыре. Озадаченно спрашиваю сестру: Зачем так много? Я не голоден.

Ой-ой-ой! Кто же это?!

Снотворное глотаю, антидепрессантную в карман. У меня их уже четыре штуки спрятаны в шкафу за бутылкой шампуня. В

результате с большим трудом засыпаю, но кризиса депрессии не наступает. Голова работает с обычной скоростью. Депрессия умеренная. Пока под контролем. Посмотрим, что будет дальше.

Джарко перешёл на другой сорт печенья. «Cookies». За день он съедает по две пачки, каждая из которых — по 150 граммов. Большей частью он ест его ночью.

Каждый раз, приходя к себе, я через какое-то время слышу, как он пукает. Он сам от них, от этих пуков, просыпается и начинает хрустеть печеньем, запивая его минералкой. Днём я заметил, что вся его тумбочка испачкана следами жирных пальцев. Он ужасно ухоженный человек, и это лишь единственный его прокол.

Мимо шестого отделения проходит группа мужчин. Один из них, заметив в окне своего знакомого, кричит ему по-русски:

— Ты когда, бля, выходишь?!

Тот за окном не слышен. Он непонятно жестикулирует руками.

Первый:

— Я говорю, когда тебя на хуй отсюда выписывают?!

Опять ничего не слышно в ответ.

Отчего-то вспомнился Питер и первый день работы на киностудии. Была ночная смена и соответственно развозка по домам. Снимали не так далеко от моего дома, но пешком меня не отпустили, дали водителя в помощь. Я залез в его машину, закрыл дверь.

Он: Ну, ты, блядь, в ГАЗели что-ли едешь!!!

Я: Что???

Он: Ну, зачем, бля, дверью хлопать!

Я пытаюсь вспомнить, хлопал ли я ею. Да нет, вроде.

Набрасываю ремень безопасности и ищу, куда бы его пристегнуть. Водила выхватывает его у меня и бросает в сторону, говорит: Не фиг хуйнёй страдать!!!

Чувствую себя дикарём из Европы.

Едем.

Он: Куда?

Я называю свою улицу. Подъезжаем к ней.

Он: Куда теперь?

Я: Направо.

Он: Ты мне, бля, не говори направо-налево, мне этого не надо, говори куда точно!

Я: Ну… вот направо и там через сто… метров…

Он: Номер дома лучше скажи.

Я: 45-й.

Секунду спустя, он: Ну, всё, бля, проехали твои сто метров.

Я: Ну, тогда давайте ещё сто метров, вон мой дом с колоннами…

Он: Это уже не сто и не двести метров…

Вылезаю: Спасибо Вам!

Он: На здоровье!

Сорвался с места, едва я успел закрыть дверь. Чуть руку не оторвал.

Завершающий аккорд дня.

Раша уже не наша. Отвык я от хамства. В Германии излишняя вежливость раздражает, а тут…

Послали в лабораторию сдавать кровь. Я слегка напрягся. В шкафу собралось семь таблеток. Я уже неделю как симулирую глотание лекарства. Потеснил, таким образом, сон на два часа вперёд. И высыпаюсь теперь. Ладно, думаю, плевать на кровь.

По дороге встретил Розамунде. Она в жутком совершенно состоянии.

Я: Привет Розамунде!

Она: Привет.

Я: Давно тебя не видел. (не найдя, что сказать, вру) Думал, что ты уже на свободе.

Она: Нет, мне очень плохо.

Я: Понятно. Ты где сейчас?

Она: В 5.2.

Я: Ясно. Ну, давай… Пока.

Она: Пока.

Без этих её бесконечных «Инщаа-аллаа!» и «Альхамдулилля!» Розамунде не Розамунде.

Очередной Pazientenkreis. Начинаем с Empfindlichkeitsrunde. Стартует Эльвира: Ich fühle mich gut. Ich gebe weiter.[113]

Джарко: Ich fühle mich gut. Ich gebe weiter.

Мирко: Ja, es geht mir auch gut. Ich gebe weiter.

И т. д.

Врач рядом со мной: Быстро стартанули!

Не понятно, зачем нужна эта Empfindlichkeitsrunde.

У меня всё в порядке, следующий…

Турчанка жалуется на то, что кто-то не сливает воду из стиральной машины. В результате вода протухает и жутко воняет. Бэ! Как так можно. Это же неприятно…

Затем Нина жалуется на то, что в женском туалете кто-то

часто срёт прямо на пол. Что это за ерунда? Почему нельзя убрать за собой?

Турчанка: Я вообще не понимаю, как можно промазать мимо унитаза?! Это же кто-то нарочно делает!

Брат Грегор: Если подобное случается, обращайтесь к персоналу за щётками и убирайте за собой сами. Это не обязанность уборщиц.

Турчанка: В туалете же есть щётка!

Грегор: Щётка эта для унитаза, а не для пола.

Я тоже могу многое рассказать на эту тему. У меня собралась целая коллекция аналогичных историй. Но, оказывается, подобное происходит и в женском отделении.

Сестра Андреа заступает на ночную смену: Ну, господин Эфзээф, всё у вас в порядке, вы как обычно за своим компьютером?

Я: Да, добрый вечер!

Она: Вас завтра переводят в 9.0, да?!

Я: Да, к сожалению…

Она: Почему к сожалению?

Я: Меня в 9.0 уже пытались перевести из 5.2. Я тогда полистал их флайер, посмеялся над ароматерапией и прочей чушью и отказался. Да и вообще вся эта миграция от одного отделения в другое меня не особо-то и радует. Лишнее доказательство несостоятельности врачей. Начинаем говорить с врачом, а тут переезд, а там уже новый врач, который обо мне ничего не знает. Всё с нуля. В 5.2 мне сперва расписывали в голубых тонах эту 9.0, затем нашли наиболее подходящим отделение 4.1, в котором я и четырёх дней не продержался; там мне сказали, что вот именно 3.1 — то, что мне нужно; теперь вот, прожив месяц здесь, возвращаемся к давнишней идее — 9.0. Бессмысленно это все. Я врачам говорю, в чём у меня проблема, а они не слышат. Фрау Брюнинг в последнее время лишь о моей работе говорит да о заниженной самооценке. Чепуха полнейшая. Это конечно плохо, когда человек не в состоянии найти подходящую для себя работу, но это же не повод попадать в психиатрию?! Поверьте мне, я очень быстро перестал стесняться своей безработицы. Начал просто заниматься чем-то иным. Я ведь за всё это время уже столько проектов сделал ehrenamtlich[114], что бездельником себя не считаю. Также, кстати, со временем не особо переживаешь за невыученный язык. Ну, не случилось его уровнять с родным языком, что поделаешь?! Всё это не повод для самоубийства. Но врачи лишь об этой ерунде и говорят со мной.

Сестра Андреа: Ну, врачи считают, что ваши проблемы

находятся там, где вы их не замечаете.

Я: Всякое возможно, но только в это верится с трудом. Я себя очень хорошо знаю. Я не многого жду от жизни. Вообще довольствуюсь малым. Мне по сути дела ничего не нужно. Для меня существуют две ценности: люди — семья и друзья, и интересный вид деятельности — будь то работа или увлечения. Ничего прочего мне не надо. Я саккумулировал все свои пристрастия в компьютере: здесь моя музыка, фильмы, книги, рисунки и пр., а семья мне недоступна…

Сестра Андреа пятится прочь. Её явно неинтересна вся эта компьютерная тема. Ей пора проведать и других пациентов.

Я: …По сути дела самое важное-то и недоступно, основополагающее… Не с компьютером же жить всю жизнь?! А почему меня по логике не перевели во второе отделение?

Сестра (уже в дверях): Оно для наркоманов.

Я: Подходит. Я компьютерный наркоман!

Ушла, улыбнувшись.

Я часто слышал за окном странный голос. Словно говорит робот. Невнятная речь. Металлическая. Гортанная. Нечто подобное было у моего деда. Но здесь, усиленная эхом от каменного мешка, образованного отделениями пятым, четвёртым, третьим и вторым, эта нечеловеческая речь была чем-то из ряда вон. Я ни разу за эти два месяца не видел того человека — владельца столь необычного тембра.

Затем мне довелось увидеть его на улице. Старик. Абсолютно без зубов. Говорит сам с собой. Речь чёткая, но я не могу разобрать ни слова. Такое впечатление, что он говорит на неслышанном мною доселе языке. Анимационный персонаж. Каждое движение, мимика достойны карандаша.

Я в очередной раз вспоминаю своего деда.

В последний раз стою в своей комнате. Смотрю на здание пятого отделения. Очередная машина с новым пациентом. На этот раз санитары вызывают лифт. Его дверцы выходят наружу здания.

Я вспоминаю, как встретил там, на улице Розамунде, ещё тогда, когда она донимала меня своими разговорами. Она тогда сказала мне, указывая на дверцы лифта: Это мой Сим-Сим. Я сейчас скажу «Сим-Сим откройся!», и он откроется. Ха-ха-ха!

Значит, это её Сим-Сим. У меня в жизни тоже был свой Сим-Сим. Гора с богатствами. Хранителем их был близкий друг родителей Олег Исаев. Он занимался подпольными аудио- и видеозаписями. Олег основательно посадил меня, когда мне было лет девять, на музыку. Благодаря ему я стал меломаном. Шагая с

этим увлечением по жизни, я многое преодолел и добрался-таки сквозь все эти мои жестокие проблемы до сегодняшнего дня. Без музыки я своей жизни не представляю.

Позвонил Акрам. Сказал, что встречался с Татьяной. Она передала ему мои компьютерные флэшки. Я так оторопел от этой новости, что забыл спросить, чего это они вдруг встречались. Таня беспощадно рубит все нити ко мне. Лишь бы не увидеть меня в очередной раз. Жестоко-жестоко. А ей кажется, что так только лучше. Дура.

Получаю письмо от отчима.
Файл озаглавлен: «Алеша READ ME».

Алеша, привет из СПб.
Черкни пару слов о себе без лишних эмоций.
Мы хотим получить ответ типа:

1. Жив, здоров.
2. Сейчас проживаю (указать где)
3. Думаю, как жить дальше.

Этого нам пока достаточно.
Твои терпеливые, но умные / все понимающие и любящие тебя родители.

Ни слова о фрау Меркель…

Я выходил из здания 3.1, пытаясь надышаться последними секундами нахождения в нём. Я опять покидал свой дом. Я опять становился сиротой. Как там пелось у «Faithless»: No roots, no tree, no family, no me…

Мне выдают на руки листочек со списком предписанных мне медикаментов: Mirtazapin + Papamperon. Ага, вот вы какие, мои отравители! Я должен отдать листок в 9.0.

Опять делаю переход от одного отделения в другое. Всё, больше ни во что не верю. Уже не важно, что и как там будет. Надо подводить итоги.

Итак. Всё, я один. Нет больше семьи, нет больше любви, нет меня. Я оставляю свою любовь: я больше никогда не позвоню Тане, не напишу ей ни единого письма, не сделаю попытку её увидеть, буду избегать каких-либо контактов с ней, не произнесу больше её имени, перестану думать о ней. Я освобождаю её от себя. Её больше нет для меня. Меня больше нет для неё. Теперь

только так. Мне хочется отпустить также свою душу. Улетай! Ангел-хранитель может также быть свободен. Спасибо за всё! Тебе, душа моя, не место больше в этом убогом теле. Ты отбыла в нём достаточный срок. Давай, прочь отсюда!

Что за выбор? Принимаешь таблетки — начинает гнить тело, не принимаешь таблетки — начинают гнить мысли.

И вот тело идёт от своего обжитого пристанища к следующему — к бесполезному существованию для себя же самого. И хрен с ним. Оно уже бессмысленно. Я прошу Господа не продлевать ему жизнь. Там, это, ну, короче, можно уже завершать проект. Он не удался. Сбой системы. Сплошная ошибка. Причины остались невыясненными. Там уже неинтересно. Ни создателю, думается, что так, ни, тем более, подопытному. Там нечего делать. Всё, что может произойти позже, уже не имеет никакого значения. Это уже другой человек. Нужно становиться другим человеком. Человеком, у которого начнётся другая история.

Предыстория. Поездка в Питер

выдержки из писем

Первые две недели прожил на даче. Лежал всё время на чердаке, спал да читал. Отчего бежал из Германии — к тому и прибежал.

У брата отчима крыша съехала. Он живет во второй половине дома, всё время сам с собой разговаривает, чаще ругается: «Сволочь какая оказалась, вот сволочь!» Смотрит телевизор и вдруг начинает орать: «Сволочь! Какая сволочь!»

Один раз зашёл к нам. Родителей не было дома. Я на чердаке.

Он: Ушли грязные свиньи. Вот паршуки!

Приезжают друзья родителей. Все не понимают, как же я так добровольно уехал из рая. Все туда любой ценой стремятся, а я сбежал… Я им говорю, что бежал не из Германии, а от любви безответной.

С работой у меня пока ничего не получается, т. к. всем нужны специалисты с опытом работы, а я… Да, и как так можно, говорят, — к тридцати пяти годам не состояться профессионально?! При этом жалуются, что работают у них все плохо, требуют всё больше и больше денег, да каждый второй — пьяница…

Можно податься обратно на мультяшную студию, но я не хочу рисовать и приберёг её на крайний случай. Я уже был на «Мельнице», встречался с Бронзитом. Костя сказал, что работа есть.

Первые месяцы у меня была жуткая аллергия. Глаза слезились от выхлопных газов. Не мог компьютером пользоваться: постоянные слёзы, резь… После душа ужасно горела кожа на голове и лице. Все смеются, говорят: так ты рожу под кипяток в душе не подставляй, разбавляй холодной водой.

Привык я к Родине буквально за несколько дней. На хамство смотрю как на сценку в кино. Оно для меня каким-то нереальным стало.

Ну вот, началось… Вчера мне позвонили со студии и пригласили на беседу. Я прихожу, мне говорят, мол, давай к нам осветителем. Я говорю: отлично! Ну, тогда поезжай прямо сейчас с командой на съёмочную площадку. Сегодня ночная смена. Я и поехал…

На съёмочной площадке работает человек сорок, а режиссёр каждый раз не знает, что он должен снимать. Никакой

подготовительной работы. Все стоят — дремлют. Всё придумывается на ходу. Ничего оригинального. Имитация творчества.

Команда осветительная, в которую я попал, мне очень понравилась — отличные ребята. Все молодые. Квасили в машине коньяк целый день. Один человек проставился пятизвёздочным в связи с переходом в другую бригаду.

Работа — не бей лежачего. Никакой спешки. Всё через пень-колоду. Контрольный монитор не настраивают. Зачем меня учили этому в школе?! Технику берегут лишь от дождя. То, что свет падает на этот монитор, не замечают. Всё, что учил в своё время в школе, всё, за что били по рукам — здесь это не ошибки.

На протяжении всей съёмки на площадке ошивались четыре мента. Охрана. Один — приличный, трое других — деревенские олухи. Я сперва подумал, что они в качестве актёров приглашены, спрашиваю ребят: где они таких клоунов нашли. А они: да у нас это теперь достопримечательность такая — менты «тупей тупого» называется…

Квасили на площадке не только мы, осветители, но и оператор, и ассистент режиссёра, но где-то в другом месте. Забавно было наблюдать их косые взгляды, затем снижение алкоголя в крови, потом новую порцию, и так несколько раз за весь день.

Звук на площадке пишется на микрофон камеры. Теперь понятно — почему в конечном результате такие неестественные голоса — всё озвучивается позднее в студии. Всё через жопу, ей богу!

Сегодня проснулся утром — родители сразу: ну как? Ну, вот ты нашёл студию. Быстро нашёл? Там охрана есть? И ты проходишь… На какой этаж? [На второй. НАДО ЖЕ!] И входишь в бюро, а там секретарша. А ты что ей? Ну, а потом к Аде тебя провели?! И что Ада. Она тебе говорит… Это очень важно. Что она тебе говорит?! И сколько минут она с тобой говорит? Две?! Не может такого быть!.. А, ну вот! Пришли мужики и сразу забрали тебя. А как они к тебе отнеслись…

Ну и так далее.

У меня сегодня второй выходной день за две прошедшие недели. 4 дня работал по 18 часов, один день 15, другой 14 и один 13. Смена длится 12 часов. Встаю в 6–7 часов утра и бреду на работу, прихожу домой далеко за полночь. Теперь ни в интернет не залезть, ни книжку почитать. Никакой личной жизни более. Что само по себе — в моём персональном случае — и не

плохо, но как-то… не то чтобы весело. Теперь ни в библиотеку не походишь, ни на языковые курсы, на которые хотел было записаться — продолжить изучение французского.

Ходить на работу я привык пешком — уж больно дорога красивая: через Троицкий мост, далее по набережной, под конец прохожу мимо Большого дома, из окон которого Колыма видна…

С регистрацией ничего не получается… Скоро истечёт срок действия паспорта и будет совсем невесело. Уехав в эмиграцию, мне пришлось сдать свой гражданский паспорт. Теперь, чтобы его тут получить, нужно стать фокусником. Аналогичная проблема с регистрацией. Всё запутано между собой и почти что неразрешаемо.

Я только что вылез из ванны, и на попе тут же высыпала сыпь. Ужасно болезненная. Лежу на боку теперь. Хрен знает, что здесь такое с экологией. На улицах дышать нечем абсолютно.

Несколько дней назад, когда снимали во дворе одного дома, произошла нешуточная сценка из реальности. Менты устроили облаву на азеров, но трое из них успели сесть в тачку и попытались на ней смыться. На выезде сбили выскочившего из засады мента, который уцепился за дворники и стал бить автоматом по лобовому стеклу. Не разбил. Хачики умудрились его-таки скинуть резкими движениями. А тот выстрелил по удаляющейся машине и расхуячил той колесо. Короче, чертей этих поймали в паре сотне метров от того места. Такие дела.

Снимаем нечто подобное на плёнку, и тут же аналогичное происходит в реальности. Только у мента того не на шутку дрожали руки после этой истории.

За 11 лет, проведённых в Германии, я абсолютно отвык от холода. Теперь, сколько бы не надел одежды, дрожу…

Ну, вот и добрался я до следующего выходного дня — 3-го за этот месяц.

На прошедшей неделе снимали в «Крестах». Впечатляющее событие. Свет ставили прямо в коридоре между камерами. Из них через смотровые окошки тут же полезли проволочки с крючками, зацепились за защёлки окошек, через которые заключённые получают пищу, открыли их и в проёмах появились головы любопытствующих. Стандартные вопросы: «Чё делаете?», «Как фильм называется?», «Когда покажут?», «По какому каналу?», «Кто из актёров известных?»…

Тюрьма загажена до такой степени, что сложно найти там что-либо не подверженное разложению. На полу лужи от стекающей воды из сгнившей канализации… ну и т. д. по полной программе. По перекрытиям бегают десятки плешивых котов и

кошек. Дерутся между собой. Рядом со мной на перилах сидел котяра и смотрел на меня огромными глазами. Я на него. Из соседней камеры услышал вопрос: «Ну, что нравится у нас тут?! Клёво?!.» Я не нашёлся, что ответить… лишь неопределённо покачал головой.

В коридоре десятки непонятных устройств, выпавших из камер — по всей видимости, местная почта и средства её доставки.

Пока снимали, наблюдал развоз еды. Хлеб кладут прямо на ржавые входные ручки.

Обслуживающий персонал — из самих заключённых. Все они — словно под копирку. Стёртые личности. Строгих порядков не заметил. С прогулки зэки приходят не держа руки за спиной, хотя на стене висит плакат, требующий от них этого.

Освещение почти отсутствует. Везде полумрак. Соответственно, когда мы это всё дело осветили десятками ламп — взору предстала разруха невероятная.

Разруха не только в камерах и коридорах, но и в офицерских помещениях. В туалет заходить было до омерзения противно. Туалетной бумаги нет. Вода только холодная. Пока писал, смотрел на огромного дохлого паука в огромной паутине, покрытой пылью…

На входе приходится сдавать всё «лишнее»: мобильники, плеера. Но всё легко можно провезти в машине.

Т.к. мы часто работаем на улице, то и обедаем там же — в полевых условиях, не моя руки — ни перед едой, ни после. Один раз проходящая мимо женщина спросила: «Ой, а это здесь бомжей кормят?!». Неужели съёмочная группа так похожа на бомжей? — задался я вопросом…

Съемочная группа постоянно квасит. Причём группами. Осветители с осветителями. Художники с художниками и т. д. То один, то другой, гляжу, ходит с налитыми глазами. Понятное дело — часто снимаем на холодрыге и сутками, что требует расслабухи и сугреву. Выпиваем и всем коллективом — есть тут такая традиция: пить за сотый, двухсотый и трёхсотый кадры. Плюс дни рождения…

После окончания первого проекта пошёл со студии домой пешком. Был абсолютно пьян. Захотелось отлить. Спустился к Неве. Стоял очень долго писающим мальчиком, пытаясь сфокусировать взгляд на легендарном крейсере «Аврора». Впервые пришла мысль: вот я и дома!.. «Иностранец в родном городе».

Коллектив киношный — весьма неоднородный. Многие

никогда не здороваются и не общаются друг с другом. Очень неприятно, но что тут поделаешь. Общения, впрочем, и так хватает.

Моя команда — осветительная. «Светики»: Гарик, Денис, Ваня. Плюс дольщик Дима. Я всю жизнь попадаю в душевные компании, что в мультяшных студиях, включая берлинскую, что в «Карге», что теперь на студии.

Сегодня был выходной, а я его весь проспал. Так у нас официально и называются выходные — «отсыпные».

Такой режим прекрасен как средство от депрессии, но, тем не менее, меня всё чаще спрашивают ребята по работе, что, мол, со мной сегодня такое. А что мне ответить?! Скучаю по семье… Такие дела.

В Питере начался сезон дождей. Ужасно холодно и повсюду лужи… Я сходил сегодня на работу за зарплатой и пошёл прогуляться. Добрался до Дворцовой площади и поглядел на Зимний Сарай, который с одной стороны затянут в строительные леса, а с другой, где уже всё покрасили, краска пропиталась сыростью и набухла пузырями. Лепнина опадает. Видимо, реставрация дворца так и ходит кругами, не достигая желаемого результата… Дождь сжирает всю штукатурку и покраску. Хорошо выглядят в Питере лишь каменные строения. Всё прочее смахивает на потрёпанные декорации.

Часто приходится просто охранять светотехнику на улице, освещая помещения снаружи. Тогда сидишь на коробке от приборов и болтаешь с прохожими, которые десятками подходят и спрашивают «Чё тут такое снимаете?» Начинают в шутку или даже всерьёз напрашиваться в массовку, рассказывают всякие ужасы из жизни своего района, просят дать два рубля, недостающих на бутылку…

Однажды ко мне подошёл один из актёров, приехавший на съёмку. «Что снимают?» Я решил ему подыграть: «Ах, чушь всякую. Сериал телевизионный…» Он: «А можно сняться в главной роли? В актёры возьмёте?» Я: «Возьмём. У нас всё равно ни одного профессионального нет. Народный театр сплошной…» Он обиделся и отошёл.

Проходила мимо одна старушка с внучком. Внук спросил её — зачем, мол, на осветительном приборе шторки. Бабушка: «А это, внучек, чтобы ограничить пучёк света…"

Снимали тут недавно в пивном баре. Мне пришлось работать с дыммашиной и постоянно прятаться от камеры под барной стойкой. Чего я там только не увидел. Разве что тараканов не было. А так — грязь неимоверная, подтёки, пятна, плесень…

полный набор антисанитарии. А запах!!!

Очередной съёмочный день прошел недалеко от моего дома на улице Блохина. Примечательна она тем, что на ней была та самая КАМЧАТКА, что связана своей котельной историей с Цоем и Башлачевым. Теперь это клуб-музей или музей-клуб тех времён.

Снимали сцены в офисе, в котором вот уже скоро двенадцать лет как была продана квартира Таниных родителей. Нынче там жильём не торгуют, теперь там охранная фирма.

Напротив — Князь-Владимирский собор. В нем шла служба по случаю какого-то церковного праздника. Пошёл первый снег…

Всё думаю о том, чтобы сходить покреститься. Но отваги не хватает… Боюсь в очередной раз обломаться со своими надеждами.

Каждый раз, когда я попадаю в часть города, которая так или иначе связана с Танькой, что-то со мной происходит не то. Как-то я всё это излишне тяжело воспринимаю. И хоть бы чуточку отпустило! Так ведь нет… Сколько уже времени прошло. Ни время, ни расстояние ничегошеньки со мной поделать не могут. Опять регулярные слёзы… Распускаю нюни.

На этой неделе снимали в больнице, в которой в своё время лежал Танин папа, только этажом ниже…

А вчера проезжали мимо Таниного дома… Рядом с трамвайной остановкой выстроен небоскрёб. Я чуть не разрыдался от нахлынувших воспоминаний. Зимой на месте этого дома была узенькая тропинка в снегу, на которой я часто встречался с Танькой. Помню как обнимал её там в нелепом бирюзовом пальто.

Сидел в темноте машины и вытирал слёзы… Ёлки-палки, как всё это невыносимо…

Проезжали мимо Кораблестроительного института, в котором я учился. Убогим зрелищем стал мой alma mater. Здание превратилось в опущенного монстра на фоне огромного жилого комплекса. Строение ЛКИ должно было в своё время напоминать собой кораблик, но теперь это всего лишь гора грязного бетона.

Кругом лезут в небо новостройки, всё выше и выше. Я уже и не берусь считать количество этажей.

Каждый второй день снимаем на улице. Я мёрзну как суслик. Не спасает никакая одежда. Каждый раз я строю планы на следующий день — чтобы ещё нацепить на себя. Были опять-таки на берегу залива. Ветрило такое жуткое, что приходилось руками удерживать штативы для осветительных приборов. В клочья рвало плёночные фильтры. От такой жути не спасает ни водка, ни коньяк. Опьянение проходит тут же.

Обедали в подъезде дома. Маленькая площадка перед почтовыми ящиками. Человек сорок за раз (сорок зараз) — толпа. Все с тарелками в руках. Из соседней двери вышла обалдевшая женщина. Стала нас ругать: «Кто вам это позволил тут делать!? Вы нам тут весь кафель на полу сломаете».

Наконец-то научился спать на съёмочной площадке. Вырубаешься на пятнадцать минут — затем легче себя чувствуешь. Я, собственно, от работы не устаю, но иногда от монотонности раскисаю.

Тут пришло известие, что в одном из кадров, отснятых пару недель назад, у одного актёра был виден отклеенный ус. Теперь будет пересъёмка. Вся бригада поедет на ту квартиру, чтобы отснять пару секунд заново… Сколько это будет стоить?! Погрешность гримёра и ассистента оператора, обязанного следить за кадром. Эту сцену мы уже раз переснимали, т. к. игра актёра показалась нашей шефине неубедительной.

Съездили на этот объект. Сняли сцену заново. Объявили о конце съёмок. Актёр тут же сам отлепил свой волосяной покров с лица. Гримёрша вслух задалась вопросом: а почему не сняли тот злополучный крупный план. Забыли. Оператор засуетился. Сказал подключать все приборы, которые мы уже начали было собирать, заново. Но от съёмки пришлось отказаться, т. к. накладывание усов и бороды по-новому потребовало бы ещё час ожидания, а мы и так «передержали» квартиру… Собрались и уехали. Абсолютно бессмысленная пересъёмка.

На этой неделе мы три дня работали по 21 часу. Рекорд. 43 часа переработки за семь рабочих дней. Это, повторюсь, при 12-ти часовой смене.

Снимали один день в элитном доме отдыха в Сестрорецке. На берегу залива стоит отель с открытым бассейном (с подогревом) и двумя джакузи. Рядом сауна и банька по-чёрному. Очень «солидная» публика. Никаких упрёков в связи с нашими съёмками. Все богачи очень вежливые и приветливые. Придерживают двери, когда носим свои приборы. Шутят. Но все до ужаса стереотипные.

На эти съемки к нам приехали качки, 5 штук, эпизодические роли, с бейсбольными битами. Они до начала съёмок стояли у чайного столика на улице. Был уже вечер, темно, холодно. Я бегал туда-сюда со штативами и один раз наблюдал следующую сцену: банда стояла плечом к плечу в нескольких метрах от главного входа и в пять струй мочилась на забор соседнего особняка.

Завтра у меня последний рабочий день. Проект закончен.

Студия погружается в постпродукционную фазу. Новые проекты начнутся лишь к концу января. Что теперь делать — не знаю. Денег я заработал достаточно, чтобы пережить этот период, но не в этом дело. Не знаю, что предпринимать дальше по жизни, ничего уже не хочется. Болтаюсь как говно в проруби. Ни желаний, ни надежд уже никаких не осталось. Ужасная депрессия. Будь она проклята — моя любовь!

…Снимали очередные сцены в питерских колодцах. Сцена такая: застреленный мужик падает замертво, а к нему подбегают четверо сыщиков. Пока мы — осветители — ставили свет под аркой дома, а художники расчищали в округе пятна снега на асфальте (посыпали их солью, чесали мётлами), оператор снимал предшествующую событиям сцену неподалёку. Без снега в кадре. Когда свет был готов, а камеру поставили на кран, пошёл снегопад, да такой, что через пару минут всё вокруг покрылось сугробчиками (скажем образно, по колено). Т. е. сыщики с каждым новым дублем забегали под арку всё с большим и большим количеством снежных хлопьев на плечах и голове…

Снимаются сцены непоследовательно. Начинали фильм в октябре, а значит все актёры так и ходят весь съёмочный период, перетекший в морозы, одетыми по-октябрятски… В промежутках между дублями им тут же подносят «утепление»: пуховики и шапки. Так как убивают у нас в кино регулярно, то и на земле поваляться актёрам приходится не редко.

Снимали опять-таки рядом с моим домом, во дворе, где жил Дмитрий Шостакович. Теперь его двор полон джипов (я их все сосчитал): джип-порше, джип-бмв, джип-мерседес, 2 лэнд-ровера… джип-лада… А посреди парковки торчит на колонне каменная башка композитора.

А сегодня в Питере уже настоящая зима. Всё вокруг в снегу. В центре города, конечно же, непролазная слякоть. В неё ставят новогоднюю уличную атрибутику. Все машины грязнущщщие.

Работа, как показала дальнейшая практика, от депрессии не спасает. Первое время было стрёмно, приходилось многому учиться. А потом руки всё начисто переняли до автоматизма, и голова опять стала гонять Таньку по извилинам.

Вчера поймал себя на том, что стоял перед витриной магазина и пялился на сиськи манекена, начал думать — какой я бедный и несчастный, никому такой ненужный…

Последнее время вижу чрезмерно много «синяков» (алкашей, употребляющих тормозную жидкость или что-то подобное), с земляного цвета лицами, опухших, схожих друг с другом как

дауны. В Германии таких не бывает.

Видел прилично одетого человека, доедавшего что-то прямо из помойки. Может быть, это псих был? Жуткое зрелище!

У меня скоро появится жутчайший комплекс, который уже был у Тани, связанный с моим возрастом. Точнее с тем, как я выгляжу. Приходится регулярно с кем-то знакомиться и с каждым годом всё тяжелее выносить этот вопрос: Тебе сколько лет? И следующее за ответом ИЗУМЛЕНИЕ. Я всё заранее предвижу: вот сейчас меня об этом спросят… Как это чертовски тяжело! Кто бы меня понял!?. Не соображаю ни фига: на хрена мне столько проблем?!! Мне и четверти из них хватило бы по макушку. Я какой-то коллекционер этих увечий получился. Кстати, очень подходящее ко мне слово: коллекционер. Слава богу, что башка уже вся сединой покрылась, даже на висках.

Блин, бывает же такое! Написал письмо, лёг спать. Снится мне сон.

Встречаю Лимонова, подхожу к нему.

Я, Эдуард Вениаминович, тот-то и тот-то, занимаюсь вашим литературным наследием.

Он на меня смотрит с хитринкой и спрашивает: А вам, Алексей, сколько лет? Ну а потом: Алексей, я хотел вас повидать, вас нужно свести с Юрой… (далее идут не запомнившиеся имена). У них есть много материалов для вас.

А я ему: Здорово! А вот вы писали «Эдичку» сначала в стихах. Где это можно достать?

Он: «Юлечку» я писал.

Я (пытаясь переварить в голове «Юлечку»): А «Эдичку» в стихах?!!

Он: Не писал. В стихах этого не написать.

Я: А Александр Шаталов мне говорил…

Далее я бегу за ним по коридорам какого-то здания и на этом всё заканчивается.

Я сошёл с ума… Таня была права. Кстати, она мне регулярно снится.

…9 месяцев мы с Танькой искали её сбежавшую собаку. Каждый день после работы и на выходных. Сотни объявлений настрочили. Давно это было. Чёрно-белый Вилька. Мне почему-то пришла такая мысль в голову. По сути дела, я только этой собаке, вернее её пропаже, и обязан тем, что Таня вышла за меня замуж. Боюсь, что пару лет назад, когда я был изгнан из дома, пёс умер. К тому времени ему было уже лет 15–16. Душа семьи умерла. И мы не справились друг с другом.

Ещё мне вспомнилась фраза из моего письма Тане: «У меня

всё время такое впечатление, что мы оба играем на шахматной доске, но только я в шахматы, а ты в шашки…» Тотальное взаимонепонимание. Меня бешено тянет к ней, а её от меня…

Родители задолбали меня окончательно. Я теперь над ними ради развлечения опыты ставлю. Reality Show семейного масштаба. Сажусь обедать (как всегда под телевизор, иначе они не могут). Смотрю, что идёт в ящике и завожу в первую очередь отчима (мама лишь на подхвате): «Боже, какая пошлая передача! Как вы это смотрите?!» А пошлятина там сплошная и смачная, сколько по каналам не скачи. Вот пример. Шоу КВН-щиков. Их плакатами завешен весь город. План Путина и эти уроды. Фифти-фифти. Сцена такая: стоят двое. Один другому: «Смотри, вон тот — очень серьёзный человек!» Второй: «Этот? Олигарх, что ли?» Первый: «Нет, не олигарх. В туалете работает». Второй: «А почему тогда серьёзный?!» Первый: «А ты бы не был серьёзным, если бы целый день дерьмо перетаскивал?!» Хохот в зале.

В последний раз развёл родителей на какой-то жуткой передаче, на которой сидят люди в студии и поют под гитару блатные песни и романсы, эдакий слёт КСП. Ну, и естественно болтают о том, какие они все гениальные и как друг друга любят. «Возьмёмся за руки, друзья!» По мне так они все безголосые и абсолютно не умеющие петь… А жанры эти дворовые так просто не поются. Здесь талантище необходим. Отчим завёлся: «Что ты несёшь? Они пытаются сохранить культуру! Она вымирает. Они собирают эти песни. Тысячи, слышишь тысячи!!! [всё это с надрывом Гэри Олдмена в фильме «Леон»: «Everyone!!!»] людей скажут тебе, что это единственная нормальная передача на тиви. Чушь городишь. Не хочу тебя слушать. Идиот какой-то. [Я тем временем кушаю] Что ты несёшь? Это великая поэзия. Ну и что, что они не могут, главное — стараться! [я кушаю…] У Высоцкого тоже не было голоса, и у Галича… Ты послушай, что умные люди говорят, а не то, что тебе в голову приходит…» Ну и т. д. Я поел и тоже завёлся перед тем, как идти в интернет. А хули! Делать нечего. Говорю, что от этого блядского пения у меня неприятные ощущения в башке образовались, будто мне в уши срут и срут… А тебе бы лишь потеоретизировать о святом большинстве, которое я и в грош не ставлю со всеми их планами, что от Путина. [Мама встревает: Что ты кричишь?! Нормально разговаривай!] У самого, говорю, никогда в жизни не было музыкальной коллекции дома, никогда музыку толком не слушал, ни фильмов, ничего из мира искусства в хозяйстве не было. Всё понаслышке, а теоретик фигли вымахал. Всё заранее знаю, всё обдумал и разложил по полочкам. Пунктики-подпунктики. Слушать и смотреть для этого ничего не

надобно более. И так всё ясно. Всё по ящику в новостях покажут. Короткой строкой. Тот гений, а этот, увы, нет. Ходячая энциклопедия, ёкэлэмэне. Тот ерепенится дальше: «Не хочу тебя слушать! Тебе говорят, что нужно делать! Ты не слушаешь! Вали отсюда!» А я уже поел и был таков. А у него всё остывшее. Брр!

А, и ругательство у них есть одно на все случаи жизни, что у мамы, то и у отчима: «Ёб твою мать!» Каждый день слышу. Отчим кофе пролил: Ёб твою мать! Кошка на подоконник прыгнула неожиданно: Ёб твою мать, доча, ну нельзя же так! Уронит что-нибудь или в компьютере что-то не сохранит по ошибке: Ёб твою мать!.. Ёб твою мать!.. И каждый раз так громко, с чувством, словно руку сломал или глаз выколол. Мама ругается тише, но от этого не легче.

Только что пытался собрать все свои письма в одну кучу и прочитать всё скопом. Вспомнить таким образом, что же со мной было за прошедшую — последнюю:) — осень. К сожалению, нашёл в почтовом ящике не всё. То, что нашёл, читал в течение часа. Странные ощущения. Во-первых, всё описанное реально стоит перед глазами. Во-вторых, что обидно, читаешь текст, который уже не так сильно воспринимаешь, нежели когда его пишешь. Нет ощущения беды, когда касаюсь своего больного вопроса — Татьяны Александровны. А ведь когда писал — то со слезами на глазах. Ну, и ошибок целая куча. Надо было перечитывать свои письма после написания, но я ленился. Теперь стыдно. Иногда так коряво писано, что теряется смысл, либо заменяется иным. Ужасно много словесного мусора. Не понимаю, как вы это всё читаете?! Это же бред сплошной!!! Я не шучу.

Вчера мылся и заметил, что сильно исхудал. Странно, ведь ем более, чем достаточно и целыми днями валяюсь на диване. Гулять перестал. Мама готовит вкусно и калорийно. Да и на пряники-печенье-сушки-соломку-конфеты налегаю будь здоров! Соскучился в Германии по этим продуктам. При этом худею.

От себя не убежишь. Это верно.

Таня-Танечка-Танюша.

Посмотрел на эту сказку за окном и пошёл гулять на ночь глядя. Мама не советовала… Кто-нибудь помнит ещё — что такое снегопад, дамы и господа из Германии? А сугробы? А катки на пешеходных дорожках? А засыпанные порошей журналы и книги на латках? А предновогоднее настроение?..

А там ещё на следующий день плюсовая температура, и сугробы превращаются в жидкую кашу. А потом в ночь —

заморозок… Ага! Вот для чего нужны те машины, что были запаркованы во дворике с башкой Шостаковича. У меня такой нет. Ни башки, ни джипа. И поэтому я сижу в эти дни дурак-дураком дома. Читаю-читаю-читаю. Ем-сплю-моюсь. Опять читаю.

Но однажды решаюсь и иду романтично гулять по своему заснеженному району в его пустынных закоулках, слушая музыку (Цой «Группа крови»), и, конечно же, без шапки со снежинками на башке.

На одном из домов замечаю объёмную карту района. Размером она в несколько этажей. Надпись поверху: «Ленинские места в Петроградском районе». Ничего толком не разглядеть, т. к. рядом выросли деревья и скрыли ПЛАН ИЛЬИЧА местного масштаба от глаз ленинградцев эпохи ПЛАНА ПУТИНА. Да и ржавое там уже всё — фиг прочтёшь.

Всё это вокруг напоминает декорации к фильму. Тем более, что рядом как раз и снимается кино. Другая студия, не «Панорама».

Меня обгоняет шикарная тачка. Тормозит поодаль. Из неё выходит красавица (длиннющие ноги и шубка), с другой стороны выходит чудовище в костюме. Да нет, вполне нормальный чувак. Они заходят в ресторанчик. Мне остаётся лишь идти дальше. Тачку человек ставит на сигнализацию. Не угнать теперь…

Прохожу мимо продуктового ларька. Чего там только не продаётся. Безумное количество сортов пива. Начинаю их считать. Забавно, наверное, выгляжу со стороны, шевеля губами. Разве что пальцем по витрине не вожу. 56. По 20 бутылок на полке. Бляха-муха! Если в каком-то сраном ларьке такой ассортимент. И это только бутылочное. Баночное, думаю, — тех же сортов. Банки считать неинтересно. Зацикливаюсь на цифре 56. А мог бы ведь прочесть названия всех сортов пива.

Снег-снег-снег. Как мне его не хватало! Какое это счастье! Готов обменять его весь на свою любимую Таньку.

А сегодня я наконец-то сходил к Ринату. Проснулся, позвонил, пошёл. Ринатик совсем седой стал, но мало изменился за те семь лет, что мы не виделись. Это он подсчитал, пока я топал к нему. Живёт он в опустевшей 4-х-комнатной квартире. Опять-таки ощущение такое, что тех семи лет и не было… Ринатик, истинный трудоголик (воркахоликэр), работает сутками. Делает один проект за другим. Некоторые — параллельно. Всё сам. Дочки в Эл-Эе — на подхвате.

Мастер болеет. Название болезни не запомнил. Что-то с желудком. Показал мне фотографию в паспорте: смотри, мол, как я исхудал. Ну да, был полнее.

Говорит Ринат, что из-за того, что уехал делать полнометражный фильм («Швейка») в Киев, за год оборвались все контакты в Америке. Он был в панике, т. к. последние пару лет уже очень хорошо там зарабатывал, т. е. наработал 5 постоянных клиентов и несколько приходящих, и что они с женой даже купили себе виллу в рассрочку. У меня челюсть отвисла, когда он назвал мне его стоимость. Теперь у него на шее огромный кредит.

Оба мы «погрустили» на тему поиска работы. В Штатах всё те же проблемы с этим делом, что и в Дойчланде. Люди хотят всё получать на халяву, тебя охотно берут на подхват, но на постоянку — фигушки, качество твоей работы не влияет на трудоустройство, спасает лишь его величество случай, чему, к сожалению, не способствует количество разосланных резюме…

Реальный заработок — это видеоклипы российской попсе, от которой по-прежнему тошнит нещадно. А так как, как признаётся Ринат, он сильно подсел на идею полнометражного мультяшного кино, то ничего иного уже делать не хочет. Приходится работать лишь в силу обстоятельств.

Позвонила Танька, его жена, владелица теперь уже домика с бассейном. Она жаловалась на Рината: за то, что тот увёз её в Штаты, а сам ошивается в Питере. Ей же всё время хочется в Питер. Из-за младшей же дочери, которая заканчивает школу, приходится жить в Америке. Ринат на это ответил, что ему хочется жить в Эл-Эй, а приходится торчать здесь.

Стала расспрашивать меня о моей Татьяне, ругать меня… Мол, плюнь на всё, ты ещё молодой. Какие твои годы. Я сказал, что стойко придерживаюсь другой точки зрения. Пусть хоть все вокруг разведутся, я хочу быть лишь с одной дивчиной и баста, чтобы мне там не говорили обратного. Сам себе дурак. Танька сказала, что позвонит «моей».

Она спросила: Так ты из-за Татьяны вернулся в Питер?

Я: Ну, а из-за чего же ещё?!

Она: А от себя-то не убежишь.

Я: Да, Таня, мне это уже говорили…

Это, к сожалению, правда. Но как быть иначе, я не знаю. Мечусь из стороны в сторону. Все варианты плохи. Остаётся лишь их смена. Разнообразие.

Новый мультик, если проект состоится, будут делать аж в трёх городах одновременно: в Питере, Киеве и Николаеве. Работы года на полтора. И я вот подумал, а не втянуться ли мне в его процесс. Надо будет попробовать. Если получится, то всяко лучше, нежели все эти: выше по штативу, ниже по лучу, правее, шторки, фильтры… Но это пока наивные планы. Я лишь предполагаю, а… Скорее всего, я уже по части анимации

дисквалифицирован.

Я тут в прошлых письмах расхвастался снегом. А его и нет больше ни фига. Россия тырит погоду у Германии. А было бы лучше — наоборот. Теперь у нас тут сухо и тепло.

Я хохотал как безумный, бредя по набережной домой и решив-таки на ходу почитать «Постановление», что мне выдали в суде с реквизитами банка, на чей счёт я должен буду перечислить штраф за участие в Марше Несогласных. Я остановился на пешеходном переходе и стал ждать зелёного сигнала светофора. Здесь все ходят и на зелёный, и на красный, но я ещё на красный не научился. Смотрел на этот светофор и вспомнилась мне вот какая сценка из первых дней моей работы на студии.

Дениска-светотехник, рассказывавший мне о том, чем же таким интересным живет киношное сообщество, повёл меня как-то смотреть на «очень стрёмную наклейку», на которой была изображена, как он выразился, «девочка с писюном». Пошли смотреть. Круглая наклейка зелёного цвета с фигуркой внутри. Абстрактный рисунок. То, что Денис принял за «писюн», было рукой девочки. Дизайн был знаком мне по Германии. Эта фигурка была разработана для берлинских светофоров. Там есть ещё один вариант — мальчик в шляпе… Опять-таки с писюном-рукой. Кто был в Берлине, тот знает, о чём я. Я посмеялся и разочаровал своего приятеля. Это не писюн, Дениска, не хуй, не хуище, не елда, ни что-либо в этом духе, это всего лишь рука. Тогда он повёл меня к другой машине и попросил перевести то, что было у неё на борту. Dachbedekungen и прочие кровельные услуги, перечень услуг…

Когда мы в первый раз устанавливали кран для камеры, ребята попросили меня перевести им инструкцию для пользователей. Я перевел. Среди прочего было сказано о том, что в нетрезвом виде к крану лучше не подходить. Ребята сказали, что было бы гуманнее эти строчки невнятно промычать… Ни к чему им такая информация. Сами знаете — почему.

Когда к концу подошел очередной проект, наша бригада отказалась от празднования его окончания со всей съёмочной группой. Просто все эти мудаки — режиссёр, оператор, главный художник, часть администрации… — заебали окончательно. С ними было противно работать. Из-за них не хотелось работать. Не хотелось ничего придумывать, ничем помогать. На съёмочной площадке каждый раз была отвратная атмосфера.

Работая с гениями типа Бронзита, чувствуешь себя равным в рабочем процессе, хотя ни о каком равенстве и мечтать не

приходится. С Ринатом аналогичная ситуация. Эти мастера тянут за собой своих работников, а не презирают их, как это было на сегодняшней «Панораме». Быть одним из «светиков» было приятно, быть одним из съемочной группы — противно.

Маме 60

Она несколько недель к ряду готовилась к своему юбилею. Всё сама. Я пытался предложить ей свою помощь, но мама от неё каждый раз отказывалась. Она считает себя единственной хозяйкой на кухне.

Пришли близкие друзья. Начался классический русский день рождения с литрами водки и бесконечными тостами.

Я думал, что посижу полчасика за столом и затем пойду лазать по интернету. Один из друзей, Олег Исаев, очередным тостом посчитал нужным выпить за, так сказать, детей, т. е. за меня, единственного маминого сына. Он стал говорить, что ничего не знал — мол, всех моих бед — мама ничего никому не рассказывала… Я начал плакать. Не смог удержаться. После этого я уже не замечал вливаемой следующими тостами водки и почувствовал в какой-то момент, что перебрал и мне пора освежиться.

Я вышел из-за стола и пошёл в комнату отчима, сел там за компьютер. Голова от водки закружилась так, что я с трудом видел то, что было на экране монитора. Почти что вслепую я прервал связь с интернетом и лег на кровать. Заснул.

Проснулся я оттого, что весь рот и вся носоглотка наполнились рвотной массой. Я не успел развернуться и свесить голову с кровати. Всё вылилось тут же на кровать. Второй позыв. С трудом приподнявшись, я высвободил свой желудок уже удачнее — за борт. Грохнулся назад. Голова уже не кружилась, но я лежал пластом, абсолютно обессилев. Зашла мама и сказала, чтобы я перебирался на свою кровать. Я был не в состоянии сказать, что натворил тут чудес, рот не открывался. Мама, убирая с праздничного стола, заходила пару раз с просьбой встать и освободить отчиму кровать. Я лежал дальше. В очередной свой приход она заметила лужи блевотины, в которых я плавал: Господи, а этот тут облевал всё!

У меня нет сил даже устыдиться. Телом я не владею.

Мама: Вставай, и иди в свою кровать!

Потом я услышал мамин голос уже из гостиной: Один нажрался, другой облевал всё!

Отчим (пьяным голосом): Кто облевал? Я не могу встать. Лёша! Лёша, помоги мне встать!

Мама (зло): Сам вставай!

Отчим: Я не могу.

Мама: Нечего так было нажираться! Каждый раз одно и то же.

Это точно. Сколько таких сцен было за всё мое детство. К

утру мама отойдёт.

Отчим: Лёша! Помоги встать! Лёша!

Я лежу с вырубленным телом, ужасно болит голова, но отчего-то очень весело. Позор, а тем не менее…

Пытаюсь встать. Не могу. Так же как и отчим, лежу в тисках у тела. Оно не слушается. Я ещё никогда в жизни так не напивался.

Мама (отчиму): Вставай-вставай!

Отчим: Не могу. Помоги!

Мама: Я в последний раз тебе помогаю. Не встанешь сам, я тебе помочь не смогу.

Отчиму не подняться. Мама бросает его и прибирается дальше.

Отчим: Лёша! Помоги! Не могу встать. Нога не слушается. (сам себе) Сейчас. Сейчас. Надо собраться. Нет, ничего не получается.

Что толку, если он сейчас встанет?! Доберётся до своей кровати и плюхнется в мою блевотину…

Я встаю рывком и как есть — быстро иду в направлении своей кровати. Падаю на неё пластом. Заходя в комнату, замечаю отчима. Он сидит за столом, уронив на него голову.

Засыпаю. Просыпаюсь от того, что отчим своим ходом тащится к себе. Никаких охов с его стороны, значит, мама уже прибрала за мной.

Мутит от запаха блевотины. Но снять рубашку я не в силах. Будем терпеть.

На следующий день я проснулся с дико низким давлением. Голова не болела, но кружилась как накануне.

В комнату зашла мама. Я хотел извиниться за своё вчерашнее свинство, но вместо этого выдал: Доброе утро! Я вчера перепил…

Мама: Да, Лёнчик тоже.

Вот так вот. Даже не извинился. Отчего-то не смог. Испортил маме юбилей и не извинился. Прошу прощения здесь. Мама, извини! Я свинья.

Отделение 9.0

Сестра показывает мне девятое отделение. Спускаемся в подвал. Здесь комната для курения плюс бильярд. Ванная-душевая. Комната с теннисным столом. В углу боксёрская груша и перчатки. Комната для художников. В ней пахнет сыростью. Помещение со стиральной машиной. Поднимаемся на первый этаж. Комната медперсонала. Перед ней позже будет стоять столик с медикаментами. Туалет. Огромная комната отдыха с выходом на террасу. Комната для групповой терапии. В предбанничке книжный шкаф с парой сотен книг. Есть в клинике и большая библиотека, в ней интернет. Это я уже знаю. Сегодня подходит к концу последний день второго месяца моего пребывания здесь. Столовая. Маленькая. Нужно будет подлаживаться, все пациенты в неё не помещаются. Кухня и того меньше. Вдвоём не разойтись. Слава богу, что чайник другой!..

Поднимаемся на второй этаж. Заходим в моё новое пристанище. Комната мне чем-то не нравится, но я не сразу понимаю чем. К тому же она очень тёмная и тесная. Одна стена скошена крышей. Под ней стоят две кровати и две тумбочки. В ногах моей кровати стоит шкаф соседа, мой — в дальнем углу ближе к входной двери. Ключ в моём шкафу не проворачивается. Замок сломан. В середине комнаты стоит стол и аж четыре стула. На каждом из них по горке одежды и полотенец. Стол усыпан табачной крошкой. Банка табака и принадлежности для набивки сигарет. Пустая бутылка минералки. Большая кружка с чаем до краёв. Внутри плавает чайный пакетик с мятой. Два геля для мытья. Комикс «Астерикс». Рядом со входом висит раковина. Полка над ним уставлена косметикой. Куча всего. Не стану здесь перечислять. Надоело. Кровать у соседа не прибрана. На ней лежит средних размеров медвежонок. На полу три пустые бутылки: одна из-под минералки и две из-под колы. На тумбочке радио и ещё один комикс. Над моей кроватью висит картинка. Океан, пасмурная погода, на берегу стоят две фигуры. Пол их мне не ясен. Обе в красном. У одной белая юбка. В руках по копью. Рисунок средней паршивости. Окна выходят на улочку. Отчётливо слышны голоса проходящих. Цоканье дамских каблучков.

Распаковываюсь и традиционно сажусь на кровать. И тут удар ножа в сердце. Комната абсолютно такая же, как наша с Таней в первой квартире в Германии. Сходу начинаю плакать. Смотрю на эту фата-моргану и реву.

Понимаю, для чего на кровати лежало одеяло, которое я тут же бросил на свой шкаф, — в комнате очень холодно. Я начинаю

дрожать. Но я люблю прохладу, поэтому не особо страдаю.

Приходит сестра. Просит спуститься с ней вниз — заполнить пару анкет. Расписываюсь в том, что на время лечения не буду садиться за руль. У меня нет даже прав, не понимаю смысла в своей подписи. Заполняем мои кулинарные пристрастия для кухни. Впервые вижу такие подробности. Здесь можно распланировать как обед, так и завтрак с ужином. Выбираю везде сыр вместо колбасы, ну, и т. д. — что мне там больше по вкусу.

Одна из женщин кричит мне, когда я выхожу из столовой, чтобы отдать сестре заполненную анкету: Эй, ты! Слышишь! Я к тебе обращаюсь!.. Халлё!!!

Я не люблю такие обращения, поэтому делаю вид, что не слышу и ухожу прочь. Она, однако, через пару минут вылавливает меня в коридоре: Привет, мистер Икс! У нас принято представляться. Меня зовут Так-То.

Я: Я Алексей.

Она: Алексей.

Я: Да.

Ухожу прочь.

Соседа нет. Он не появится в этот день. Вечером я сажусь записать сегодняшние новости. Заходит приветливая толстая женщина.

Она: Добрый вечер! Пришла вас проведать. У вас всё в порядке?

Я лежу в кровати с ноутбуком, уже раздевшись и под одеялом. Сажусь, протягиваю ей руку для пожатия: Да, всё в порядке, спасибо.

Не знаю, как быстро я привыкну к этой комнате. Она ужасна. Я только и делаю, что вспоминаю нас с Таней в ней. В той комнате на Berliner Straße. Она словно замена чайника в 3.1.

В комнате отдыха двое пациентов собирают огромные картинки из пуцлей. Очередной привет мне от Кена Кизи и Милоша Формана. У них этим делом были заняты мистер Сефелт и Брюс, которому первый отдавал свои лекарства.

Гуляя по пешеходке, замечаю Самоубивцу, парня-немца, устроившего побег с цыганом. Он живой. Развозит на велосипеде с прицепом рекламные газетёнки. Как же всё банально обернулось. Цыган, если это тот Рамадани, лежит опять-таки на своём месте. Этот хмырь на свободе. Нет у него, видать, больше причин для самоубийства. А что же остаётся мне? Почему я не ухожу и не убиваю себя? Клиника эта — сплошной обман. Что я здесь делаю?..

Опять начались дни изучения моей фамилии.

Сестра: Как произносится ваша фамилия?

Я (пытаюсь произнести по слогам): Йев…

Она: Йев?!

Я: Нет, Ев-се-ев.

Она: Как?! Боже, как сложно. Ещё раз?!

Я: Йев, как английское Yes. Итак, ЙЕВ два раза, а между ними СЕ. Йев-се-йев.

Она: Евсеев.

Я: Абсолютно верно.

Она: О! Как просто!..

Всю субботу просидел в отделении один. Всё психи поразъехались. Забавно спускаться к еде, брать свой единственный поднос и тащиться с ним в столовую. Над клиникой опять кружит самолёт. Такое впечатление, что с каждым днём он спускается всё ниже и ниже. От него в здании трясутся окна. Я подумываю о том, что если бы этот самолёт свалился бы таки на клинику, на девятое отделение, в то время когда в нём находился бы я один, то это было бы гениальным завершением моего жизнеопесания. Вместо него издатели вставили бы заметку из местной газеты:

«Такого-то числа, там-то, при невыясненных обстоятельствах, произошло крушение воздушного судна, пилоты успели выпрыгнуть с парашютами, в результате падения был полностью разрушен один из корпусов клиники, жертвой катастрофы стал лишь один из пациентов, прочие были в отпуске, сестра вышла в этот момент за тюльпанами…»

Сосед Маркус вернулся домой за полночь. Я уже спал. На утро я увидел его спящим.

Чуть позже мы с ним познакомимся. Он очень приятный молодой парень. Рассказал мне, что вчера вечером очень испугался, увидев меня. В результате долгое время сам не мог уснуть. Он уже целую неделю здесь и всё время был один. Маркус тут же сдвинул в кучу свою косметику, освободив мне тем самым место. Я положил туда свою щётку и пасту. Бритву оставил в шкафу. А большего у меня и нет.

Гляжу на его медведя. Я тоже спал со своим Стёпой до восемнадцати лет… У меня тогда не было девушки. У Маркуса есть и медведь, и куча девушек.

Перечитываю сборник выражений, фраз и диалогов с Севой. Совершенно гениальная речь. Читаю с бешеным удовольствием. При этом плачу, не переставая.

Севе 3 года, мы пишем письмо моей маме. Сева говорит, что писать, я стенографирую:

Я: Что ещё бабушке написать?

Сева: Шоколадку напиши. Бабушка какао купит, и молочко купит и зальёт какао молочком. И вкусно — какао с молочком. Ещё есть молочко у нас?

Я: Не знаю.

Значит, было дело с молоком и какао. Не помню такого.

Ну, и из чёрного юмора по теме романа:

Сева чихнул и пукнул одновременно. Комментирует:
— Я чихаю со всех сторон, и сопельки идут.

Сева пукнул.
Я: Ой, Севина попа чихнула. Будь здорова, попа!
Сева: Нет, попа не чихнула.
Я: А что она сделала?
Сева: Попа пукнула. И не будь здоров!

Сева пукнул.
Я: Что это?
Сева: Попа.
Я: Что попа?
Сева: Попа кашльнула…

Сева пукнул.
Я: И что попа хотела этим сказать?
Сева: А-пчи! Она сказала: «А-пчи!»…

Сева готовится пописать. Застыл над унитазом. Вдруг пукнул.
— Попа помогает. Попа пИсать помогает.

Смех сквозь слёзы.

Сева и Настя сидят на кровати и смотрят книжку. Настя задаёт свой типичный вопрос уже в сотый раз:
— Это кто?
Сева молчит.

Настя: Это кто?.. Это дядя плачет!

Сева: Нет, дяди не плачут. Ты видела, как папа плачет? Не видела! Дяди не плачут.

Когда я стал жить один, я столько этих слёз пролил, что теперь с трудом верится. Я плакал часами напролёт…

Пророческое (мне):

— …всех уже выбросили в окно дядей. И тебя сейчас мама (выйдет <из ванной комнаты> и) выкинет в окно. Все же дяди плохие?! И все тёти выкидывают в окно дядей. Ты же плохой?! Да? Ёжик тебя уколет и съест тебя ёжик там. Всегда тётя выкидывает в окно. Тётя выкидывает только дядю. Мама тоже будет выкидывать тебя в окно. Хорошо!? Дяди, вообще что-то, не помогают и их выкидывают в окно. Ты ничего не варишь? И тебя мама выкинет в окно. Хорошо? А потом мы тебя принесём с улицы, и ты будешь что-то варить мне. Мама скажет: «Ты будешь мне помогать?» И ты будешь маме пердавать…

— Что делать?

— Ну, подавать!..

Не полностью сбылось. Выкинули — это да. С улицы, однако, не принесли. Оставили снаружи. Прогнали…

Сева видит, как Таня красит губы:

— Мама каси-и-ива — помаду носит!

Сева проснулся утром:

— Сева в бассейн ходил — маленький в большом…

Сева приносит мне теннисную ракетку и мячик:

— Не умею! Папа, умей!..

Сева увидел на ёлке шоколадный шарик:

— Мама, сними! Сева хочет шоколадку!

— Нет, Севочка, нельзя. Она ёлочку украшает.

— Нет, Севу украшает!..

Сева едет на автобусе и смотрит в окошко:

— О..! Вон, солнце торчит!

Я бреюсь, Сева комментирует:

— Папа бороду чистит!..

Ещё:

— Папа краном моется!..

Сева сквозь сон:
— Квакадил конoретку съел…

Сева учуял, что я жую жевачку, и выпрашивает для себя:
— Папа, я тоже хочу жевачкой пахнуть!

Сева будит меня субботним утром:
— Папа, вставай! Уже солнце светит. Надо быстрее спать…

Сева кашляет:
— У меня голос болит…

— …пол седьмого. На часики посмотри! Дед Мороз выходит на Новый Год…

— Папа, выключай телевизор! И компьютер выключай!
— А ты описанный. Посмотри на свои трусы!
— Папа, хватит менять меня. Хватит менять меня на мене! Мама будет меня менять…

Накачиваю воздухом мячик:
— А-а, это под задницей лопнет!..

Таня болтает по телефону. Я говорю Севе:
— Сева, иди к маме и скажи ей: «Матушка, хватит чесать языком!»
Сева убегает, слышу:
— Матушка, хватит чесать языком себя!

— Ну что, теперь покакаешь?
— Я, вопче, теперь какать не буду. Я расти буду.

Сева в самолёте.
— Всё, выходить хочу. Хочу я на небе посидеть, вон там!

Таня приносит на кухню сгнивший кактус и выбрасывает его в ведро.
— Он уже испортился?
— Да, он сгнил. Больше не жилец.
— Он больше не железный?
— Не жи-лец! Не жи-и-лец.
— Да, кактус больше не железный…

Сева накрывает Настю одеялом:
— Вот так, Настя, надо. Чтобы «Памперс» не видно было.

Сева смотрел фильм, в котором была сцена родов. После её окончания:
— Тётя плакала… Бэби нашёлся, и тётя не плачет больше.

Повторяем с Севой алфавит. Дошли до буквы «и», которую он забыл.
Я: Какая это буква?
Сева: Ну, запомни мне!

— Настя сказала мне: «А-гу». Что это? Не знаю — что за «А-гу»?..

Я сплю. Сева о чём-то спрашивает меня. Я же не в силах ответить.
— Папа, почему ты не отвечаешь слов?

и т. д.
Теперь из Настиных речей:

Настя Севе:
— Не надо кусать! По попе ругать буду!

Настя: О, бокс!
Я: Это не бокс, это — футбол.
Настя: Кидаются мячиком?!

Настя: А это что такое?
Я: Это пенёк. Дерево спилили, и остался пенёк.
Настя: А птички будут орать!..

Я побрился.
— А кто тебе бороду отпилил?
Чуть позже:
— А когда уже будем тебе бороду делать?

Настя за обеденным столом:
— Ну, выключи уже солнце! А то мне всё в глаза светит.

Я: …невоспитанная девочка. Папа её покормил, а она даже спасибо не сказала!

Настя: Das ist aber kein Geschenk![115]

Настя мне:
— Сейчас я скажу маме, что ты плохая игрушка!

Да, я действительно плохая и сломанная игрушка. Брошенная игрушка.

Нашёл у себя также записи речей некой Марго. Сумасшедшая женщина, «претендовавшая» на роль каргИ в «Карге».

— Не надо мне тут мимику устраивать!

— Ты знаешь, как здесь историю преподают?! В школах, знаешь?! Не знаешь?!! А я тем более не знаю!..

— Они ведь лезут нахрапом. Разве я лезу к кому-нибудь, нахрапываю?!

— А всё то мерзкое, гнусное мужичьё! Которые как склочное бабьё…

В помещении типографии, где я теперь работаю (Arbeitstherapie) и зарабатываю деньги для Рустама, на стене читаю следующий текст:

Wer sagt hier: «Ich kann nicht»?
Denken Sie an die Hummel.
Die Hummel hat 0,7 qcm Flügelfläche bei 1.2 Gramm Gewicht. Nach den bekannten Gesetzen der Aerodynamik ist es unmöglich, bei diesem Verhältnis zu fliegen. Die Hummel weiß das aber nicht — und fliegt einfach.[116]

Была в «Карге» одна девушка, Марианнэ, желавшая выучиться на преподавателя немецкого. Я пытался объяснить ей все свои проблемы, связанные с изучением языка. В первую очередь о безумной скуке из-за школьной программы.

Я рассказал ей, что первые сдвиги в изучении немецкого у меня начались лишь тогда, когда я тупо зазубрил несколько фраз. Не слов, а именно фраз. Как правило, это были цитаты из фильмов. Такая вот, например, говорит Роберто Бенини: «Ich bin es, Gloria. Ich habe mein Führerschein vergessen. Es liegt auf dem Tisch neben dem Obst». Эта фраза, будучи в контексте фильма, весьма смешна и каждый раз превращается в шутку. Благодаря ей

учишь несколько правил сразу, и что самое главное — мелодику языка. Очень быстро я стал чувствовать, что говорю грамматически неверно, т. к. построение предложений звучало коряво. Я сразу мог себя проанализировать и поправиться. Выше приведённый текст про шмеля — один из отличных примеров для домашнего задания. Эту фразу полезно выучить новичкам, и она будет актуальна на протяжении всей жизни. Это в тысячу раз полезнее нежели «Herr Müller wohnt in einem Haus». Нужно тупо заучивать смешные, содержательные тексты — это единственный метод для неспособных людей типа меня вылезти из постыдного языкового примитивизма.

Я объяснял Марианне также, что в отличие от немцев, русские очень завязаны на идиомах. Все мы нагружены цитатами из фильмов и книг, поговорками и прочими языковыми формулами. Выучив язык по учебнику, иностранцу не просто бывать в русской компании, т. к. он не въезжает в смысл сказанного, не слышит подтекста.

Выучить немецкий анекдот куда полезнее, чем жизнеописания господина Мюллера. Но кто в школах предлагает такие методики? Никто. Нас заставляют покупать учебники, и мы бессмысленно талдычим: «…in einem Haus». Тфу!

Тук-тук-тук! В комнату заглядывает господин Ройч. Мой первый лечащий врач из 5.2. У него подростковое лицо и вечное выражение — только что проснувшегося, но выспавшегося человека — на лице. Он ищет пациента, чьего имени я ещё не знаю. Прежде чем он успевает закрыть дверь, я задаю ему вопрос:

Господин Ройч, я слышал, что господин Рамадани опять в вашем отделении. Это так?

Он: Я не могу об этом рассказывать.

Я: Ну, хотя бы чуть-чуть.

Он: Да, он опять у нас.

Я: Давно уже?

Он: С того момента, как его вернули.

Я: Ясно…

Он: Вам не следует забивать себе этим голову.

Мощный совет.

Вау, значит, это правда!

Я уже ходил как-то мимо пятого отделения. Видел в окнах знакомые лица медперсонала и нескольких пациентов. Т. к. подсматривать часами у меня не было сил, цыгана в окне курилки я не дождался.

На следующий день в отделении была дискотека. Таким образом прощались с тремя пациентами, покидающими клинику.

На вечеринке на этой я разговорился с одной девчонкой. Она только что из 5.2. Я спросил её о Рамадани. Та его не помнит. Я начинаю рассказывать его историю, говорю, что он вроде как сейчас должен всё время проводить привязанным к кровати.

Катрин: Ах, этот! Да, точно, там был один парень, которого прямо на кровати вывозили в столовую есть. Он всё время к ней прикреплён. Явно, что под медикаментами, ни звука от него не слышно.

У Катрин схожая с моей проблема: с мальчиками ничего путного не получается. Она надеется на врачей.

Я спрашиваю этого готического персонажа: И как врачи тебе могут помочь?

Она: Беседами.

Я: Ты в это веришь?

Она: Нет, но что тогда делать? Сама я не справляюсь. Не могу находиться одна. На прошлых выходных была дома и в результате сбежала оттуда сюда.

А я, чтобы сюда не сбегать, отсюда и не выбегаю. Сижу здесь сиднем.

Отделение 9.0 действительно для таких людей, как я — не безумных, но с проблемами. Здесь все пациенты адекватные и в результате малоинтересные. Я уже с грустью вспоминаю 5.2. Зачем я оттуда *перевёлся*?!.

У меня закончились деньги. В кармане 90 центов. Я прогулялся по пешеходке в поисках недостающих до евро десяти центов. На евро можно было бы посидеть полчаса в интернет-кафе. Не нашёл.

Деньги за работу в типографии выдадут лишь через две недели.

Первая беседа с врачом в девятом отделении. Опять всё с начала. Моя биография.

Родители-развелись — с-отчимом-никакого-контакта — детство-своё-ненавидел — учился-в-школе-плохо — запрещали-ходить-на-секции-и-кружки — поступил-в-институт — через-два-года-бросил — начал-рисовать-мультяшки — встретил-в-студии-будущую-жену — стал-счастливым-человеком — бегал-от-армии — подали-заявление-на-эмиграцию — приехали-в-Германию — работал-там-то-и-там-то — родились-дети — безработица — выучился-на-телевизионщика — стал-жену-раздражать — дошло-до-ненависти-с-её-стороны — попросила-меня-уйти — ушёл — не-справился-с-этим-и-сломался…

«Кровь наполнила рот. Вот и всё, приплыли…»[117]

Под конец, когда я сказал, что жена меня не любила, знала и говорила изначально, что мы расстанемся, врач раз десять повторил: «Das ist aber hart!»[118] Он выглядел заевшей пластинкой.

Я не стал возражать. Я тоже всегда к этому так относился.

Он: Зачем вам это было нужно?

Я: Я её очень любил. Она была самым чудесным человеком в моей жизни.

Он: Но это не жизнь. Как так можно?! Это единственная женщина…

Я: Да.

Он: Столько лет вместе и не любила… Das ist aber hart!

Я: Но жизнь без неё ещё более невыносима.

Маркус, заходя в комнату: Привет, компьютерный человек!

Я: Привет! Мой прошлый сосед говорил мне: «Привет компьютерный эксперт». «Человек», конечно, более подходящее мне слово.

Маркус: Ха-ха-ха!

Я: Компьютер стал частью моего тела…

Он: Ты компьютер-джанки.

Я: А так меня называла руководитель телевизионной школы. Здесь ты не оригинален…

У Маркуса на тумбочке лежит его «домашнее задание»:

AUFTRAGSKLÄRUNG/THERAPIEZIELPLANUNG

Auftrag: …

Ziele: …

Maßnahmen: …

Я со своей анкетой не справился. У меня нет ни задания, ни целей.

Гуляю. Мимо на велосипеде проносится Самоубивца. В следующий раз я наберусь храбрости и остановлю его. Расспрошу о побеге.

Смотрю на журнал, в который заносятся выходы пациентов на волю. Примечательна графа «цель»: «церковь», «магазин», «парк»,

«город», «гулять», просто «прочь»… Я хожу всегда «прочь».

Совершенно точно помню, где смотрел впервые «Кукушку». В кинотеатре на Староневском, рядом с гостиницей «Москва». Фильм произвел мощнейшее впечатление. Я плакал.

Маркус — это точная копия с Хайко из Берлина: мимика, голос, манера говорить… Хайко был одним из моих лучших друзей в берлинской анимационной студии. Хайко рисовал комиксы, Маркус их читает. Они у него здесь повсюду. Маркус очень симпатичный человек. Он тоже, как и все мои прошлые соседи, ночью пукает. Мы регулярно смотрим с ним фильмы на моём лэптопе, которые Маркус приносит из дома, берёт у друзей, в прокате. Маркуса терзают страхи. Он никогда не рассказывает об этом. Он наркоман, говорит, что 2/3 пациентов 9-го отделения регулярно курят траву, жуют грибочки. Выходные он проводит на дискотеках с обилием алкоголя и экстези.

За завтраком бездумно листаю телевизионную программку. На одной из страниц — реклама почтовых марок. «500 штук в подарок!». На картинке нахожу одну марку с портретом фюрера. Обращаю на этот факт внимание соседей по столу. Одна из женщин говорит, что у неё дома целая коллекция марок с Адольфом: Ваш Шталин был тоже не из ангелочков…

В коробке от рапидографов собралось 24 антидепрессантные таблетки. В последнюю неделю мне стало лучше. ЕСТЬ МЫСЛЬ ОТЧЕГО…

Давление стабилизировалось, утром легко просыпаюсь, появилась энергия — охотно бегаю по лестницам, перестал капать мочой в трусы.

Которую неделю уже работаю в типографии. Там очень смешная команда: малюсенькая старушка с детским телом, педик, толстый итальянец по имени Ариа (Звучит по-немецки как Arier = Ариец), через неделю сюда пришлют Шарлотту, и шеф. Увидев мою работоспособность, он спросил меня, не работал ли я раньше в печатном деле. Нет, не работал. Но тут же все процессы по плечу даже ребёнку. Это же не работа для головы, любой операции учишься за пару-тройку минут, далее — сплошной конвейер. О нет, далеко не все справляются с подобным трудом! Да, но мне-то что от этого? Ну, работаю я более качественно, чем прочие, быстрее их раз в двадцать, самостоятелен, от работы под предлогом покурить не отлыниваю. Какая такая польза от этого всего?! Я не понимаю смысл терапии. Вы работаете без стресса, у

вас нет плана… Дак мне же наоборот нужен темп, нужно разнообразие… Иначе скучно. Я не могу выполнять механистическую работу. Т. е. могу, конечно, но до поры до времени, пока не отрежу себе пальцы на резаке, т. к. голова в процесс не вовлечена и гоняет отстранённые мысли.

Иду с почты, куда меня посылают из типографии, чтобы принести заказы на нашу продукцию. Это особое почтовое отделение находится на территории клиники. Туда часто заходят и врачи по своим делам. В двери сталкиваюсь со своим первым главврачом, тем что на Вуди Аллена похож.

— Добрый день.

— (удивлённо) Вы всё ещё здесь?!

— Ага…

Иду с пачкой бумаг в согнутой руке, впереди меня женщина, что-то бурчащая себе под нос. Она то и дело оглядывается на меня и начинает кричать: Не преследуйте меня! Зачем вы меня преследуете?! Я оборачиваюсь, позади меня никого нет. Преследователем, выходит, быть мне. Женщина убыстряет шаг и выкрикивает проклятия в мой адрес. Дойдя до 3-го отделения, она забегает в него и из двери кричит мне: Прекратите меня преследовать!!! Вы не мой врач!!!

Записали меня также на Kunstwerkstatt. Рисую картинки и объясняю терапевту, что нарисовал и почему. Среди пациентов — та женщина, чьи картины мне понравились в отделении 4.1. Теперь она рисует акварелью кору деревьев. Любое обращение к ней она воспринимает как агрессию и грубо огрызается. Её все побаиваются.

Здесь же я встретил Ралуку. Она ожила и с ней теперь можно общаться. Она не любит рисовать, хотя рисует очень интересно. Ей больше нравится болтать с пациентами по всяким пустякам. Она, как и дед Розенберг из 4-го отделения, многолетний клиент больницы, знает здесь всё наизусть. Занятия приелись, общение ещё нет. Фрау Диттмар, кунст-терапевт, пытается её уговорить что-либо сделать. Ралука тут же пускается в описание того, что ей хотелось бы нарисовать, какими красками, подражая какому художнику. Она болтает-болтает, болтает забавно и весело, но рисовать не начинает. Когда же её уже начинают «тыкать носом в лист бумаги», обложив красками, кисточками, банкой с водой, она просит разрешить ей сделать паузу и попить кофе. У фрау Диттмар опускаются руки…

Михаэль, которого я знаю по третьему отделению, рисующий километры абстракций, вместе с делом рассказывает

практикантке о своих психозах. Однажды он очнулся в Риме…

— Стою перед фонтаном Дю Треви.

— И…

— Ну, т. е. я был у себя дома в Ганновере, а тут вдруг стою на улице Рима. Как я там очутился, я не помнил совершенно. В кошельке было достаточно денег, чтобы купить билет и вернуться назад в Германию.

— Не понимаю, как такое возможно.

— Я прилетел в Рим на самолёте, в кармане был билет.

— Но получается, что вы сами поехали в аэропорт, купили его…

— Да. И из аэропорта добрался в центр города. Но я этого вспомнить не смог. Провал в памяти.

— Удивительно.

— Хуже было в другой раз. Тогда я оказался в Париже. Была зима, и я был в одной рубашке, денег с собой не оказалось.

— Господи!

— Пришлось искать посольство, там мне дали денег на обратный билет.

— Без всяких проблем?

— Да, конечно, но я потом выплатил им всё обратно.

Михаэль — интеллектуал, поэтому-то его крышу и сносит в сторону великих городов.

Коллекции лучших работ пациентов нашей клиники мог бы, думается, позавидовать не один музей. Я регулярно наведываюсь в комнату, где она размещена, и выстаиваю там с четверть часа с чувством горькой зависти. Таких вещей мне не создать, я ещё не настолько свихнулся.

В очередной раз пересмотрел «Кукушку», а также «Making of» к ней.

Скачал из интернета текст романа Кизи. Улыбался, находя характерные для набивки текста ошибки. E-Book «Над кукушкиным гнездом» был именно набит вручную, а не отсканирован и распознан FineReader'ом.

Вот характерные примеры невнимательного прочтения с оригинала:

— Насколько я понял, мистер Макмерфи[119]*, раньше психиатры вами не занимались?*

— Мак-мер-фи, док.

из оригинала:

«You've — it seems — no other psychiatric history, Mr. McMurry?»

«McMurphy, Doc.»

Мир принадлежит сильным, мой друг! Ритуал нашего существования основан на том, что сильный становится слабее[120]*, пожирая слабого.*

из оригинала:
This world… belongs to the strong, my friend! The ritual of our existence is based on the strong getting stronger by devouring the weak.

Если на процедуры не скупятся, человека можно превратить в подобие мистера Элвиса[121]*, которого вы видите у стены.*

из оригинала:
Enough of these treatments and a man could turn out like Mr. Ellis you see over there against the wall.

Удивляюсь исчезновению самолёта. Того, что летал над моей историей. Он пропал… Заболел?!.

Коллекционер

«Я знаю, что я для него такое. Бабочка, которую он всю жизнь мечтал поймать. Помню, когда я впервые встретилась с Ч.В., он говорил, что коллекционеры — самые отвратительные из всех живущих на земле скотов. Он, конечно, имел в виду тех, кто коллекционирует произведения искусства. Тогда я его не поняла, я подумала, он просто стремится шокировать Кэролайн — и меня заодно. Но он, разумеется, прав. Коллекционирование — это антижизнь, антиискусство, анти — все на свете».

Джон Фаулз «Коллекционер»

Первой моей пародией на коллекционирование были спичечные коробки, превращённые в солдатиков. Их я помню по отдыху с родителями в Коктебеле в начале 80-х. На юге, выброшенные коробки, оставались сухими и не испачканными, нежели в питерских широтах. Их можно было собирать и тут же пускать в дело. Коробок выдвигался наполовину, и на выдвинутом днище рисовалась рожица солдата. Помню, что насобирал их безумное количество за те несколько недель, что мы провели на курорте. Родители не разрешили везти их домой, мне пришлось закопать свою армию в саду участка, где мы снимали комнату. Я надеялся вернуться сюда на следующий год и поиграть с ними дальше.

Потом начались марки. Это увлечение длилось у меня лет пять. Я собирал марки с изображениями животных. Тратил на эту страсть все сбережения и много времени. Ездил на угол Литейного и Разъезжей в магазин филателистов. Там ко мне подходили мужики и предлагали марки, которые никогда не доходили до прилавков магазинов. Они назывались жучками. Мы шли в соседнюю парадную дома, и я улетал там на небеса. Жучки доставали свои альбомы, в которых я искал себе новинки. Мне хотелось скупить всё, но столько денег у меня не было. Приезжая домой я сталкивался с проблемой размещения марок в своих альбомах. Далеко не все коллекции можно было красиво

расставить, я очень много времени тратил на их позиционирование. Часто было так, что я вынимал на кровать все имеющиеся в наличии марки и брался за композицию с нуля.

В какой-то момент, будучи уже в старших классах школы, я к этому делу остыл. Впоследствии мне удалось продать всю коллекцию за какие-то гроши, лишь бы от неё избавиться.

Началась перестройка. Почти все газеты и журналы стали публиковать статьи о музыке и музыкантах, о которых до этого было не принято писать. С этого момента началась вторая крупная фаза коллекционирования. Я стал собирать эту музыкальную критику и подшивать её в папки. К тому времени я учился в институте или, скорее сказать, много прогуливал. Был избыток свободного времени. Уходил с утра якобы на учёбу, но вместо этого ехал в город ходить по кинотеатрам, музеям, находил себе места, где можно было бы посидеть с книгой, бродил по магазинам в поисках очередной периодики. В какой-то момент я перестал их читать, т. к. в них писалось одно и тоже и забросил свою страсть. Выбрасывать это добро было жалко, и я отвёз его на дачу. Там оно и сгинуло.

На очереди появились компакт-диски. Я неожиданно увлёкся российской рок-музыкой и бардами. Я стал скупать всё имеющееся в отношении следующих музыкантов: «Аквариум», «ДДТ», «Кино», «Пикник», Александр Башлачёв, «Наутилус», Майк Науменко, Высоцкий, Галич, Окуджава, Визбор, Валентина Пономарёва…

В Германию я выехал с первой сотней дисков. Потом их набралось около пятисот. Уже из Германии я пополнился Умкой, Ольгой Арефьевой, «Аукционом», «Звуками Му», «Нолём»…

Опять-таки в какой-то момент остыл. В интернете уже можно было скачивать музыку в mp3. Плюс к тому сотни неизданных записей.

С интернетом связано моё последнее коллекционирование. Я увлёкся чтением. Открыл для себя кладези электронных библиотек. Стал читать значительно больше, нежели бумажного чтива, стал читать разнообразнее.

Теперь я более не коллекционер. Я веду неофициальный сайт — архив текстов Эдуарда Лимонова, а также собираю публицистику нескольких других авторов, но это уже не коллекции. Это всего лишь безболезненное увлечение. Это уже чистое пользование, нежели складирование. Здесь я тружусь без особой страсти, уже не готов отдать то последнее, чтобы поймать свою новую бабочку. Коллекционирование перестало быть болезнью. Это очень здорово. Здорово, потому что коллекционирование — ужасная болезнь для самого

коллекционера. Она отравляет его жизнь и жизнь его близких.

* * *

Таня обвиняла меня в шантаже. Я говорил ей в ответ, что это не шантаж, это всего лишь горький итог моей жизни.

Если же это и был шантаж — этим моим самоубийством, то шантажировал я, да и то, поверьте, непроизвольно, только того, кого в зависимости от контекста пишут, либо с заглавной, либо со строчной буквы. Он, или кто-то из той сказки, дал мне способность записывать окружающую реальность, вспомнить детство, оставаясь при этом довольным написанным. Этим щедрым подарком свыше я и продержался на плаву до сих пор.

Господи, как мне стыдно за себя перед детьми! И ничего не могу с собой поделать, чтобы оставаться для них отцом. Не справляюсь с ситуацией. Я плохая игрушка.

И всё-таки, болен я или не болен? Без понятия. С одной стороны — да, т. к. столько лет люблю женщину, не отвечающую мне взаимностью. Я испортил ей жизнь. Можно сказать, что и себе самому. С другой стороны, у неё на руках остались замечательные дети, которые составляют её жизнь.

Я чувствую себя до безумия одиноким. Уже успел позабыть, как выглядит близость с женщиной. Сны больше не снятся. Они остались в 5.2.

Болен-не-болен — не столь важно. Важно то, что я никак не могу перейти в другой статус, перебраться с одного уровня на другой, измениться под действием сложившихся обстоятельств. Никакой эволюции уже давно. Тело не свыкается с потерей семьи, и я не в состоянии что-либо с этим сам поделать. Надежды все испарились. Надежд нет, планов нет, сил нет… Как встать на ноги?..

Рассказ о Марше Несогласных

Летом 2007 года я вернулся из немецкой эмиграции в свой родной город. Так уж получилось, что я сбежал из Германии — прочь от своей несчастной любви в первую очередь, и от безработицы во вторую. Долго об этом думал и понадеялся, что если время не лечит, то уж пусть расстояние, регулярная работа, новые знакомства мне помогут. (Не помогли. Подтвердилась банальная истина — от себя не убежишь).

В последний раз я был в Питере ровно десять лет назад. В августе улетел, в августе вернулся.

Город, как ему и положено, встречает меня таможней. Симпатичная женщина, держа в руках мой российский загранпаспорт, строгим голосом спрашивает: Алексей, а вы умеете писАть?

Я (тут же сознаюсь в грехе): Да…

Таможня: А почему у вас паспорт без подписи?!.

Я: Не знаю…

Таможня (возвращая мне паспорт): Проходите. И не забудьте расписаться.

Прошло несколько месяцев. Я уже пообжился, поработал, навидался много чего. Ждал очередного питерского МАРША НЕСОГЛАСНЫХ. Хотелось увидеть это действо вживую. Live. И вот он на подходе. 25 октября 2007 года.

Просыпаюсь в тот «злополучный» день в жутком совершенно состоянии. Моя дорогая двухлетняя депрессия. Обострение. Всё из-за телефонного разговора с бывшей женой накануне. Она в очередной раз наказывала мне (просящему её в который уже раз позволения вернуться в семью: к ней, любимой, к детям): взять себя в руки, стать мужчиной, занять себя чем-нибудь…

Вот я и…

Позавтракал и решил пройтись. Просто так гулять я не умею. Я умею гулять к определённой цели. В качестве таковой я наметил себе покупку последней книжки Брэта Истона Эллиса «Лунный парк», коли таковую найду. Любимый магазин — Дом Книги на Невском. На старт, внимание, марш!

Нет, на марш идти не собирался. Не до того уже было. Не до маршей. Депрессия у меня, братцы. Я не активист, хотя вроде и не обыватель, но всё-таки более овощ… Трусоват одним словом. Так глянуть, конечно, интересно… Но не сегодня. Когда там следующий раз?..

[Политика мне лишь с эстетической точки зрения интересна. Я — лишь наблюдатель. Оттого с равным удовольствием читаю публицистику: и Лимонова, и Проханова, и Быкова, и Новодворскую… Каждый в ней по своему хорош.]

Когда выходил из дома, пришла мама из магазина. Спросила — куда иду. Мол, весь город наводнился милицией из-за предстоящего Марша Несогласных. Не ходи туда. Тут-то всё само собой и решилось: иду. Будто бес под ребро толкнул. Что на хрен за совет человеку в неуравновешенном состоянии — не ходи!.. «Там снег, в башка попадёт…"

Когда переходил с петроградской стороны Троицкий мост, что упирается в Марсово поле, увидел, что впереди на улице Миллионной (бывшая террориста Халтурина), улице моего рождения и первых шести лет жизни (где теперь на первом этаже моего дома — нелепая итальянская пиццерия), всё оцеплено милицией: куча транспортных средств и ментовня стаями… Сворачиваю на пустынную Дворцовую набережную и иду к Зимнему. На подходе к месту событий, на протяжении всего Эрмитажа стоят группы ОМОНа. Чем дальше иду, тем гуще эта свора. Попадаются среди них также люди (люди ли?) в цивильной одежде. Понятное дело — будут внедряться в толпу: разведка, провокаторы… Очень неприятная на лицо публика.

Дохожу до эпицентра, где ещё ничего не происходит, и сворачиваю в сторону Невского проспекта. Вся Дворцовая площадь оцеплена. Плечом к плечу стоят менты на протяжении метров эдак трёхсот, до самого Невского проспекта. За их спинами — железные ограждения и плотная стена из очистительной техники. Вдоль этой живой стены бродят люди. Граждане-цивилисты. Очень мало, хотя до начала марша остаётся всего лишь четверть часа, если, конечно, мой iPod не врёт. Не вижу смысла здесь стоять или прогуливаться и иду на Невский — пройтись-таки по книжным. Через каждые двадцать метров — кучки ментов человек по пять, на перекрёстках и на мостах — уже десятки. Проход на Дворцовую через арку генерального штаба также закрыт и оцеплен в несколько слоев.

Добираюсь до Дома Книги. Брожу по нему и нахожу желанную книгу. Стоит она 300 рублей. У меня с собой только 170. Обидно-досадно-да-ладно.

Иду обратно по тому же маршруту. Наблюдаю людей, подходящих к милиционерам и что-то их спрашивающих. Им охотно показывают рукой в сторону Дворцовой. Ничего не слышу, т. к. в наушниках слушаю музыку. «Doors»: «Soft parade».

Добредаю до места действия: пересечения Дворцовой

набережной и Дворцового моста. В этот момент с той стороны (ближней к Эрмитажу), по которой я шагаю, срывается солидная толпа ОМОНа и бежит через дорогу к немногочисленной группе людей, что стоит на тротуаре у Адмиралтейства. Я иду по освободившемуся пространству, равнение — на убежавшее стадо. Шоу началось. Еще одна группа демонстрантов видна напротив на Адмиралтейской набережной. ОМОН врезается в толпу и тут же начинает выныривать из неё, ведя в разных позах заломленных ребят. Тех, кто сопротивляется — бьют. Бьют не дубинками, а просто кулаком в лицо. Вижу подобное неоднократно. Явно не по уставу. Поверх этой бойни слышны звуки мегафона: «Граждане, проведение митинга по проезжей части запрещено властями города» и что-то там про административное нарушение. Плохо слышно, хотя я нахожусь на другой стороне улицы. Метров 20 от силы. Забавно, что народ переходит с одной стороны улицы на другую по сигналу светофора, мимо проезжают машины. На проезжей части никого нет, лишь те, кого оттесняет ОМОН. Руководителей митинга не видно, народ просто ждёт указаний от организаторов и находится в явной растерянности. Ни флагов, ни транспарантов, ни речей митингующих в мегафон, ничего нет…

Я вновь одеваю наушники и иду на мост в направлении дома. С другой его стороны от омоновцев убегает паренёк с горящим файером. Красиво. Иду и грызу себя за то, что боюсь подойти к толпе протестующих и получить в рожу от омоновца. Всё, на что я способен, — это постоять в сторонке, поглазеть. Сильно смахивает на просмотр фотографий и видеозаписей, что я видел в интернете, ещё будучи в Германии. Всё выглядит плоским. Чтобы почувствовать объём, нужно перейти улицу и войти в это бойню. А мне, братцы, страшно. Weicheier!

Ясное дело: я же без гражданского паспорта, без прописки, даже без регистрации… Но страх не из-за этой чепухи. Подумаешь, влепят штраф. Я же всё-таки в своём городе. Четверть века здесь прожил. Страх перед кулаком ОМОНа…

Иду понуро прочь. На Васином острове припарковано несколько свадебных лимузинов. Невесты в белых платьях. Фотографы. Улыбки. А на другой стороне моста в это время идёт побоище, мочилово… Город контрастов. Смотрю на некрасивую пару новобрачных, на бутылку шампанского в руке свидетеля, суетящегося видеооператора… и, решившись (в этот момент Джим Моррисон в ушах говорит «This is the best part of the trip. This is the trip. The best part. I really like…»[122], «…What did you say?»[123]), перехожу по зелёному сигналу светофора на другую сторону моста и иду вновь к месту событий. За эти десять минут сцена значительно поредела. У меня даже было ощущение, что

всё закончено. Не успел. Надо же — как всё быстро улетучилось, или же скорее стало вялым. Какое-то количество людей ещё находится там и преследуется ОМОНом. Чтобы не поворачивать назад и не метаться, я решаю пройтись по Адмиралтейской набережной до Медного всадника и вернуться домой через мост Лейтенанта Шмидта, или как он там называется. Тупо иду вперёд мимо любопытствующей толпы и групп ментов, что стоят на мосту и на сходе с него. Куча зевак с фотоаппаратами. Дохожу до набережной, сворачиваю на неё… Всё это под музыку, которую я слушаю. Своеобразный soundtrack к изображению.

Мимо меня проносятся пять омоновцев-охотников, подбегают к ребятам, что стоят впереди и наблюдают за происходящим, хватают их и волокут назад, туда, откуда омоновцы прибежали. Я в этот момент останавливаюсь, освобождаю им проход. Замыкающий, пятый, без добычи, хватает меня за рукав пальто и, срывая с места, волочёт за собой. Я, извиняюсь за подробность, от неожиданности обильно выпускаю газы. Но газовая атака не помогла… Всё напрасно. Зато картинка стала объёмной. Наконец-то вписываюсь в историю.

Я ошарашенно и глупо спрашиваю омоновца: А где тогда мимо проходить, если не здесь?

Он (ниже меня на голову, коренастый): Я щас тебе, бля, покажу, где лучше проходить!

Зло тащит меня за собой.

В голове лишь одна мысль — выключить плеер. Наушники я уже сбросил с ушей, или же они сами слетели, когда меня рванул на себя этот разъярённый страж правопорядка, но звук из них, висящих на шее, раздражает. Sorry, Jim![124]

Я: Подождите тогда секунду. Я выключу плеер.

Возбуждённый омоновец бежит рысцой со мной через дорогу: В автобусе, сука, выключишь!

Совершенно не страшно. Ни капельки. Удивительно!

Свободной рукой достаю свой iPod из штанов и выключаю. Всё на бегу. Омоновец ругается, кроет матом. Доводит меня до автобуса, направляет в переднюю дверь. У меня мелькает мысль, что он меня сейчас ещё и сапогом в задницу припечатает или же грубо толкнёт внутрь. Я его явно раздражаю. Но в дверях стоит крупный милицейский чин. Он кричит на омоновца: Зачем ты его сюда привел?!

Омоновец за моей спиной не успевает ответить, как я выдаю: Да вот поймал прохожего. Здравствуйте!

Забываю при этом улыбнуться.

В автобусе, в передней его части, сидит десяток ментов. Они равнодушно говорят мне, чтобы я проходил в конец салона.

Автобус сдвоенный, т. е. длиннющий. Это будет играть одну маленькую роль впоследствии. Там — в глубине автобуса — уже сидит группа молодых ребят. Сажусь на свободное место. Сидеть скучно. Встаю. Эпицентр находится позади автобуса. Слежу за происходящим вокруг через стекло. Уйма репортёров с видеокамерами, фотографов и прочей прессы. Всё вокруг кишит этой прессой. Некоторые одеты в специальные накидки с названием издания, которое они представляют, и словом «пресса», у других на шее жёлтая табличка с той же надписью. Говорю себе: запоминай всё вокруг, все детали.

Разыгрывая лоха, спрашиваю у одного из ментов: А что тут происходит? Почему прохожих арестовывают?

Он (также лохом): Да сам не знаю, что тут происходит…

Узнав, что среди нас есть журналисты, он начинает нести пургу на прессу, мол, это всё их вина. Я тут же высказываюсь на тему обобщений, сказав ему, что все менты мудаки и сволочи, понаехали тут из деревень, мздой кормятся, срослись с криминалом и т. д. Т. к. говорю я это в шутливой форме, то человек затыкается и отходит в сторону. Больше претензий нам со стороны ментов не будет.

Рядом со мной сидит студент-испанец. Я с ним тут же знакомлюсь. Франциско. Учился в Москве в МГИМО, теперь в Питере. Специальность: коммуникация России и Испании.

Я: Ну, как тебе?!

Он: У нас такого не бывает…

Я: Ну да?!

Ему нужно было идти на свидание, а позвонить, как назло, не позволяют… Что девушка подумает?!

Я обращаюсь к менту, спрашиваю: За что интуриста взяли?

Он: Тебя, что ли?

Я: Нет, не меня, соседа. Он испанец, студент.

Мент испанцу: Ты из Испании?

Тот: Да.

Мент уходит к начальнику. Через несколько минут парня выпускают. Девушка дождётся своего идальго, если его не схватят вторично…

Затем приходит шеф и спрашивает, есть ли среди нас журналисты с документами или депутаты. Журналистов оказалась куча. Их всех выпустили, заранее окольцевав знаками отличия прессы.

Замечаю, что от моей депрессии и следа не осталось. Настроение отличное. Осознаю, что теперь-то будет, чем похвастаться перед своими друзьями в Германии. И даже не столько хвастаться, сколько рассказывать.

На арене действий опять много людей. Не понимаю, откуда они взялись, т. к. неоткуда было им там взяться. Вечером в интернете прочитал, что большАя группа демонстрантов в начале действий ОМОНа ушла по набережной в сторону Медного всадника, но их погнали оттуда назад, т. к. там проходил митинг в поддержку Путина. Видимо, так и было. И они вернулись. Из этой давки по-прежнему выводят людей с пугающей постоянностью. У меня было такое ощущение, что на эдаком маленьком пространстве с трудом можно расположить сотню людей, да пару сотен боевой силы… Оптически ОМОН преобладал над демонстрантами.

Крики. Ведут Бориса Немцова.

На следующий день прошла информация, что арестовали более трёхсот демонстрантов и зевак, по другой информации — аж 500. Круто! Значит, я не умею считать массы. Хотя многих забирали, как рассказывают, ещё в офисах партий.

За окном всё это время мечутся омоновцы. Хватают всю молодёжь без разбора и уводят на поселение в свою бронетехнику. Людей старшего возраста просят предъявить документы. Замечаю того, который меня сцапал. Низкорослый, с огромной головой и крупными чертами лица, в этом своём чёрном шлеме со стеклянным забралом. Ну, точно — гоблин, как их прозвали нацболы. Он замечает мой взгляд и зло смотрит на меня. Узнал что ли?! Его отвлекает напарник, и они убегают. Мимо проходят журналисты. Те сочувственно смотрят в нашу сторону.

Напряжение спало. Всё закончилось.

Стена из милиции, охраняющей Дворцовую, поредела. Теперь на десять метров полагался лишь один милиционер. Кто-то фотографирует одного из них, на чьей руке сидят и клюют семечки пара голубей. Oh, wie niedlich![125]

За весь час, что я там просидел, к нам завели лишь двух задержанных, одним из которых был тот испанец. Всех прочих — реальных бунтарей — партийных активистов — сажали в грозного вида автозаки ОМОНа. Нам же достался облегчённый вариант ареста. «Light» скажет кто-то из нашей группы. У нас — типа революционные ясли. Просторный салон автобуса. Можно сидеть, вставать и уже можно побродить по свободному пространству.

Менты, наши сторожа, сперва очень жёстко нами распоряжающиеся (сидеть, руки из карманов достать, телефонами не пользоваться…), успокаиваются сами по себе и уже не глядят на нас врагами.

В автобусе остаются восемь задержанных, плюс человек 10–15 охраны. Автобус двигается в путь.

По дороге я сделал для себя очередное открытие. Ручки, за которые держатся стоячие пассажиры во время поездок, сделаны так, что между креплением к поручню и ручкой, за которую, собственно, следует держаться, есть пространство прямоугольной формы из толстого оргстекла, в который запаяна реклама. Реклама чего?! Догадайтесь с первого раза! Подсказок не будет:) Ну, да, правильно. Партии «Единая Россия», конечно же… Весь автобус в этих грёбаных «планах». «ПЛАН ПУТИНА — ПОБЕДА РОССИИ!» Я в уме перевожу в очередной раз на свой второй язык: «ПЛАН МЕРКЕЛЬ — ПОБЕДА ГЕРМАНИИ!». Бред! Но этим бредом украшен весь мой-не-мой город:

ПЛАН ПУТИНА — ПОБЕДА РОССИИ!

ТЫ ЕСТЬ В ПЛАНЕ ПУТИНА!

В ПЛАНЕ ПУТИНА СИЛА ПЕТЕРБУРГА
СИЛА ПЕТЕРБУРГА В ПЛАНЕ ПУТИНА

ПЕРЕХОДИ К ПЛАНУ ПУТИНА!

ПЕТЕРБУРГ ВСЕГДА В ПЛАНЕ ПУТИНА

В ПЛАНЕ ПУТИНА Я, ТЫ, МЫ
ПЛАН ПУТИНА — ЗАЩИТА, ЗАБОТА, ОПОРА.
ПЛАН ПУТИНА — ОБРАЗОВАНИЕ, ПЕНСИИ, ЖИЛЬЁ

РОССИЯ ПУТИНА ЕДИНА И НЕПОБЕДИМА

КОМУ-ТО НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ,
А НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ И ЕДИНАЯ РОССИЯ

Моя коллекция. Последний лозунг красуется на Адмиралтейской набережной.

С ментами в автобусе по пути следования я разговорился, и они поведали мне, что сегодня в город пригнали что-то около шести тысяч охранки. Все они — из провинции. Я начал хохмить о Планах Путина. Они горько ухмылялись.

Один из них говорит, что крупные чины напрасно всё это замутили. Мол, он бы нас всех выпустил просто так…

Я: Так будет не интересно.

Это я о своём. Он меня не понял.

Во рту пересохло, и я, заметив на одном из сидений бутылку колы, прошу дать попить. Охранник мне: обратись вон к тому

страшному прапорщику. Я опосля подумал о том, что он сказал мне таки к «старшему», но я расслышал как к «страшному» и подхватил это словечко. Подхожу к этому прапорщику, обращаюсь: Товарищ СТРАШНЫЙ прапорщик, можно сделать глоток из вашей бутылки?

Он кивает на своего напарника, мол, это его кола. Я к тому. Тот: пей. Пока я прикладывался, «страшный», переварив в голове моё обращение к нему и догадавшись, видать, кто к нему меня подослал, спрашивает первого мента: Ты, чмо, как ты меня назвал?! Ты — мент из Пензы!.. Иди сюда!

Дальнейшего я не слышал, отошёл.

Почти что доехали до 2-го отделения милиции адмиралтейского района, но сворачиваем прочь. Я думаю, что жаль, ведь в этом месте у нас была съёмка. Я к тому моменту проработал два месяца светотехником на паре криминальных телесериалов. Едем по Садовой улице и тут, вдруг, начинаем разворачиваться посреди улицы. О габаритах автобуса я уже сказал. Короче, разворот заканчивается тем, что мы встаём поперёк и перегораживаем всю улицу. Ни туда, ни обратно. То бишь застряли, так застряли. Люди на улицах достают свои телефоны и начинают это чудо снимать на то, что в телефонах называется фотокамерами. С большим трудом выруливаем. Возвращаемся назад, там ещё раз разворачиваемся (уже более удачно) и припарковываемся у того самого заветного отделения. Было забавно попасть в него в новом качестве. Но со мной в последнее время иначе и не бывает. Всё как в сказке.

Отдали приказ выходить по одному. Я иду последним, главный чин за мной. Задаёт разом всем задержанным вопрос, не оставил ли кто каких-либо вещей в салоне, мол, потом автобус уедет и не забрать будет. В ответ тишина.

Он сам себе, явно обидевшись: Не отвечают!.. смотри-ка…

Я размышляю, что не дело это — с вроде бы порядочным человеком в молчанку играть, поворачиваюсь к нему и говорю: Так ведь не было с собой ничего — ни флагов, ни транспарантов…

Улыбнулся. Ну, и раздумал обижаться. Думается мне так…

В ментовке размещают в предбаннике между камерами. Две скамьи и стол. Камеры-обезьянники забиты добродушными алкашами. Мы им то и дело наполняем бутылки водой. Не знаю, водят ли их в туалет, но даже воды не дают, странно.

На стене — икона Божьей Матери с младенцем. На неё обратил внимание один из «несогласных». Он сказал, что это редкий случай, когда в государственном заведении вместо портрета Путина висит такое вот чудо. Я вспомнил, что у высоких

чинов, чьи кабинеты я повидал в последнее время более чем достаточно, особенно любима фотография Вовчика в профиль. На этом художественном полотне он одет в морскую форму: чёрная каракулевая шапка и бушлат с меховым воротником. Героическая личность…

По соседству туалет. Несёт мочой нещадно. В туалет заходить можно лишь в темноте и задержав дыхание, иначе может стошнить. Им же пользуются сотрудники. Этажом выше, как это я знаю из прошлого визита, есть туалет только для сотрудников — в аналогичном состоянии.

Началась бумажная волокита. Одна и та же информация заносится в разные гроссбухи. Всё от руки. Компьютеров нет. По паре отводят в комнату, в которой в своё время обедала наша съёмочная группа, писать объяснительную.

Один чин при этом разыгрывает из себя злого дознавателя.

Мы пишем объяснительные, а он нас подгоняет: Пишите-пишите быстрей, всем домой пора — чай пить, телевизор смотреть, с девушками гулять…

Потом тут же своему напарнику: Вот ведь 37-й год для них бы организовать. Натворил дел — тут же на стройку в Сибирь. Распоясались они…

Я ему: Ага! Давайте, пока год не закончился, отметим 70-и-летие со дня того самого года и пошлём всех нас куда подальше!.. Юбилейчик отметим!..

А в ответ — тишина.

Просидели в общей сложности часов 5–6. Раз в два часа менты отводили нас в свои кабинеты, чтобы заполнить всё новые и новые документы. В конце концов, мое «дело» состояло из десятка листов.

Мы на тему свободного времени после задержания уже отшутились: нужно, мол, с собой на митинги игры всякие таскать, кроссворды там, карты, шахматы. Шахматы были бы в тему. Пришёл на митинг с целью «подвигать фигурами» с Гарри Кимычем…

Начинаем всё больше общаться друг с другом. Половина из нас осознанно пришла на марш, половина попалась случайно. Вспоминаем о прошедших событиях. Кто-то рассказывает, что неоднократно видел, что некоторые из арестованных показывали схапавшим их омоновцам какие-то корочки, и их тут же отпускали. Явные агенты охранки. Сотня разных эпизодов. Кто что заметил да приметил.

Отношение к нам со стороны ментуры — доброжелательное.

Т.к. мы сидели и болтали друг с другом, часто заливаясь смехом, менты спрашивали в шутку: Вам что, делать нечего?

Валите отсюда!..

Мы: Так дверь заперта!

Мент открывает дверь: Теперь не заперта.

Мы оцениваем шутку и сидим дальше.

Я без паспорта. У всех остальных паспорта забрали.

Наблюдаем круговорот ментовской жизни.

Мимо проходят менты, доставившие нас сюда. Зло бросают: Ебаные марши!..

Им, оказывается, придётся оставаться здесь до того момента, пока не будут заполнены все документы на нас. А уже вечер.

Вспоминаю, что когда в этих помещениях снимали «Гончих», то услышал голос одного из ментов за закрытой дверью: Чего они тут делают? Что?.. «Гончие»? Опять?! Бля, как ЗАЕБАЛИ эти «гончие»!

Получается: и так не мил, и эдак…

Заходит мент с «лицом кавказской национальности» (т. е. не мент кавказской национальности, а задержанный) и говорит ему: постой, мол, тут в уголке. Так этот человек с неудачным от рождения лицом и стоял все эти долгие часы в том углу як школяр… Мы уже ушли, а он так и завис там послушно.

Забегает женщина, смотрит сквозь нас по сторонам: Так, где?! Никого нет…

Общий хохот. Нас же здесь восемь «несогласных» + кавказец.

От нечего делать читаем правила задержания, что висят на стене. Листов десять текста. В каждом абзаце по ошибке: «котегорически», «окозал»…

В нашу заводь выходит главный чин из автобуса. В званиях не разбираюсь, но выглядел он як хенерал. Грозный на вид, но явно добряк. Настоящий мужик, короче. Не дебил. Вышел к нам, так сказать, постоять, послушать, о чём мы гутарим, прощупать нас на вшивость. Мы его, конечно же, в покое не оставили, начали всякие вопросы дурашливые задавать. В том числе, почему отделение милиции так на гадюшник похоже, в туалет заходить боязно: вонь, грязь… туалетной бумаги… Was is das? Нефти власть до фига продаёт — бабло есть, надо же на ремонт средства выделять…

Он говорит: Ну, это… Нефть не туда течёт.

Я: Да течёт-то она туда, куда надо течёт. А вот деньги, видать, там же и остаются, куда нефть утекла.

Он: А, ну да. Я просто неправильно выразился.

Я: Нефть на запад уходит, деньги за эту нефть зависают в заморских банках, а вам — доблестным стражам правопорядка — загаженные сортиры да несознательная революционно-настроенная молодёжь достаётся…

Не нашёлся чем крыть полковник, или как его там, и «сбежал»…

Всё делопроизводство производится вручную. Ужасно медленно. Ментам приходится чудить, т. к. ничего не сходится. Слышно, как они ругаются между собой. Женщина из автобуса кричит, что омоновцы брали всех без разбора и просто запихивали в автобус без каких-либо объяснений. Доказательств наших противоправных действий нет.

Наконец-то все бумаги заполнены. Кстати, забавно было писать в протоколе: «С ПРОТОКОЛОМ ОЗНАКОМЛЕН запятая НЕ СОГЛАСЕН подпись».

Были варианты: НЕ СОГЛАСЕН, СОГЛАСЕН, СОГЛАСЕН ЧАСТИЧНО.

МАРШ НЕСОГЛАСНЫХ. МАРШ СОГЛАСНЫХ. МАРШ СОГЛАСНЫХ ЧАСТИЧНО…

Выдали на руки необходимые для адвокатской защиты копии и выпустили с повесткой в суд.

Во всех документах моя улица написана неверно.

Не знаю — отчего так здорово на душе?!

С боевым крещением меня!

Вернулся домой. Родители в панике. Ушёл утром погулять… догадались куда. Отчим начинает нравоучение: Это всё, конечно, хорошо. Права человека — то да сё, но…

Оказывается, по его версии, Лимонов — исписавшийся писатель, который хочет привлечь к своей персоне внимание, играя в политику. Карпов, по его версии — «отходившаяся лошадь» (его он без всяких возражений уважает как личность), действует аналогично. Меня и всех, кто ходит на марши, он назвал неудачниками, ищущей себя молодёжью и т. п. Всё это высказывал эдаким заковырчатым, свойственным ему, занудным языком, что мне пришлось его остановить и попросить прекратить нести всю эту чушь.

Я сказал примерно следующее: Ни Лимонова, ни Каспарова там не было. Однако был его любимый Немцов. Мне абсолютно не важно, кто организовывает эти марши. В данном случае это были «Яблоко» и «СПС». Главное — что эти марши есть. Есть возможность. Если их не могут или не хотят организовывать люди, которых он считает «не исписавшимися» или «не отходившимися», не значит для меня — необходимость впадать в спячку. Очень жаль, что народ не считает нужным, а вероятнее всего уже просто боится, хоть таким вот примитивным образом выразить своё несогласие с тем, что творится в России. Даже просто прийти и постоять на обочине боятся. Ладно там все эти

партии со своими интересами, партийными дрязгами… Плевать на них! Но они делают своё дело. А что мы? Вот я, конкретный человек, иду туда, где есть маломальская возможность своим появлением на митинге сказать: Мне не нравится так жить! Я не могу сам организовать митинг, значит, я либо затыкаюсь, либо беру предложенный мне вариант. Я — не ты. Я не могу сидеть дома на жопе и теоретизировать по любому поводу! А потом с умным видом ходить на выборы, которым грош цена, и голосовать за тех, у кого нет никакого шанса влиять на политику в стране, за всех этих твоих «СПС» и «Яблоко». А ты ещё советуешь голосовать за них своим студентам!

Отчим: НЕ ХОЧЕШЬ СЛУШАТЬ, ЧТО ТЕБЕ УМНЫЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ, ТОГДА УЁБЫВАЙ В СВОЮ ГЕРМАНИЮ!!!

На следующий день был в суде. Полный хаос. Никто не знает, куда нас направлять. Бумаги из отделения милиции ещё не принесли. Сидим, ждём. Через 5 (!!!) часов отпустили с новой повесткой на 6-е декабря. Чтобы получить новую повестку, нужно было предстать перед судьёй. Женщина. Хмурая.

Спрашивает: Вы идейный или мимо проходили?

Я: Мимо проходил, до идейности дойти не успел. Тут же в автобус.

Она: Да. Мало вас идейных. Никто Свободу защищать не хочет. Ходатайство о приглашении свидетелей писать будете?

Я: Буду.

Она назвала мне имена двух омоновцев, которые якобы меня задерживали. Почему-то два. Омоновцы московские. Придётся им оттуда на суд тащиться. В это верится с трудом.

Обещали раздобыть и видеозапись марша. Я в нетерпении. Очень хочется посмотреть на свою трусливую фигуру, которая бочком-бочком… а потом меня хвать-хвать и побежали, ножками топ-топ, а я плеер свой выключаю-выключаю. Цирк, но по-прежнему интересно.

Паспорт в суде не спрашивали. Всё основано на доверии или же на раздолбайстве…

А Лимонов, как оказалось, был-таки в воскресенье в Питере. [«Ночью мы сумели добраться до Петербурга. Пару раз были в сложных ситуациях.»] Но, по всей видимости, не решился выходить на убой.

Из протокола об административном правонарушении. Рапорт ОМОНа:

25.11.2007 года в 13 часов у дома № 2 по Адмиралтейской наб. гр. Евсеев А.А. добровольно находился в организованной массе

граждан, организованно следующей по заранее определённому маршруту в сторону от Дворцового моста до Дворцовой площади. При этом гр. Евсеев А.А. совместно с другими участниками массового организованного движения, выкрикивая лозунги, выражающие их позицию с целью формирования соответствующего мнения, а именно мнения по вопросу протеста против монополии на власть в России, криком поддерживали друг-друга, т. е. гр. Евсеев А.А. участвовал в проведении шествия. При этом гр. Евсеев А.А., как и другие участники шествия, пытался прорваться через выставленные ограждения и оцепления из сотрудников милиции и пройти на Дворцовую площадь.

Поскольку указанное публичное мероприятие проводилось с нарушением требований п.2 ч.4 ср.5; ч.5. ст.5 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях» № 54-ФЗ, сотрудники милиции посредством громко-усилительной аппаратуры неоднократно публично уведомили об этом всех лиц, участвующих в шествии, в том числе и гр. Евсеева А.А. неоднократно, потребовали прекратить проведение шествия и разойтись. Указанные требования исходили от сотрудников милиции, осуществляющих в соответствии со ст. ст. 2, 10 Закона РФ «О милиции» обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также предотвращению и пресечению административных правонарушений. Однако гр. Евсеев А.А., несмотря на законность указанных требований о прекращении противоправного поведения, проявил неповиновение, продолжая своё участие в публичном мероприятии.

Забавно! До штурма Дворцовой, если я ничего не пропустил, дело не дошло. Все ограничилось пятачком перед Дворцовым мостом. Но я, видите ли, прорывался «через выставленные ограждения и оцепления из сотрудников милиции» и пытался «пройти на Дворцовую площадь». При этом противоправном действии с моей стороны задержан я был на Адмиралтейской набережной. Чудеса перемещения в пространстве! Неточность эту, для меня чисто условную, подметила судья. Там такая фишка: если бы я был задержан на подходе к Дворцовой, то это уже не Адмиралтейский район и нами тогда должен заниматься суд Центрального района. А раз уж я по рапорту был задержан в Адмиралтейском, то как я тогда ограждения штурмовал… Короче, всё это на скорую руку сшитые сказки ОМОНа. Неприятная порода людей, однако. Кто ж её вывел?! Менты мне куда больше понравились!:) Это они поначалу строгие, а потом мужики-мужиками. С женщинами иначе. Сложнее. Они не агрессивные, но и не добрые. Жуть, какие строгие. Профессия нехорошая для

слабого пола, воспитывает в них ненужные женщинам качества. Юмора не понимают, либо делают вид, что не понимают. Не отшучиваются, как мужики.

Лимонов пишет: «Задерживают не только лидеров и рядовых несогласных, но и людей, напоминающих несогласных. Сотни задержанных». Я уже начинаю жалеть, что не прыгнул тогда в толпу и не покричал что-нибудь типа: «Viva la muerte!»[126], «No pasaran!»[127], «Venzo remos!»[128], «El pueblo unido jamás será vencido!»[129], «Viva la revolución!!!»[130]… Тогда б меня не так позорно за рукав оттащили бы. А взяли бы два-три богатыря да заломав руки… Эх, побежали рысцой! Ну а так получилось, что я всего лишь «напоминающий несогласных». Обидно, однако!..

Когда шёл из здания суда, в метро был шмон. Менты проверяли документы. Но я вовремя просочился, и меня не остановили. Хожу теперь без паспорта по родному городу словно по минному полю. Проблема отсутствия у меня паспорта и регистрации — российская бюрократия. Teufelskreis.[131]

Накануне выборов. Целый день звонят друзья родителей и консультируются: за кого треба голосовать? Кому отдать свой голос? Отчим вполне серьёзно пускается в теоретизирование: ««ЛДПР» может войти в сговор со «Справедливой Россией» и тогда будет очень плохо, т. к. они большие сволочи и последует то-то и то-то; а голосовать надо то ли за «Яблоко», то ли за «СПС», ещё не придумал. Читал их программы…» Затем он кричит в трубку: «Да я знаю, что они тоже все сволочи, но важна программа, а не люди! Люди — дрянь, это политика. А эти предлагают вариант вхождения в Европу… А мне это по нраву».

Я чуть в обморок не грохнулся.

Разодевшись, родители пошли голосить (это их словечко). Вечером по телевизору стали подводить итоги. Их любимцы набрали чуть более одного процента. В очередной раз пролетели мимо кассы.

Боже, как они наивны! Как они слепы!

Отчим гордится тем, что фирма, в которой он когда-то в 90-е годы работал, разорившись, задолжала тысячу долларов Дмитрию Медведеву, который у них там тоже подрабатывал. Это теперь тема для его хохм. И теперь все его надежды на будущее связаны с президентством Медведева. «…И как легко бывает тот обманут, кто сам обманываться рад»…

Ну а теперь о последнем походе в суд. Дело было так. Пришло только четыре человека из нашей «команды». Прочие перевели свои дела по месту жительства. Т. к. я пришёл первым,

первым же попал в ощип. Мне тут же сообщили, что омоновцы, которые меня задерживали, из Москвы приехать не смогли, но есть видео-запись марша, на которую можно взглянуть.

Я: Так может всех позвать, устроим коллективный просмотр?!

Судья: Зови.

Принесли нам ноутбук из соседнего отдела, начали смотреть. Качество записи я оставлю без комментариев, т. к. это всё было снято явно не человеком. Шимпанзе? За весь час нахохотались вдоволь. Наконец-то я увидел всё, что было «до меня». А было там следующее.

На месте событий собирается народ. Уже образовалась толпа. Народ сбит с толку, куда же всем идти?.. Ни вождей, ни вожатых нет. Пожилые участники начинают перепалки друг с другом: «Они в 11 вышли» — «Да что вы мне говорите, я же точно знаю, что они ещё не вышли» — «А нам звонили и сказали, что они вышли» — «Ну что вы меня за дурочку принимаете, они ещё не выходили, сейчас выйдут, я знаю наверняка» и т. д. Затем какой-то бородатый мужик сам с собой о чём-то беседующий. Лица-лица-лица. Ноги-ноги-ноги. Долго ничего не разобрать. Опять толпа. Мужик орёт на омоновца: «Отойди от меня!» То, что говорит ему омоновец, не слышно, т. к. тот стоит спиной к камере. Мужик: «Отойди! Я тебе говорю — отойди от меня! Отойди! Я говорю, отойди, слышишь?!» Омоновец отходит. Затем вижу одного мужика, который был задержан, но из другой группы. В кадре Марина Литвинович, правозащитница. Беседует с ментом. Просит того показать корочку. Тот достаёт своё удостоверение и раскрывает его. Правда, тут же закрывает его, так, что Марина не успевает бросить на него взгляд. Плохо слышно. Затем она говорит: «По набережной? Так, граждане, все идём по набережной!» Поворачивается и уходит. Идут кадры беготни ОМОНа за народом. Камера трясётся как сумасшедшая, ничего не разобрать. «Руки, ноги, хвосты». Идут сцены захвата участников. Пробегает один из нас, схваченный двумя омоновцами. Самого задержания нет. Сплошной хаос. Народ и милиция перемешалась. Омоновцы грозно ходят в толпе, оглядывая через затемнённые шлемы всех присутствующих. Море прессы. Если кого-то насильно тащат, то тут же сцена облепляется десятками фотографов и двумя-тремя операторами. Забавно наблюдать ассистентов операторов со штативами. СО ШТАТИВАМИ!!! Человек с мегафоном: «Это наш город! Это наш город! Это наш город! Это наш город! Это наш город!» Не знаю почему, но выглядит он глупо. Судья: «Это он московскому ОМОНу кричит?» Кадр с тремя бабушками, одна из которых: «Три тысячи пенсия. Вы понимаете?! Три тысячи пенсия…» К обочине

подъезжает автобус. Открываются двери. ОМОН начинает загонять туда всех, кто оказался поблизости. Как баранов. Один из фотографов, заносимый богатырями-гоблинами в салон, кричит кому-то назад, чтобы тот снимал и дал опосля фотографии. Короткий кадр: ведут меня, но мимо проезжает машина. Опять я, только сбоку. Кадр длится пару секунд. У меня такое выражение на лице, будто я обделался… Не геройское какое-то. Следующие кадры с Немцовым. Он в толпе поклонников, обращающихся к нему с вопросами: «Борис Ефимович, а вот…» Тот несёт пургу. Плохо слышно. Я запомнил лишь следующее: «Они будут голосовать за СПС, эти омоновцы. Они нас боятся. Власть нас боится. Иначе не устраивали бы здесь такого. СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ УВАЖАЕТ СВОЙ НАРОД. А вот увидите — эти омоновцы будут голосовать за СПС». Хоть стой, хоть падай. А вместо этого — монтажная склейка: Немцова повели под ручки. Т. е. сцена, которую я видел вживую из автобуса. Франциско! Испанец в оправе двух омоновцев на пути в наш автобус. Рекламный щит: КОМУ-ТО НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ, А НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ И ЕДИНАЯ РОССИЯ. Ещё пара минут и запись закончена.

Почти всё это время подобревшая судья сидит рядом. Слушая наши комментарии, говорит: «Всё с вами ясно, ребята, всех-то вы здесь знаете, обо всём всё прекрасно понимаете, теперь не отвертитесь… заплатите мне по 500 рублей штрафа и гуляйте!» Потом: «А вы понимаете, что случилось неделю спустя?! Исполнительная власть срослась с законодательной…» Мы: «Да кто ж теперь этого не понимает…» Судья: «В следующий раз покричите об этом». Я: «А следующего раза, похоже на то, уже не будет. Поезд ушёл. Исполнительно-законодательная срастётся с судебной…». Судья в этом не уверена.

Начался суд. Мне опять первому зачитали все, что стояло в протоколе.

Судья: Что имеете сказать по существу вопроса?

Я: Да неправда всё это. Не кричал, не штурмовал, не сопротивлялся… Я там гулял. Я живу рядом.

Она: Где?

Я: На Кронверкском проспекте.

Она: Далековато до Эрмитажа.

Я: 15 минут пешком.

Она: И вы пошли прогуляться, посмотреть на исторические места города…

Я: Да. Я уже десять лет их не видел.

Она: Как так?

Я: А я в Германии жил всё это время. Теперь вот вернулся.

Охотно гуляю и вспоминаю город.

Судья: А вам что-нибудь будет в Германии за то, что вы здесь…

Я: Нет. Да я туда и не собираюсь больше.

Судья: Признаю виновным. (улыбается) Назначаю взыскание в размере пятисот рублей. Реквизиты получите на следующей неделе. Свободны.

Я (улыбаясь): Спасибо, Ваша Честь!

Судья: На здоровье! Приятно было познакомиться.

Я: Взаимно.

Сажусь на скамью. На очереди следующий. Судья начинает спрашивать имя, фамилию, отчество, местожительство, место работы, т. е. всё, о чём меня не спросили. Паспорт опять-таки не понадобился!!! Второй привёл с собой свидетеля. Жену. Жена рассказывает, как всё было: «…мы перешли к жёлтому зданию… потом от жёлтого здания перешли на набережную…» Жёлтое здание — это Адмиралтейство. «Стояли на мосту, смотрели…"

Я: На ледоход на Неве…

Смех в зале.

Судья: …Признать виновным.

Следующий. Аналогично. Следующий.

Последний впал в панику, т. к., видать, стало жалко 500 рублей. Некрасиво выступал. Начал вести себя загнанным зверем: ничего не знаю, гулял, простите, претензий к милиции не имею…

Судья: Как пронзительно… Тем не менее виновен.

Придётся платить. Поговорили ещё за жизнь и стали расходиться.

Судья: Было приятно с вами познакомиться, ребята.

Мы: Нам тоже!

Судья: Да нет, правда. До следующего раза!.. Дорогу вы уже знаете.

Один из ребят: Хорошо. Если будет заварушка, мы тогда сразу перебегаем в Адмиралтейский район, чтобы к вам попасть…

На этом разошлись. Я пошёл в Дом Книги и купил-таки Эллиса. Причем два сразу. Первую и последнюю его книги.

В последний раз топаю в суд — забирать постановление о вынесении административного нарушения. Т. е. счёт, на который нужно перевести штраф. Иду к зданию суда пешком. Прохожу по тому месту, где проходил марш. Там на набережной, где меня пленили, лежат два бронзовых льва. Я сейчас о них вспомнил. Мне нужно было вызвать их в свидетели. Они бы подтвердили, что я не участвовал. Я лишь «напоминал» сторонкой. Но мне пятисот рублей не жалко. Я получаю за них постановление,

которое буду беречь до конца своих дней.

Из постановления:

В судебном заседании Евсеев А.А. вину не признал и объяснил, что он участия в шествии не принимал, длительное время отсутствовал в Санкт-Петербурге, а, вернувшись, гулял по центру города. Здесь его ошибочно приняли за участника шествия и задержали сотрудники милиции.

Исследовав и оценив представленные доказательства в соответствии с требованиями ст. 26.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, мировой судья приходит к выводу о том, что вина Евсеева А.А. в совершении вменяемого ему правонарушения доказана полностью.

<…>

…сотрудники милиции Абрамов А.В., Мирошкин Г.А. в своих рапортах указали, что Евсеев А.А. был задержан ими именно в связи с неподчинением требованиям сотрудников милиции о прекращении участия в шествии, носившем незаконный характер.

<…>

Объяснения Евсеева А.А. о случайном характере его задержания в силу изложенного выше расцениваются как способ защиты от вменённого в вину правонарушения.

Т.е. в суде я якобы врал и юлил. Ну, пусть будет так. Let it be! [132]

Теперь я, получается, что так, — истинный революционер, а не какой-то там «напоминающий несогласных». Я, выходит-таки, «выкрикивал лозунги <…> против монополии на власть в России». Я штурмовал «выставленные ограждения и оцепления из сотрудников милиции». Я, в конце концов, почти что Зимний взял! Документ, подтверждающий это моё утверждение, у меня уже есть. Аж на трёх страницах, с подписью и печатями. Пусть только кто-нибудь мне теперь скажет обратное!.. Я ему просто не поверю…

Вернувшись-таки, как думалось сперва — в отпуск, в Германию, я опять предстал пред паспортным контролем.

Таможенник (возвращая мне мой немецкий паспорт, с улыбкой): Добро пожаловать НАЗАД в Германию!

Я (озадаченно): Danke sehr!

Надо же! Здесь я вроде как чёрножопый, лицо непонятной национальности, говорящий на ломаном немецком, а вот у меня немецкий паспорт, немецкое гражданство, причастность к этой второй родине, и мне уже вежливо: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

НАЗАД… Мелочь, братцы мои, а приятно. И здесь я готов сказать в добродушном контексте: Ай лайк Джёрмани вери мач.

OpenSource

В 2000 году я впервые купил себе компьютер. Я догадывался тогда, что эта штуковина мне каким-то образом пригодится, но каким именно — не догадывался. Поэтому, распаковав его, я ощутил легкую панику — деньги за ноутбук ушли немалые. Началось всё с классических программ Word и Excel. Я начал с составления списков своей музыкальной коллекции на CD, затем выявил — сколько раз переиздавалась та или иная композиция… Часто восклицал: «сволочи, зачем семь раз издавать одну и ту же песню!!!» Страсть у меня была такая — классифицировать. Экая дурость — скажут некоторые. Но эта сволочь жутко успокаивает нервы. В рукописях такие вещи выглядят абсолютно глупо, а в компьютере чуть посолиднее…

Пару месяцев спустя, отмаявшись дурью, я познакомился с Интернетом. О, великое скопище мусора с редкими вкраплениями драгоценностей! В тебе так трудно найти многое из того, что хочется найти определённо, но зато, как впечатляющи бывают находки, к которым даже не бываешь готов!..

На сайте группы «Аквариум», помню, наткнулся на ссылку в библиотеку Максима Мошкова. С lib.ru у меня ВСЁ и началось.

Отойду на пару шагов назад и расскажу вам следующее. С 1996 года я живу в Германии. Это в моей истории играет большую роль. Не сама Германия как таковая, а, скажем так — место, где я совсем не дома. В те далёкие времена увлечение литературой было весьма затруднительным, особенно если живешь в германском захолустье. Онлайновые магазины книгами в Германии пока не торговали и для приобретения их существовало лишь три ущербных способа: 1) попросить кого-нибудь привезти их из России (просить не люблю, особенно если много читаешь, книги — товар увесистый), 2) купить в русских магазинах (ассортимент в таких местах — дань масскультуре, т. е. бескультурью, да и выбор не велик), 3) заказать в каталоге фирмы-распространителя (книг в каталоге — тысячи, а выбора опять же нет, как нет).

Вторая проблема — куда это всё девать? Забит книгами один шкаф, заполняется другой… Ах, видал я здесь наших эмигрантов, сорока-пятидесяти-летних старцев, которые привозят с Родины свои многотонные библиотеки и чахнут над ними… Жалкое зрелище. Рабы пыльной бумаги в выцветших обложках, с ностальгией вспоминающие о том, что вот эту вот книгу они купили в таком-то году, в таком-то магазине или «с рук», за столько-то рублей… Эх! Опять я кого-то обидел ненароком.

Грешен, но вычеркивать не стану. У Лимонова в «Эдичке» был эпизод на эту тему.

Есть здесь (в Германии) русские книги и в библиотеках, даже русская библиотека имеется (книга на неделю стоит одно евро). Но везде сплошной облом. Книг хороших, а тем более, новинок нет, как нет. Улицкая да Толстая трёхлетней давности. Усё. Далее всякая гадость.

Итак, жадный до чтения, я ринулся во вселенную Максима Мошкова. Слава его, отжившей, к сожалению, к нашему времени, империи! Тогда просто — слава Максиму, как первооткрывателю! Читать отныне я стал в разы больше, чем за все предыдущие годы. Выбор книг — гигантский и всё можно забирать в любое время суток. Таким образом, я открыл для себя множество текстов, которые никогда бы не купил в бумажном виде. В этом есть огромное достоинство онлайновых собраний. Здесь начинают работать совершенно другие критерии выбора книги, нежели в магазине.

Блуждая по сети, я регулярно натыкался на десятки-сотни прочих литературных ресурсов. Количество библиотек стало неподконтрольным. Это был пир на весь мир.

Меня поражал тогда и поражает до сих пор тот факт, что на один CD можно записать тысячи книг и всегда иметь их под рукой. А сколько их можно упаковать на один DVD? На BlueRay? Да столько и за всю жизнь не прочесть. Отныне бумажные домашние библиотеки стали вызывать у меня отторжение. Настал конец разочарованию от того, что книга издана погано, что просвечивает текст с другой стороны страницы, что в ней много прочего брака, что корешки от транспортировки деформируются, что книги стремительно выцветают и желтеют и т. д., и т. п. Эх, прошли те времена, когда меня эти вещи огорчали! Здесь я не вступаю в борьбу с читателями, предпочитающими бумагу монитору, я лишь рассказываю о своём опыте и моих альтернативных взглядах. Здесь нужно оговориться и сказать, что для чтения с экрана нужен качественный экран и, конечно же, не стационарный компьютер, а ноутбук или же читающее устройство, которые пока неохотно, но шаг за шагом завоевывают рынок. Преимущество электронного чтения заключается также в том, что яркость экрана, его контрастность, вид шрифта и его размер Вы можете устанавливать на Ваш вкус. Плохой монитор — киллер текста.

И ещё раз о важных преимуществах. Через функцию поиска можно за короткое время найти любую цитату, которая вертится в голове, но требует подтверждения. Эту возможность я использую регулярно.

Кроме рассказов, романов и стихотворений я стал читать то, что ранее оставалось у меня «за бортом»: интервью с авторами, критику и прочие сопутствующие литературному процессу тексты. Из них я узнавал новых для себя авторов и о непрочитанных доселе произведениях. Так развивался мой кругозор.

О нарушении авторских прав я впервые узнал из-за скандала с романом Владимира Сорокина «Голубое сало». Я не придал этому никакого значения, т. к. на вопрос «мерзавец, как ты позволил себе скачать текст этой книги из Интернета?!» мог нагло ответить «а чё такое, какие у меня для этого были варианты?!"

Три года спустя я дошёл в своих литературных пристрастиях до некоторого критического количества книг, которые из-за соблюдения авторских прав не могли появиться в свободном доступе. Либо они не входили в круг интересов тех людей, которые именуют себя OCR-щиками. Их количество росло, и я стал настойчиво искать выхода из сложившейся ситуации. Этим спасителем стал магазин OZON.ru, который стал работать с «немецкими» покупателями. Позже эта возможность для меня пропала из-за смены условий оплаты. Но со временем появились другие фирмы.

Я возвращаюсь в 2003-й год. Я сделал свой первый заказ и стал ждать посылку. Месяц спустя я её получил. (Ещё одна проблема — время доставки). За этот период я познакомился с программой FineReader фирмы ABBYY, которой пользуюсь и по сей день. Хвала её создателям!

Так из простого мелкого литературного воришки я стал мутировать в злостного нарушителя copyright'a, стал поборником copyleft'a, стал пиратом-энтузиастом, который странным образом тратит на эту деятельность деньги, время и силы, взамен получая от читателей письма с большим количеством восклицательных знаков. Получается уже не чистый пират, а такая помесь его с Робин Гудом. Я и говорю — мутант. Сомнительная сторона (то бишь наносимый ущерб писателям; на издательства мне всегда было наплевать, да простят они мне эти гнусные слова, т. к. они у меня с текстами никоим образом не ассоциируются, я даже не запоминаю их названия; есть у меня также на них зуб, описанный в постскриптуме)… так вот, сомнительность меня эта слегка задевала, но не сильно. Ночами я спал крепко, кошмары не снились.

[Нынче я понимаю, что деятельность эта стала моей терапией от надвигавшихся бед. Я случайным образом нашёл себе лекарство, на котором продержался долгое время.]

Отсканировать; пропустить сканы через FineReader; перевести их в MS Word; сверить стыковку страниц и форматирование с книгой; запустить проверку орфографии и пару раз пробежаться по тексту, поправив ошибки, возникшие при распознавании текста; сделать сноски, если таковые имеются; далее читать (или как говорят: вычитывать) и править текст, сверяясь с оригиналом и удаляя номера страниц, таким образом связывая их между собой в слитный текст — вот нехитрая технология, которой я пользуюсь, чтобы вызвать к жизни Ее/Его Величество eBook. Процесс, предшествующий чтению/вычитке очень кропотливый. Я его не люблю. Со временем — всё больше и больше. Но тут уж ничего не поделаешь — таковы законы жанра.

Целый год я химичил на этом поприще, переводя в цифру по две-три книги еженедельно. Результаты своей работы я рекламировал на форуме всё того же Мошкова и рассылал желающим персонально. А «заказов» были сотни. Первое время я даже составлял список «своих» читателей, чтобы начать отсылать им новинки без спроса, разгрузив тем самым свой почтовый ящик, но затем бросил эту идею, решив всё-таки отдавать тексты на адаптацию в библиотеки. Делать своё хранилище у меня не было никакого желания. В чем-то я напорист, в чём-то чертовски ленив. Там же на форуме ко мне обратились из моего впоследствии любимого подпольного собрания текстов — из «Библио-течки», с которой я сотрудничал в течение года. Жаль, что это начинание перестало развиваться и застыло, а потом и вовсе пропало. Я также напросился в отряд к Александру Белоусенко, с которым рад был сотрудничать продолжительное время. Что-то по духу подходило «Библио-течке» (маргинальная литература), что-то библиотеке Белоусенко (классический уклон), а что-то оставалось за бортом. Огромное количество текстов разошлось через «вторые руки» и по другим адресам. Я не стану перечислять всю свою работу, тем более, что вряд ли смогу всю её вспомнить, но скажу здесь, что там было много того, чем я втайне горжусь.

Девизом моей работы было КАЧЕСТВО. Наглядевшись на недобросовестных OCR-щиков, которые не вычитывают свои труды, а значит, оставляют текст с десятками или даже сотнями ошибок (первый такой шок у меня был от «Парфюмера» Зюскинда), или же с потерянным форматированием (курсив, например), …потерянными страницами (!!!), я выработал для себя множество степеней защиты от подобных огрехов. Но и здесь есть одно «но». Как показывает практика, и я не всесилен — ошибки бывают и у меня. Было такое (позорное): вместо «Лицо Супермена» у меня пролетело «Яйцо Супермена». А было ещё и

такое (ошибку заметил совершенно случайно): «Я же ВЫЯВЛЯЮ в женщинах именно эту ценность — чистую сексуальность / Я же ВЫДЕЛЯЮ в женщинах именно эту ценность — чистую сексуальность».

Единственным отступлением от правил стало моё произвольное форматирование текста. Я стал позволять себе выделять отдельными абзацами различные части текста, как например, письма, цитаты, вывески, объявления и прочее, т. к. при чтении часто ловил себя на том, что не знал — закончился ли текст письма (то есть, пропустил ли я закрывающую кавычку, или она ещё впереди). Когда я вижу такое место в тексте оптически выделенным, то ощущая его во всём своем объеме, как бы знаю, с чем имею дело. Ещё я люблю вставлять фотографию автора на титульный лист. Я, правда, ленюсь потратить время и точно подобрать фото, которое бы отвечало году написания данного произведения, да и не всегда это запросто сделать. Но фотография мне нужна обязательно. Когда она прилеплена, я как бы ставлю точку в своей работе. Ах да, ещё я всегда делаю оглавление, если такового не оказывается в книге. Из него иногда видна структура текста, что, вроде как, помогает в дальнейшем.

И ещё похвастаюсь. Я никогда не ставлю своё имя в файле, т. к. нахожу упоминание автора электронной версии выглядящим глупо рядом с именем писателя. Это меня бесит ужасно, когда натыкаюсь на следующую формулу: OCR — Иванов, форматирование — Петров, вычитка — Сидоров. Кому на фиг нужны Ваши имена, господа!? Выглядят эти приступы гордости или тщеславия за себя любимых как надпись: «Здесь был Вася». Не более того. Некоторые же среди Вас ещё умудряются рядом со своим именем значок копирайта забацать… тут я ваще sprachlos.

Закончив трансформацию текста, возникают вопросы, которые я отношу писателю/издателю: куда теперь сбыть книгу? Я не коллекционер. Кому можно отдать книги, которые никто не читает? Выбросить — жалко. Подарить?! «Ой, это заумное что-то. Нет, это уж очень печальное. Фу, эта мразь Сорокин!» Отослать Вам обратно в издательство? Отнести в библиотеку? Вот ведь проблема.

Коронацией своего «литературного» хобби я считаю подготовку огромного проекта, связанного с творчеством моего любимого автора — Эдуарда Лимонова, который я обозвал ПРЕТЕНЗИЕЙ НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ или (не)ПОЛНЫМ СОБРАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ. Www.limonow.de. Добро пожаловать! Не хотел я сам делать этот сайт, да пришлось. Теперь вот тяну его на себе, отслеживая новинки.

Этот лимонный труд сам по себе был безумно увлекательным

приключением. Я прочитал всё, что мне удалось найти. И скучал лишь на одном-двух текстах из 40, чей поиск был целой эпопеей. Об этом рассказать у меня сил не хватит. В архиве собраны абсолютно все книжные издания, а также сборники статей, интервью, радио-выступления, куча раритетов и т. п.

На этом проекте закончилась моя активная деятельность на ниве OCR и я, как бы отбыв свою воинскую повинность, сбавив обороты, занимаюсь оцифровкой лишь изредка, чтобы как говорил Александр Сергеевич: «…руку правую потешить».

В заключение я хочу сказать, т. е. признать, что по сути дела я всё это время занимался полной ерундой, да-да, абсолютной ерундой, т. к. до того, как кладу книгу на свой сканер, заранее знаю, что ее текст давным-давно лежит где-то (у автора и/или его издателей) в электронном виде в памяти какого-то компьютера. И эти два файла разделяет между собой лишь время — от двух недель, как это было с «Искренне Вашим Шуриком», до года, как с «Людьми нашего Царя» Людмилы Евгеньевны Улицкой.

Эту проблему нужно как-то решать, раз против таких, как я хотят и начинают бороться буквой закона. Но решать её (проблему) не мне, а авторам и издателям. Если они (авторы/ издатели) будут способны удобным для меня (покупателя / читателя) образом продавать мне электронные тексты (бумага мне не нужна, довольно!) и в удобном для меня опять таки формате, я перестану партизанить. Я выкину к черту свой сканер, т. к. для прочих целей он мне ни к чему. Я перестану чувствовать двоякость своей деятельности, хотя и получаю за нее лишь благодарность (претензий со стороны издательств ко мне пока не поступало). Наши два мира не могут друг с другом состыковаться, т. к. кто-то не может, а кто-то не хочет. Пора делать революцию!

P.S. Обещанный камень в огород издателей. В начале текста я написал свои восклики про «7 песен». Так вот. Я «ненавижу» Вас, книжные издательства, за то, как Вы паразитируете на публикациях малой прозы, т. е. повестях и рассказах.

Уловка проста. Берётся десять старых (прежде уже опубликованных) рассказов, добавляется два новых и книжка преподносится как НОВИНКА. А то и просто новой обложки и названия бывает достаточно. Примеров тому легион. Только ради этого я готов иногда выползать на тропу «войны». Вы паразитируете на людях, больных синдромом коллекционера. Это самая низкая маркетинговая фишка, за которую Вас следует порвать на части…:)

Будучи в отделении 3.1, у меня уже был куплен сканер. За время, проведённое в дурке, я перевёл в цифру десяток книг…

«Кукушка"

Читаю книгу[133]:

«А про Билли вот что надо сказать: хотя на лице у него были морщины, а в волосах седина, выглядел он мальчишкой — ушастым, конопатым, с заячьими зубами, мальчишкой из тех, которые носятся босиком по календарям, волоча по пыли кукан с рыбешками. На самом-то деле он был совсем не такой. Когда он стоял рядом с другими мужчинами, ты всегда удивлялся, что ростом он не меньше любого, и не был он ни лопоухим, ни конопатым, если приглядеться, и зубы у него не торчали, и лет ему было на самом деле за тридцать.

<…>

«Милый, у тебя еще сколько угодно времени. У тебя вся жизнь впереди». — «Мама, мне т-т-тридцать один год!»

<…>

Мне все равно не верилось, что ему тридцать один год, пока я не подобрался как-то раз к нему поближе и не поглядел год рождения у него на браслете».

Это всё моё.

— Скажи, вождь, ты тоже своего дня дожидаешься, чтобы им залепить?

— Нет, — ответил я. — Не могу.

— Не можешь сказать им пару ласковых? Это легче, чем ты думаешь.

— Ты… Гораздо больше меня и крепче, — промямлил я.

— Как так? Не понял, вождь.

Мне удалось немного смочить горло слюной.

— Ты больше меня и крепче. Ты можешь.

— Я? Шутишь, что ли? Черт, да ведь ты на голову выше любого в отделении. Ты тут любого разделаешь под орех, точно тебе говорю!

— Нет. Я слишком маленький. Я был большим, а теперь нет. Ты в два раза больше меня.

— Э-э, да ты спятил, что ли? Я, когда пришел сюда, первым делом тебя увидел в кресле — здоровый, черт, как гора. Слышишь, я жил на Кламате, в Техасе, и в Оклахоме, и под Гэллапом, и там и сям, и, честное слово, такого здорового индейца, как ты, никогда не видел.

Это тоже отчасти моё. Нет, во мне никогда не «было два метра или два с сантиметрами и сто двадцать, сто тридцать весу». Но я всегда чувствовал себя маленьким. Каждый раз удивлялся, сталкиваясь с некоторыми людьми и замечая, что они ниже меня, хотя со стороны казались выше. Об этом я сказал врачу.

Отделение 9.0 (окончание)

Читаю «Это я — Эдичка» по-немецки. Натыкаюсь на фразу из дневника Елены: «In deinen Augen bin ich schuldig, Editschka. Mein armer kleiner Junge. Und Gott strafe mich dafür. Als Kind las ich einmal ein Märchen, in dem folgende Worte standen: Du bist allezeit für die verantwortlich, die du unter dein Joch gezwungen hast…»[134]

Эту цитату из Экюпери — «ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» — я уже неоднократно слышал от Татьяны. Она любит цитаты. Но она им не следует. Мысли могут красиво звучать, но следовать им это уже совсем другое дело. Тут на смену красоте приходит раздражение и гнев. Либо на помощь приходят красивые цитаты с обратным смыслом…

У нас был интересный разговор с врачом в последний раз. Я, правда, мало что из него запомнил.

Начали с игры. Я должен был расставить в определённом порядке несколько деревянных фигурок, схожих с шахматными пешками. Сначала я выставил в центре свою «утерянную» семью: себя, детей и Таню. Деревянную Таню отвернул смайликом от себя-деревянного прочь. Расставил полукругом друзей. На край доски задницами ко мне поставил своих родителей.

Врач: Что должно произойти, чтобы вы стали чувствовать себя так, как вам бы этого хотелось?

Я: Таня должна повернуться ко мне лицом, либо на сцену должна выйти другая женщина. Таня ко мне не обернется. Она не сделала ни малейшего шага в мою сторону за всё это время, значит, не сделает его и впредь. [Убираю фигурку Тани со сцены. Ставлю на её место другую из мешочка.] С другой женщиной ничего не получится. Другие женщины в меня не влюбляются.

Врач: Они не влюбляются или же вы этого не замечаете?

Я: Я абсолютно убеждён, что не влюбляются. Я ни разу не видел интереса к себе — такого интереса, что больше, нежели дружба. А дружб с женщинами у меня было более, чем достаточно…

Думаю о Катрин, пациентке из нашего отделения. Катрин на год меня младше. Выглядит также младше своих лет. Очень обаятельная. Рыжая белочка. Безумно женственная. Мне приятно болтать с ней. Она часто подходит ко мне. Я пару раз приглашал её погулять вместе. Я чувствую себя в её присутствии очень уравновешенным, спокойным и без мыслей-скакунов.

Я: Женщины не чувствуют ко мне тяги. Я лишён обаяния. Много раз слышал, что произвожу негативное впечатление на

людей в первый день знакомства. Потом эта негативная реакция у них проходит, но осадок видать остаётся…

Врач: У вас очень оценивающий взгляд. Некоторые его просто боятся. Вы словно рентгеном прожигаете. Я когда вас впервые увидел, у меня была реакция: У!..

Медбрат поддакивает.

Я: И что мне с этим делать? Очки носить?!

Врач: Вы верите в любовь с первого взгляда?

Я: Да, конечно. Я в свою жену с первого взгляда и влюбился.

Катрин мне, кстати, тоже сразу понравилась, хотя она и не красавица. Есть в ней что-то, что тут же привлекает и обращает на себя внимание. Воистину обаятельный человечек. Я поэтому сразу запомнил, где и когда мы впервые пересеклись. Часто ловлю себя на том, что любуюсь ей.

Врач: Но вы же понимаете, что в дальнейшем люди знакомятся ближе и им уже какие-то первые негативные впечатления не помеха.

Я: Да, верно. Но у меня этого опыта нет. Я никогда не видел любви в глазах женщин в свой адрес. Значит, есть вещи во мне, которые отпугивают их и в дальнейшем.

Врач: Вы умеете флиртовать?

Я: Без понятия. Я всегда общаюсь с людьми с большой долей юмора, будь то женщины или мужчины.

Врач: Нет-нет, флирт — это нечто другое. Вряд ли бы какой-то мужчина был бы рад флирту с вашей стороны. Флирт — это что-то, что противоположно плохой стороне вашей личности и не всегда завязано на правду.

Я: Я думаю, что у меня нет проблем с флиртом. Я не такой уж и стеснительный человек. Хотя первое время не без этого.

Врач: Я тоже так думаю. Вы стали в последнее время заметно расслабленнее, чем в первые недели. Все сестры так говорят.

Я: Не замечал. Просто они, как мне кажется, начинают общаться со мной и меняют свое мнение обо мне. Перестают видеть на моём лице маску угрюмца. Я же остаюсь таким же, каким и был. Я этой маски на себе не чувствую.

Врач: Мне понравилась история о вашем коллеге, которую вы рассказали в прошлый раз. О том, что тот, появившись на рабочем месте, излучал из себя всевозможные положительные качества и заразил ими весь коллектив, но в дальнейшем оказался абсолютно бездарным специалистом. Вот бы вас с такой способностью поженить, привить её… Всё было бы иначе, да?!

Я::)

Врач: Мне кажется, что вы очень критично к себе относитесь.

Я: Да, это так. Ничего с этим поделать не могу.

Врач: Вы кажетесь себе маленьким и незначительным?

Я: Точно. Эта тема хорошо раскрыта в романе «Один пролетал над гнездом кукушки». Индеец. Вождь. Он был огромным, но чувствовал себя маленьким. У меня аналогично. Я в 5.2 много дней к ряду сидел без дела и наблюдал людей. Там была одна огромная женщина. Секс-бомба, как я её про себя прозвал. Она казалась мне, сидящему в кресле, двухметрового роста. Когда же она ко мне как-то подошла на кухне, я удивился тому, что был на полголовы выше её. По-моему, так было у меня всегда. Просто раньше я на этот факт не обращал никакого внимания.

Врач: Вы говорите, что не были в состоянии содержать вашу семью, и это для вашей жены было одной из причин, чтобы расстаться с вами.

Я: Да…

Врач: Почему вы не пошли работать на фабрику? На завод «Фольксваген», например. Там бы вас взяли без квалификации, и вы бы вполне неплохо зарабатывали. Ваша жена была бы вами довольна. А на выходных вы бы могли заниматься своим искусством…

Я: Я не могу работать на конвейере. У меня вон от первого конвейера в моей жизни осталось два шрама на шее и груди. Носил с другом стёкла в школе. Сорок девять перенесли, а пятидесятое разбилось. Не могу концентрироваться на такой работе…

Врач: Нет, тут дело не в концентрации. Концентрироваться вы как раз можете. Всё дело в том, что вы интеллектуал.

Я: Я не интеллектуал. Это в Германии я отчего-то стал интеллектуалом. В России людей, читающих книги, интеллектуалами никто не называет. Интеллектуал — это очень умный, хорошо образованный и эрудированный человек. Я не такой…

Врач: Я не знаю, как это слово дефинируется в России, но здесь в Германии — интеллектуал — это человек умственного труда. Вам нравится работа в типографии?

Я: Нет. Это тот же конвейер без креативной составляющей. Там любой операции учишься за десять секунд…

Врач: Вот видите! Значит, я прав. Вы не можете выполнять такую работу. Если бы вы пошли на «Фольксваген», вы бы оттуда сбежали бы через две недели, а то и через два дня. Вы не в состоянии делать бездумную работу.

Я: Да, это не моё…

Врач: Совершенно верно. И поэтому я называю вас интеллектуалом. И ваша жена была не вправе требовать от вас

устройства на любую неквалифицированную работу ради содержания семьи. Эта работа убила бы вас как личность.

Под конец врач задал мне какой-то незначительный вопрос в качестве домашнего задания и завершил сеанс психоанализа. Я попытался было собрать пешки обратно в мешочек, но он остановил меня, сказав, что должен зарисовать эту схему для себя в досье.

Я пошёл читать в комнату отдыха. До этого бессознательно забрёл в холл. Там на диване прямо перед входом сидел молодой парень из наших пациентов и взасос целовался с каким-то мужиком. Я сказал «Упс!», закрыл дверь и вышел.

В этот день в группе пациентов мы обсуждали проблемы одной лесбийской пары… Я на этих собраниях летаю в облаках. Молчу и не слушаю. Мне абсолютно чужды все эти любови.

Катрин дала мне пару дней назад книгу Дженет Фрейм о психиатрической клинике. Автобиографический роман новозеландской писательницы. «Лица в воде». Написан в 1961-м году. «Кукушка» — в 1962-м. У Катрин, кстати, и «Кукушка» есть, причем, в оригинале.

В тексте опять-таки куча пересечений с моим опытом. Забавно также было встретить там мистические слова «кукушка» и «Мёрфи»:

«Ein Regenbogen und ein Kuckucksruf
treffen sich nie mehr,
nie mehr, ich und du,
bis zur Grabesruh».[135]

И промелькнувшее ни к селу, ни к городу:

«Murphy, reich mir deine Hand».[136]

Зашла Катрин. Села рядом. Разболтались. Приземлились на тему гороскопа. Я сказал, что мало что об этом знаю и вряд ли во всё это верю.

Она: Напрасно. Оттуда можно многое почерпнуть о своем характере.

Я: Я Дева. Что ты знаешь о них?

Она: Перфекционисты и очень придирчивые.

Я: Точно. Ужасные качества…

Она: Перфекционисты в семейных отношениях.

Я: О, тут мимо… А ты кто?

Она: Я рак.

Я: А что делают раки?

Она: Они очень чувствительные. Живут чувствами. Очень ранимые…

Я: Ну, это более позитивные качества, чем мои. Тебе повезло.

Она: …да, очень ранимые… Я утром очень на тебя обиделась на КТ.[137]

Мы рисовали сегодня за одним столом, и я первое время пытался над ней подшучивать. Говорил, чтобы она рисовала поабстрактнее, иначе воспитательница «придирается». Я, мол, только и отдуваюсь за скрытые смыслы своих рисунков. А Катрин этим шуткам, как оказалась, была не рада. Стала закрывать рукой от меня свои цветы с зубчиками. Я оставил её в покое и стал раскрашивать своего рыжеволосого ангела, до жути похожего на соседку.

Катрин, сказав мне о своих обидах, стала вести себя довольно странно. Заволновалась. Засмущалась. Было видно, что она хочет сказать мне что-то важное, но стесняется. Я взял её руку в свою и попросил прощения за свои безобразия. Она сказала, что ей было всё это неприятно из-за того, что я в тот момент был до жути похож на её последнего приятеля, с которым она расплевалась и не хочет больше видеться. Тот тоже Дева.

Я: А что ещё ты знаешь о себе-раке?

Она: Что ещё?..

Я: Да.

Она (засмущавшись пуще прежнего): Не скажу. Нет, не скажу…

Всё это время я держу её руку в своей. Рука холодная и бесчувственная. Я уже забыл, когда мне было так хорошо от прикосновения. Катрин затихла и ничего больше не говорит. Я жду того, что она мне ответит своими пальцами, сожмет в ответ мою руку, тогда бы я её поцеловал, но этого не случилось… Я предложил ей пойти прогуляться. На улице я опять взял её руку, и она опять не отдёрнула её, но и не ответила, оставив безвольной.

Когда мы проходили мимо загона для лошадей, мне показалось, что я слышу позвякивание уздечки за спиной. Обернулся. Никого нет. Опять звук. Ах, это же серёжки!..

Мы гуляли более часа. Всё это время Катрин выглядела смущённой и растерянной. Я, вроде как, тоже. На протяжении всей нашей прогулки над нами кружил выздоровевший самолёт.

Вспомнилась цитата из недавно прочитанной книги Ирвина Уэлша:

«Их руки сблизились, пальцы переплелись. Скиннер уже давно

понял, что простые объятия могут быть интимнее любой интимности. Теперь оказалось, что иногда достаточно даже касания рук. Он посмотрел на ее кольца, потом в большие карие глаза, где плавала печаль, и в его сердце поднялась теплая волна». [138]

У Катрин на каждой руке по три серебряных колечка… Одно из них — змейка. На указательном пальце левой руки…

Я сказал ей, что если я всех пугаю своим взглядом, то мне следует прописать темные очки, а ей, чтобы не обижаться по пустякам, обзавестись бронежилетом. Дамским, облёгчённым…

Я не знаю, что об этом обо всём думать. Маркус уже раз спрашивал меня, что у нас там с Катрин такое. Я ответил: пока ничего.

Ага, ничего! То-то она всё свои кудри на палец накручивает.

Не знаю. Не замечал…

Я заметил лишь два факта.

Первым было то, что я попросил у соседки Катрин по комнате, у Сабины, машинку для волос, хотел сбрить свой хайер. Катрин ужаснулась моему решению и сказала, чтобы я ни в коем случае этого не делал. Иначе она перестанет общаться и со мной, и с Сабиной. Вот так — категорично! Меня это удивило. Более того, она, как я на следующий день случайно услышал из комнаты отдыха, просила Сабину не давать мне машинку.

Вторым наблюдением было то, что Катрин знала, сколько граммов весит моя таблетка. Она, когда я сказал ей, что уже месяц как не глотаю свой Mirtazapin, ответила, что её таблетка весит в три раза меньше моей: 15 граммов к моим 45. Надо же — подсмотрела на столике с медикаментами!

С чего бы такое внимание ко мне?!

Ну, и ещё — как-то раз она сказала мне, что сразу выделила меня из всей группы и я ей наиболее симпатичен…

На следующий день Катрин была отстранённой и от этого ужасно далёкой. Я, видимо, опять что-то сделал не так. Я опять как-то не так пошутил и что-то не то сказал.

Она лишь зашла попрощаться, т. к. уезжала на выходные домой. Я вызвался проводить её до вокзала. Она сказала, что едет не на поезде.

Я: А на чём?

Она: На машине.

Я: На машине нельзя. Ты же подписала бумагу…

Она: Я иногда нарушаю правила.

Я: Понятно. Как я с таблетками. Ну, тогда — счастливого

пути!

Она: Пока! Увидимся…

Я сидел с книгой весь вечер и думал о том, что Катрин выдавила из меня Татьяну, не став при этом моей любовью. Как, по всей видимости, выдавил меня в своё время Танин Торстен. Раз — и меня больше нет для неё. Раз — и Тани теперь больше нет для меня. Я окончательно перестал вспоминать о ней. Всё. Любовь к ней прошла. Ноль чувств по отношению к Татьяне Александровне. Я наконец-то свободен. Она от меня тоже…

В то же время я в очередной раз получил доказательство своей мужской несостоятельности и, чтобы от этого в очередной раз не сойти с ума, пришлось опять глотать таблетку. Депрессия вернулась за считанные минуты в полной своей силе. До ровного счёта таблеток я не дотянул. В шкафу сколлекционировалось двадцать девять штук. Тридцатая таблетка приземлилась в желудок.

На доске объявлений висит листок с предложением о совместном путешествии. Среди этих желаний читаю: сходить к озеру в соседнем городке, подняться на какую-то гору, сходить в кино, в зоопарк, в бассейн, покататься на велосипедах и устроить пикник, поиграть в гольф, отправиться на аэродром и попросить полетать на том самом самолёте — на моём МакМёрфи.

Я двумя руками «за».

За пятничным чаепитием голосуем. Фаворитами остаются: поход к озеру и аэропорт. Решаем удовлетворить оба предпочтения.

Вот это да! Неужели действительно полетаем над своим гнездом?!.

После принятия таблетки ко мне вернулись все ужасы телесного страдания. Маркус сообщил, что я ночью разве что не бредил, но явно мучился от кошмаров. Утром я с трудом проснулся. Опять дико низкое давление. Опять потекло в трусы после похода в туалет. После завтрака я завалился в кровать и проспал до групповой терапии. С трудом поднялся.

Весь день я провёл в своей комнате. Всё время думал о Катрин.

Она пришла ко мне сама. Мы сидели на моей кровати часа три, болтая как прежде. Я не понимал, что происходит. Включил свой iPod и начал диджействовать, ставя Кати свои любимые композиции.

В одиннадцать часов пришёл медбрат с моей таблеткой, о

которой я совершенно забыл. Катрин пришлось уйти, т. к. дамам не положено находиться в помещениях господ. Медбрат ничего не сказал, но и так всё было понятно. Мы нарушаем правила. Я подумал о том, что если не складывается любовь, то пускай уж это будет моя очередная дружба.

На следующий день мы опять пересеклись пару раз, и я пригласил Катрин погулять. Мы пошли дорогой, по которой ещё никогда не гуляли. Я держал свою руку с её стороны свободной, в надежде… Было очень прохладно и рука просто околела от холода. На пути к лечебнице я спрятал её в карман греться.

Я сказал Катрин, что Маркус выходит на свободу через две недели, он уже прошёл свой курс лечения.

Я: Потом уйдёшь ты, а я останусь куковать здесь дальше.

Она: Нет!

Я: О да, да! Мне предстоит ещё долго лечиться. Всеми этими бесполезными КБТ, АТ, ЕТ, КТ…

Она: Нет-нет!

Катрин обогнала меня и встала ко мне лицом. Я остановился и развёл руки. Она сделала шаг ко мне и обняла, а я обнял её. Мы обнялись крепко-крепко-крепко. Когда эти наши объятия слабели, мы опять делали их крепкими.

Мы стояли на дорожке между двух, вспаханных и поросших мелкой травой, полей, словно дерево без ветвей. Таковых я вокруг насчитал около десятка — один ствол, все ветки спилены.

Я закрыл глаза и вдыхал запах волос Катрин. Она не поднимала голову, зарывшись у меня под подбородком. Рядом с нами один за другим проносились поезда. Слышалось пение птиц. Так мы стояли долго-долго, слегка покачиваясь.

Катрин подняла голову, и мы стали целоваться. Только тогда я-дуралей таки понял, что она меня любит. То, что я её люблю я уже знал, но гнал эту мысль прочь, боясь своей очередной неудачи.

Мимо нас кто-то пробежал. Я открыл глаза и посмотрел в спину убегающему спортсмену. Вот мой бес и покинул меня, подумалось мне. Мне разрешено вернуться в рай и на этот раз оценить взаимность своей любви.

Я: Ich liebe dich!

Она: Да!? Ты мне тоже нравишься!

Было необычно говорить о своей любви по-немецки.

Я: Хочешь услышать это по-русски?

Она: Да!

Я: Я люблю тебя!

Она: Я…

Я: Люблю…

Она: Лублу…

Я: Нет, лю-ю-юблю-ю…

Она: Люблю…

Я: Тебя.

Она: Тебя.

Я: Я должен бы сказать тебе об этом раньше. Никак не мог решиться.

Она: Я всё время думала, что я к тебе навязываюсь. Ты так смотрел на меня…

Я: Ты знаешь проблемы с моими взглядами. Это всего лишь оптический обман зрения. Ух, какой у тебя холодный нос.

Она: Да, недостаток кровообращения.

Я: LT. Liebestherapie.[139] Это тебе не КВТ.[140]

Мы опять обнимались, мы опять целовались, всё это время не сходя с того места. Когда я вновь открыл глаза, было уже совершенно темно. Я взял Катрин за руку, и мы пошли «домой».

Мы сидели на моей кровати и болтали. Оказалось, что Катрин также жила одно время на Berliner Straße.

Я: Знаешь, эта комната — точная копия той, что была у меня в Empelde. Вот перед этими окнами проходили трамвайные пути. Ты наверняка сотни раз проезжала мимо.

Всё. Все мои кошмары закончились. Я опять смог свободно вздохнуть после всех этих ужасных последних лет. Я опять стал живым. Я опять начал думать о детях, с которыми нужно наверстать очень многое. Мне предстоит теперь гениальное время влюблённости и любви. У меня будет новая семья.

На следующий день у меня болели губы, отвыкшие от поцелуев…

Так я думал в тот день. Но я, конечно же, ошибался.

Катрин: Думаешь, у нас всё получится?

Я: Конечно!

Катрин: Мы очень разные люди…

Катрин не нужна семья, она не хочет жить вместе. Ей 35 лет, и она всегда жила одна. Она не знает, что это такое — жить вместе. Она до двадцати шести лет жила с родителями и была ими контролируема. Эта перспектива её пугает. Она не хочет нести ответственности за наши отношения. Она не хочет повторения своих разочарований в любви. Она уже не может быть без меня, но и со мной быть не может. Мы можем встречаться время от времени и заниматься любовью, но не более того.

Мы провели замечательную неделю, регулярно уединяясь где-

либо и даря друг другу ласку. Нас пару раз за этим делом заставала одна очень строгая сестра и прогоняла Катрин из моей комнаты.

На нас уже все смотрят с улыбками.

Вчера я сказал ей, что так дальше не может продолжаться. Для меня это неестественное состояние. Я хочу быть её мужем, а не любовником. Я попрощался с ней, предложив остаться друзьями.

Через час она пришла ко мне, и мы опять много говорили… занялись любовью… Это было окончательное прощание друг с другом.

Всё вернулось на круги своя. Опять дикая депрессия. Я думаю лишь о том, буду ли я сегодня глотать таблетку…

Я хочу любить и быть любимым. И хочу жить вместе с любимым человеком. Больше я ничего не хочу.

Пациентка Моник (полное имя Моник Хортон Вольф фон Сэндоу) — родом из Англии. Ей лет 50. Профессиональный фотограф. С детства живёт в Германии. Отец (служил офицером в царской армии) уже умер, мать (работала в Германии переводчицей) нынче живёт в Лондоне. Родители Моник бежали из Литвы в годы революции.

— Тебе не следовало здесь заводить любовь.

— Здесь в клинике?

— Нет, не только в клинике, но и в Германии. Эта страна не для тебя.

— Почему?

— Поверь мне. Я тебя наблюдаю уже давно. Езжай в Британию, во Францию, куда-нибудь ещё. Таким, как ты нужно живое общество, нужна культурная среда.

— Надо будет попросить твою маму, чтобы она меня усыновила.

— Она уже собралась адаптировать мою подругу…

Моник — лесбиянка.

— Чем тебе Германия так не нравится?

— Я знаю много англичан, живущих здесь долгие годы. У всех у них отличный немецкий язык, все трудоустроены, никаких проблем, с которыми сталкивается большинство прочих иностранцев, но они живут лишь своим сообществом. Порода иная. Сколько корову в стойло к лошадям не ставь, беговой она не станет. Я приехала сюда ребёнком, но до сих пор чувствую себя на все сто англичанкой. В Англии у тебя есть шанс стать частью общества. Здесь — нет.

— В клинике много замечательных людей. Такого количества

душевных людей среди немцев на воле не встретишь… Тут я чувствую себя в своей тарелке.

— Каждый из нас переживает здесь какую-то свою личную трагедию, это делает людей человечней.

— Знаешь, меня очень удивляет, что многие здесь явно стыдятся своего нахождения в психушке: скрывают свои истории от родственников, от друзей, от сослуживцев. Я им всегда говорю, это наоборот очень полезный опыт для вас, у вас теперь есть возможность увидеть окружающий мир с другой стороны. Здесь рушатся многие стереотипы. Даже некоторые речевые обороты отмирают, лишаясь смысла. Люди учатся быть отзывчивыми и добрыми по отношению друг к другу. Не к родственнику или близкому другу, а к совершенно чужим людям. А по поводу Германии… Знаешь, я часто слышал, что детей, рождённых в Германии, одноклассники дразнят национальностью их родителей. Некоторые родители-эмигранты по непонятным мне причинам не говорят при детях на родном языке и те вырастают исключительно немецкоговорящими, ощущают себя немцами. А тут им: «Эй ты, поляк, ходь сюды!» Но, знаешь, я хотел бы поговорить о Катрин…

— Ради бога, не говори мне про любовь! Относись к своим чувствам по отношению к ней как к влюблённости, как к временному увлечению. Это всего лишь эпизод твоей жизни. У меня было очень много отношений. И с мужчинами, и с женщинами. Но по-настоящему любила я лишь однажды. Тебе нужна совсем другая страна и другая женщина.

Жизнь как контрастный душ. Сегодня так, завтра уже эдак. Мы опять идём гулять вместе, я опять беру её за руку, мы опять всю дорогу целуемся.

Поздний вечер, стоим на мосту. Над нами кружат два самолёта. Один из них МакМёрфи, другой — его близнец.

Я: Смотри, Kalte Nase[141], ещё одна влюблённая парочка: самолёт-мальчик и самолёт-девочка! Забавно…

Мимо нас проходит пара. Мужчина говорит: Нет! Женщина: Да!

Нет!

Да!

Нет!

Да!

Нет!

Да!

Нет!

Да!

Нет!
Да!
Нет!
Да!
Нет!
Да!
Нет!
Да!
Нет!
Да!
Нет!
Да!
Нет!
Да!
Нет!..
Да!..

Они скрываются за поворотом и весь этот «Nein-Doch» смолкает.

«You say YES, I say NO.
You say STOP and I say GO.
You say GOOD-BYE, I say HALLO.
I don't know why you say GOOD-BYE, I say HALLO». [142]

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!
Кати, слышишь кукушку?!
Да.
Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!
Считай.
Зачем?
…семь-восемь-девять…
Зачем?
Подожди секунду.
Я считаю до шестидесяти пяти… Кукушка замолкает.

Вернувшись на территорию клиники, у 5-го отделения ко мне подходит женщина и с криком «Марио!» начинает обнимать. У Катрин округляются глаза.

— Марио! Куда ты пропал?! Я так по тебе соскучилась.

Женщина берёт кисти моих рук в свои.

Я не знаю, как сострить и выдаю:

— Я не совсем Марио…

— Господи, какой ты стал, — любуется она мной с улыбкой. На Катрин она не обращает никакого внимания.

— Марио!

Она отпускает мои руки и отходит на пару шагов назад, сложив свои руки на груди, наклоняет голову вбок.

Я: — Всего доброго! Марио нужно идти домой.

Она: — Приходи ко мне, я в 5-м отделении.

Я иду прочь, Катрин шагает рядом и пытается поймать мой взгляд.

— Почему Марио?

— ???

— Почему она назвала тебя Марио?

— Наверное, потому что я Марио… Возможно, что я совсем не Алексей. Capito?

— ?!?!?

— Кати, перестань на меня смотреть так. Ты, между делом, забыла, по территории какого заведения мы гуляем.

— Ты её знаешь?

— Первый раз вижу.

— Но она тебя узнала! Значит, вы уже встречались.

— Встречались, да, и я тогда был Марио. Только я ничего об этом не знаю. Давай, мы будем смотреть на некоторые события в нашей жизни с юмором, а то иначе как-то грустно получается.

— Тебе сегодня звонила Эдельтраут.

— Эдельтраут?! Мне?!?

— Я подошла к телефону, а она спросила тебя. Я её сразу узнала по твоим описаниям. Было очень неожиданно. Она хочет прийти и увидеться с тобой.

— Будешь ревновать?

В ответ жалостливый взгляд.

На следующий день мы опять говорим о нас и Катрин опять не может себе представить, что мы живём вместе. Я предлагаю ей попробовать. Она отказывается. Говорит, что разговаривала обо мне с врачом. Он — на её стороне. Спрашивает, не хочу ли я поговорить с врачом в её присутствии. Я, конечно же, согласен. Мне надо узнать у врача, как бы нам с Катрин безболезненнее расстаться. Я уже не столько думаю о себе, сколько о ней. Не смотря на все её взгляды на жизнь, привязалась она ко мне основательно.

На очередном визите к врачу прошу отказаться от таблеток. Главврач говорит, что так нельзя, можно лишь понизить дозу. Думаю о том, что надо было захватить с собой свою коллекцию таблеток. Их уже штук сорок у меня. Прошу дать мне личный

визит на этой неделе совместно с Катрин. Получаю свой термин на следующий день.

Слегка смущённые, мы заходим в кабинет врача.

Врач: Так, давайте сначала определимся, о чём идёт речь. О любовных отношениях, я вас правильно понимаю?!

Катрин: Да.

Врач: Хорошо.

Катрин: Всё дело в том, что Алексей хочет прямо сейчас переехать ко мне жить, а я так не могу. Мне нужно некоторое время, пока мы начнём жить вместе.

Я несколько ошарашен. То она мне всё время говорит, что не представляет жизни с кем-то в одном жилье, не может выносить контроль с чужой стороны, то тут, вдруг, ей требуется несколько месяцев, чтобы решиться на семейные отношения.

Я: Стоп-стоп! Что-то я тут недопонял. Похоже на то, что нам тут нужен переводчик. Ты говорила мне совсем другое до сих пор.

Врач: Я думаю, что это невозможно, чтобы вы стали жить вместе в квартире Катрин. В Германии это не принято. Здесь пары живут первое время раздельно, ночуя то у одного, то у другого, то раздельно. А решившись на совместное жильё, они, как правило, снимают совершенно новую квартиру, которая у них и ассоциируется с совместной жизнью. Если вы въезжаете в квартиру Катрин, вы тем самым нарушаете её уклад, и это вряд ли пойдёт на пользу вашим отношениям.

Катрин: Совершенно верно. Мне нужна моя независимость. Я понимаю совместное жильё лишь на равноправных условиях, когда каждый платит, к примеру, половину стоимости квартиры.

Боже, думаю я, как это скучно организовано и как мне это чуждо. С этим придётся бороться. Потом. Когда мы съедемся.

Врач: Вы можете представить себе такой вариант вашего сближения с Катрин? Вы живёте первое время раздельно, встречаетесь. Потом, может быть, через три месяца она вам скажет: знаешь что, а давай-ка жить вместе?!

Я: Я очень боюсь того, что она мне этого не скажет. Тогда мне придётся приехать в Вуншдорф вторично. Я очень скучаю по 5.2, но не до такой же степени…

Врач (Катрин): Как вы себе представляете ваши отношения с Алексеем первое время, пока вы живёте раздельно?

Катрин: О, я не знаю…

Врач: Попробуйте описать свой день.

Катрин: …

Я: Понедельник. 8:00.

Смех в зале.

Врач: Как часто вы можете ночевать друг у друга?

Ни фига себе вопросы, думаю я!

Катрин: Ну, раза три в неделю… Я же работаю, а после работы у меня спорт.

По выходным Gothic Parties, про себя добавляю я. Хотя на них она предлагала ходить вместе.

Врач: Это не проблема. Всегда можно выкроить время друг для друга, было бы желание. (мне) Как вам такая перспектива? Она вас пугает?

Я: Нет. Ничего не знаю об этом. Надо пробовать. Я не хочу Катрин потерять, если есть хоть какая-то возможность стать её мужем.

Врач: Значит, вы готовы снять своё жильё на какой-то период времени?

Я: С одной стороны — да — здесь я могу регулярно видеться с детьми, с другой стороны — мне не очень-то хочется жить в Ганновере. Мне этот город тесен. Я бы хотел в Берлин. Там — жизнь.

Катрин: Я тоже не против Берлина. Это было бы даже хорошо — сменить обстановку. Но я пока не знаю, как там может сложиться с работой. Да и в Берлине я к тому же никого не знаю.

Врач: Ну что, упали некоторые камни со стола?

Катрин: Да, конечно! Я не считала, сколько их было, но главный камень — это, конечно же, то, что Алексей готов снять себе квартиру.

Вечером мы опять занимались любовью на моей кровати, затем, обнявшись, лежали, засыпая. Пришла сестра и в очередной раз прогнала Катрин. Я включил свой компьютер и дописал свою историю до ужасно сложного, но счастливого конца.

Все последующие беседы с психиатром касались лишь моей безработицы. Он предложил мне поработать график-дизайнером в газете, выпускаемой в клинике, чьими авторами являются исключительно пациенты. Меня отправят к социальному работнику, ответственному за проект, тот скажет, что у него совсем нет времени на оформление, всё время уходит на подбор и редактирование материала, ему нужен помощник, я мог бы работать с ним и после того, как покину больницу. Я покажу ему своё графическое портфолио. Чувак ознакомится с ним и огорчится.

— А… ну, вы же профессионал. Вы слишком хороши для этой работы. У нас тут всё делается на элементарном уровне, без изысков. Вам будет неинтересно. Прошу прощения за беспокойство…

Эта сценка убедит моего врача в моей профессиональной гениальности. Все последующие разговоры с ним будут либо смешить меня, либо выводить из себя. Врач будет просить меня попробовать работать чуть хуже, чем я могу. Не давать тем самым повода у работодателя чувствовать себя слабее, нежели его подчинённый. Ну и т. д. и т. п. до бесконечности, всё в этом духе.

Рядом с 9-м отделением отчего-то часто паркуются местные такси. У всех у них в номере присутствуют одни и те же цифры, лишь буквы разнятся. И цифры те: 2222.

Нет никакого самолёта, кружащего над кукушкиным гнездом. Есть аэропорт неподалёку, так там этих самолётов аж 15 штук, 15 близнецов-братьев… Они осуществляют товарные перевозки. Всё это время над клиникой летала целая эскадрилья — туда-сюда. Оттого-то и казалось, что самолёт постоянно находится в пределах Вуншдорфа. Лишь раз я видел два самолёта одновременно. Вся моя история с ними оказалась обманом зрения и слуха.

Эпилог

Начну бодренько. Я сижу на заднем сиденье шестисотого мерседеса. Навороченный ваген, словно та койка из реаниматорской, вместо резины — кожа. Место действия — набережная Канн. Водитель Сако показывает Акраму, сидящему рядом с ним, на яхты в бухте и рассказывает по-арабски об их хозяевах. Сако — камердинер бежавшего из Сирии бывшего вице-президента. Абдель Халим Хаддам уже второй год живёт в Европе, преимущественно в Париже, где у него дом на Елисейских полях. Лето 2008-го он проводит со своей семьёй на съемной вилле в Каннах. Ему уже за семьдесят. Он очень богат, говорят что миллиардер, но его более интересует власть, которую он утерял. Мы с Акрамом прилетели к нему из Брюсселя, чтобы снять обращение абу Джамаля к сирийскому народу. Телевизионный канал, на котором я третий день как начал работать, Акрам — вторую неделю, принадлежит этому беглому политику. Его сын — Джихад, толстый добряк с постоянной сигарой в руке и обязательным вечерним бокалом виски под рукой, наш администратор. Отец Джихада хочет вернуть себе власть, свергнув Башара Асада, нынешнего президента. Для этого было решено создать не только партию в изгнании, но и рупор её пропаганды. Канал назвали «Новая Сирия», затем переименовали в «Занубию» — именем какой-то царицы.

Прилетели мы в Ниццу. Оттуда нас забрал Сако и огромный бодигард. Они повезли нас и нашу съёмочную технику на виллу к шефу. Мы крутили по извилистой дороге, ведущей высоко на гору на пугающей скорости. Т. к. у меня нет водительских прав, и я понятия не имею, что такое быть за рулём, то часто испытываю изумления от мастерства водителей. Сако тем временем по рации договаривался с охраной (говорил по-французски) — сперва о том, что объект, т. е. мы все, находится в пути, потом, что мы уже на подходе, вот мы уже подъезжаем. Нас встречают ещё двое охранников с рациями.

Со съёмкой мы управились за час и вышли на улицу в ожидании дальнейших указаний. Акрам был заметно возбуждён. Хаддам для него это не пустой звук, как для меня — малюсенький старикашка, а влиятельный политик в годы его детства и юношества в Сирии. Ответственность за эту съёмку была огромной. Этой видеозаписи суждено было быть уже третьей по счёту из тех, что продуцировал наш канал. Прочие забраковали из-за лажи в записи звука в первом случае и пересвеченности изображения во втором. Тех спецов уже уволили.

Рядом с гаражом моё внимание привлёк старый советский мотоцикл цвета хаки с крупной красной звездой на бензобаке. На фоне всей этой южной роскоши он казался неуместным, как множественные изображения Че Гевары на футболках, сумках и пр. в магазинчиках сувениров на Grand Place в Брюсселе. Эдакие символы победы капитала над идеализмом.

Вышел Сако, сказал, что может отвезти нас обратно в аэропорт. До отлёта оставалось ещё 5 часов, нужно было где-то скоротать время. Сако удивил тем, что сперва свозил нас в центр Канн — показал городок, прокатившись по улочкам, накормил в ресторанчике, а потом спросил: хотим ли мы быстро доехать до Ниццы по автобану или же размеренно проехаться по побережью. Мы, конечно же, согласились на это более чем часовое путешествие. Акрам болтал с Сако, я, ни черта не понимая из их разговора, глядел на море (запах его был едва уловим), на песочный пляж, людей, яхты, машины неведомых мне марок с арабской вязью вместо номеров… и думал-думал о своём.

Доехав до Ниццы и оставив свой груз в аэропорту, мы с Акрамом отправились ругаться друг с другом на берег моря. Причиной тому был наш извечный спор о том, как быть и что делать. Я упрекал Акрама за то, что он так много бредит планами на будущее, регулярно говорит о том, что надо бы сделать то да это, но ничего из задуманного не осуществляет. И так — годами. Только что в машине сообщил мне, узнав от Сако, что сын Хаддама владеет киностудией где-то в одной из арабских стран, мы, мол, сможем теперь пробиться в кинобизнес. Акрам хочет снимать свои собственные фильмы, хочет, но не сел ни разу за написание сценария или же за поиск такового у людей, способных его написать, не истязает себя экспериментами с камерой, будучи оператором… Ничего не делает, лишь мечтает. Я уже устал слушать каждый раз обо всех его задумках, что никак не могут осуществиться… За два года не сделана вэб-страничка, которую он затеял. Я говорю, что на себе-то я уже крест поставил, депрессия убила всякую креативность, мысли и способности угасли, желание делать что-либо отпало напрочь, но он-то ведь живчик… Хватит болтать, Акрам! Начинай что-то делать! Смотри, ты мечтал иметь камеру под рукой, с окончания телевизионной школы выбираешь в каталогах ту, что хотел бы купить, откладываешь, т. к. приходят новости о создании новой, более усовершенствованной модели, нужно подождать её выхода, история повторяется бесконечно… Теперь у тебя есть камера нашего канала под рукой. Отчего ты тогда сидишь в студии часто без дела и не идёшь на улицу искать мотивы, истории, сюжеты,

тебе нужна тренировка, ты ещё далеко не профи-оператор. Акрам начинает бессмысленно оправдываться и обижается, переводит разговор на моё «говно», затем ему приходит идея снять короткое кинишко на свой мобильник, прямо здесь на берегу средиземного моря: вот камни, вот мутная вода Ниццы, небо, самолёты. Давай! Давай я буду высекать имя Нины (его подружки) на этом булыжнике. На ходу придумываем элементарный сюжет и планы. Я включаю видео-запись. Через пять секунд аккумулятор мобильника сообщает, что он разрядился…

Ещё мы пробежались по теме «тщеславие как движущая сила». И я и Акрам начисто лишены этой штуковины, и помноженное его отсутствие на недостаток творческих способностей, достаточных для достойного места среди людей искусства, дало печальный результат. Разочарование в себе самом пришло ко мне уже много лет назад, примерно за год до развода, к Акраму лишь теперь. Ужас от своей бездарности выглядит со стороны леностью, но таковой не является — оба работаем на износ, если что-то в работе клеится, но таковые моменты редки, они лишь удачные стечения обстоятельств, не более того.

Есть у нас и существенное расхождение в мировоззрении. Мне свойственно сравнивать свой труд с трудом людей, превосходящих меня в творчестве, Акраму — с теми, кто хуже. Я в результате — сильно проигрываю профессионалам, чувствую себя, таким образом, ущербным, Акраму сия установка даёт мотивацию не унывать. Я легко отношусь к любой критике, Акрама она выводит из себя — делает неадекватным. Соответственно, на студии в Брюсселе у меня были отличные отношения со всеми коллегами, он умудрился со всеми пересобачиться.

Позже Акрам так и не возьмётся ни разу за своё личное творчество. Мы будем неделями сидеть без дела в ожидании съёмок, убивая время в интернете (преимущественно я), в болтовне с сотрудниками (преимущественно он).

Когда студию закроют за отсутствием финансирования, Акрам отправится на неделю в Канаду — сопровождать и документировать турне Шивана Первера (того самого курдского Шевчука, чей концерт в Ганновере мы в школьные годы делали вдвоём.) Та поездка будет знаменательна не съемкой, а тем, что на пути с Ниагарского водопада в отель, кто-то на автобане примет микрофон Акрама, ведущего съёмку интервью в чёрном хаммере, за огнестрельное оружие и сообщит об этом в полицию. Полиция вышлет полтора десятка специалистов на перехват. Всё это будет заснято на видео и выложено в YouTube. Совершенно

дикий захват — с нацеленными на музыканта и сопровождающих автоматами и пистолетами, с криками, укладыванием на землю… Более легкий вариант «проверки на вшивость» произошёл с нами ранее в Брюсселе. Мы отправились на съёмку и поехали по улице, где накануне была арестована группа террористов, готовящих что-то нехорошее Европарламенту. Улица была оцеплена и полиция останавливала все подозрительные автомобили. Наш — с берлинскими номерами и «лицами кавказской национальности» — не остался незамеченным. Пришлось пройти тщательный обыск, объяснение — какого хрена мы делаем в Брюсселе, обыск машины, выписка всех номеров из мобильных телефонов, составление протокола. В обоих случаях всё обошлось. В Канаде Акраму повезло больше — его фотография с поднятыми руками обошла местную прессу.

С первого же дня пребывания в Брюсселе я влюбился в этот город. Видел его эти пару дней лишь эпизодически, преимущественно из окна машины, доставляющей нас на очередную съёмку, но сразу появилось чувство — это мой город. Сочетание старины и современности, разнообразие лиц, языков… всё это было по мне. Я сторонник мульти-культи. [Сейчас в Германии на фонарном столбе перед окнами моей комнаты висит предвыборный плакат нацистской партии: «Besser leben ohne Multikulti»] Многонациональной была берлинская студия, телевизионная школа, общество «Карга», теперь вот брюссельская студия. Ещё одна маленькая причина, по которой я свалил из Питера, — это дикая ненависть к чужакам моих сотрудников…

Владельцы канала сняли нам с Акрамом на двоих трехкомнатную квартиру в самом центре города, метрах в двухстах от Grand Place. Я проходил через эту площадь дважды за день: идя на работу и возвращаясь домой. Очень быстро перестал видеть ту красоту, на которую слетаются ежедневно тысячи туристов. Я видел лишь лица этих туристов и уже не понимал, что они здесь фотографируют. Через месяц я перестал видеть и весь город. Я всё больше смотрел внутрь себя и меня терзали прежние муки. Я опять думал только о Татьяне и детях.

Мне не нравился и нравился одновременно безумный хаос в организации студии; нравилась и не нравилась шутка, всплывшая после написания моего имени Алексей по-арабски, оказалось, что если убрать из него две точки (яйца, как я их тут же обозвал), слово Алексей превращается в Алькуси, что значит пизда… По-хулигански нравилось глядеть на добрую половину работников, людей ислама, молящихся прямо в студии; забавляться спорами

арабских коммунистов, открыто издевающимися над Кораном и, то и дело, подкалывающих коллег-мусульман; нравилось имя одного из сотрудников — Моджахеддин (через несколько месяцев он будет выслан из страны из-за попытки хакерской атаки НАТОвского сервера); нравилось называть Рассана (одного из идеологов канала) абу Алексей (отец Алексея), т. к. он регулярно изъявлял желание мне чем-нибудь помочь, подбодрить; нравилось снимать жаркие дискуссии наших журналистов с людьми из «Хамаса» и «Хесболлы»; нравилось то, что народ адекватно понимал юмор; нравились многочисленные сообщения о том, что телевизионный сигнал взломан сирийскими спецслужбами, и мы — вне эфира; вызывало улыбку обилие слова «демократИя» и «мушклеле»[143] в эфире, цитирование Корана религиозными деятелями, бесконечные слова-паразиты: шуф, яни, ялла; нравился неуловимый бухгалтер Бассем, гоняющий на автомобиле по улочкам города, словно во время погони.

Мне сказали, что он, этот Бассем, очень большой человек в исламском мире — контролирует мусульманские общества на территории Бельгии. Я погуглил и нашёл следующее: доклад организации «Nine Eleven / Finding Answers (NEFA) Foundation». Разработка мусульманских общин в Бельгии «с паролями и явками». Среди прочего читаю: «One individual, Bassem Hatahet, appears to be the most important figure in the Belgian Muslim Brotherhood». В конце доклада — схема связей, которыми заведует Бассем. Он часто заходит в монтажную, где я сижу, извиняется за беспокойство, снимает обувь и начинает молиться. Молится он без стереотипного коврика. Я тем временем с помощью GoogleMaps пытаюсь выяснить, действительно ли в той стороне, в которую направлено богослужение бухгалтера, находится Мекка. Вспоминаю, что моления тех, кто регулярно обращается к Аллаху в съёмочной, обращены в совершенно другую сторону. GoogleMaps выдаёт северо-восток… Закончив, Бассем говорит мне, что когда эта контора здесь развалится, чему не миновать, я могу прийти работать в его фирму, у него есть дела для меня. Я, зная цену всем этим предложениям, улыбаюсь в ответ и прошу взять меня с собой в Мекку, я слышал, что он отправляется на хадж через неделю. Мне было бы любопытно там побывать. Он отвечает, что туда допускаются лишь мусульмане. Но я же могу таковым прикинуться, шахиду я уже выучил наизусть. Он отшучивается, мол, в следующий раз.

Нам досталась отличная работа. Делай свои задания на своё личное усмотрение, придумывай, твори — никаких ограничений. Спектр видов деятельности широк: камера, звук, монтаж, освещение, графика. Выбирай на свой вкус, смешивай. Зарплаты,

хоть и чёрным налом, были раза в три большими, нежели мы могли себе представить будучи в Германии. Бесплатное жильё. Я в очередной раз попал в хороший коллектив. Проблема того, что я не говорю ни по-арабски, ни толком по-французски, не возникла. Английского хватало, да и половина работников на студии были курды из Германии, на пальцах также удавалось объясняться. Всё сложилось почти идеально для того, чтобы быть довольным жизнью. Но… почти сразу стало ясно, что всё это мне не нужно… Я ездил в Ганновер к детям раз в месяц на два-три дня, и каждый раз моё сердце было в нокауте от этих встреч. Не от встреч, собственно, а от тяжёлого расставания после. Господи, как мне хотелось быть с ними чаще, а лучше всегда…

Каждый раз, оказываясь в Ганновере, я встречаю в толпе знакомые лица по Вунштдорфу. Царко (он ищет новую квартиру, не понимает зачем снял тогда трёхкомнатную, ведь он совсем один), Шарлотта (привет-привет), соседка по комнате Катрин Антье бежит на вунштдорфский поезд, десяток безымянных лиц. В последний раз встретил Хайке в трамвае. Она не сразу вспомнила моё имя, но удержала в памяти, что я русский. Сказала, что прочитала недавно две книги моего соотечественника.

— Wladimir Sorokin. «LJOD. Das Eis». Und das andere «BRO». [144]

— О! Надо же, какие книги ты читаешь!

— Да, мне понравилось.

— Это трилогия. Тебе следует найти ещё роман «23.000». Не знаю, правда, переведён ли он. А ты, кстати, знаешь, что «Путь бро» Сорокин написал в Ганновере?

— Правда?!

— Да, у него был немецкий гранд здесь. Я читал в его интервью, что он жил рядом с домом Готтфрида Вильхельма Ляйбница.

— У тебя симпатичные дети.

— Спасибо. Везу вот их в кино.

— Мне пора выходить. Всего тебе доброго!

— Тебе тоже. Пока!

С Маркусом мы пару раз переписывались по электронной почте. Он опять в больнице.

В зоопарке у вольера с гориллами стояла Эдельтраут с блаженной улыбкой.

Уборщицу Галину встречаю на пути в библиотеку. Она посещает курсы в надежде стать продавщицей.

Не встречал ни разу лишь врачей да медбратьев.

Год назад Тане позвонила моя мама. Она поздравила внуков с днями рождения. Сказала Татьяне, что Леонид Евгеньевич (мой отчим) умер. Умер ещё в июне. Т. е. в тот месяц, в середине которого я распрощался с клиникой. Я ничего не почувствовал, ни капли жалости к нему. С мамой у меня до сих пор нет контакта.

Я не стану здесь ничего рассказывать о Катрин. Это уже совсем другая история. С ней мы расстались вскоре после того, как я вышел из больницы. Мы коротко встретились пару месяцев спустя, в один из моих приездов из Брюсселя, и окончательно разошлись. У нас ничего не получилось. Слишком много в ней оставалось её Феликса, а во мне — моей Татьяны. Я также понял, что не смогу выносить столь частую смену добродушия и агрессии в женщине. Это каждый раз было ядом в наших отношениях с Татьяной.

Из Вуншдорфа я уехал в Берлин. Жил там, у Акрама в квартире его друга, что-то около месяца. Первые дни пытался найти социальную помощь для регистрации в столице и поиска жилья. Меня отовсюду отфутболивали, и я быстро понял, что очередная безвыходная ситуация меня доконает. Мотивации чего-либо добиваться нет. Почувствовал себя очень плохо. Позвонил в больницу, поговорил с врачом, думал, он предложит мне вернуться в отделение. Ранее главврач не хотел меня отпускать из клиники, говорил, что к выходу я не готов, особенно, если не знаю, где можно будет в дальнейшем зацепиться. Но на этот раз он сказал, что я могу приходить к нему лишь раз в неделю для бесед. Он предложил приехать на следующей неделе, чтобы обсудить это. Так я вернулся. Берлин оказался моей глупой идеей.

На встрече с главврачом я услышал лишь повтор ранее сказанного, слово в слово, ничего нового. Один раз в неделю по часу он в моём распоряжении. Он также повторился о целях терапии. Собственно, я и выписался из клиники, когда мне сообщили об этих целях. Мне тогда было сказано, что мы должны добиться следующего: чтобы мои беды перестали причинять мне столько боли, как нынче, им следует перейти в разряд меланхолии, тогда бы я испытывал чувство печали, но не горькое… Я тут же вспомнил слова мамы: «Хватит лелеять в себе плохое настроение!», а также вопрос фрау Брюнинг: «И вы лелеете свою депрессию?» Стать мазохистом, лелеющим свою депрессию, мне не хотелось. Я заявил о своём уходе. На этот раз мне предложили хорошенько подумать, но я уже знал, что не воспользуюсь предложенным, и это мой последний визит к

врачам.

Главврач:

— У меня есть личный вопрос к вам.

— Задавайте.

— Я хотел бы купить ваш рисунок. Тот, что с рыбками.

— Он остался в мастерской. Я не забирал своих работ. Мне они ни к чему.

— Хорошо, я поговорю с фрау Диттмар. Сколько вы хотели бы за него?

— Мне не нужны деньги, можете забрать его в подарок.

— Спасибо, но мне хотелось бы вам заплатить. Вам сейчас нужны деньги. Я справлюсь насчёт рисунка и свяжусь с вами.

Больше мы не виделись. Он не позвонил.

Рисунок, о котором здесь шла речь, был моим шоу для медиков. Начав отправлять предписанные мне таблетки миртацапина не в желудок, а в дальний угол шкафа, я в скором времени стал обладателем солидной коллекции. Говорить о негласном отказе от медикаментов мне отчего-то было стыдно, и через месяц я попытался свести их на нет официальным образом, попросил врачей отменить мне медикаментозное лечение. Они сказали, что это невозможно, я нуждаюсь в таблетках, иначе начнутся прежние проблемы, но дозу уменьшили с 45 до 30 мг. Через пару недель я повторил свою просьбу, таблетку уменьшили вдвое. Её мне предписывали глотать также и после того, как я покину пределы клиники. Я представил себе эту массу химии, и меня осенила идея. Дождавшись очередного сеанса кунст-терапии, я принялся за свой проект. Я сосчитал количество таблеток в своей коллекции, прибавив к ним те, что мне ещё выдадут до визита к врачу, и взялся за краски. На листе DIN A1 вверху был сделан заголовок:

MIRTAZAPIN
45 mg, 30 mg, 15 mg

Всё пространство я заполнил идентичными по форме рыбками. Различался лишь их размер. 44 из них были крупными и олицетворяли таблетки в 45 мг, 14 — среднего размера — таблетки в 30 мг, и 7 мальков — по 15 мг. 65 рыбёшек. То, что доктор прописал, или в моём случае кукушка накуковала. Фрау Диттмар отметила моё нежелание в тот день заниматься терапией и явное ёрничание над её занятиями. Я пообещал нарисовать что-нибудь со скрытым психологическим подтекстом в следующий раз и забрал свой аквариум в отделение.

В очередную пятницу на приём к врачам я захватил своё

полотно, а также пластиковый стаканчик с коллекцией миртацапина. Стаканчик был спрятан в нагрудный карман, рисунок свёрнут в рулон.

На сцене: главврач, лечащий психиатр, психотерапевт, сестра.

Захожу. Стандартные вопросы. Как дела. Какие планы на выходные.

— Я должен вам в кое-чём признаться. Не знаю, как всё это толком объяснить… Короче, вот сперва моя кунст-терапия.

Разворачиваю на столе свой шедевр.

Все склоняются над рисунком, читают заголовок.

— Mirtazapin. Schön. Was hat das zu bedeuten?..[145]

— Ну, это значит, что у меня есть тайна, в которой мне хотелось бы признаться.

Я достаю из кармана стаканчик, доверху заполненный таблетками.

— Вот это мой аквариум. Рыбки… глотать которые мне расхотелось.

Долгая немая сцена. Врачи переглядываются. Двое из них начинают заносить информацию в протокол.

Главврач:

— Почему вы сделали это?

— Даже не знаю почему, но я их не выбрасывал. А тут вот пришла мысль, что их может найти в моём шкафу кто-то из пациентов и… Здесь в отделении половина пациентов с мыслями о суициде.

Жизнерадостный Маркус выдал мне недавно:

— Если бы у меня сейчас в руке был пистолет, я бы не задумываясь выстрелил бы себе в голову…

Главврач:

— Почему вы отказались от таблеток?

— У меня начались серьёзные побочные эффекты, о части из них я уже говорил в 3-м отделении, где, собственно, я и начал свою коллекцию, но врач ничего на это не ответила… Другая проблема, о которой я умолчал, — из той серии, о которых я не всякий раз могу рассказывать: я стал мочиться против воли… Довольно неприятный опыт.

— Вы находите все предложенные вам терапии бессмысленными. (От КВТ я уже отказался, перестал её посещать) Медикаменты вы игнорируете. Зачем вы здесь? Смысл пребывания вас в нашем заведении сведён к нулю. Мне придётся вас выписать и определить в приют.

— …

— Оставьте нас, пожалуйста, нам с коллегами нужно переговорить.

Я свернул свой рисунок в рулон и вышел.

В результате всё осталось неизменным, но мне запретили покидать отделение в течение четырёх дней. Я не ходил ни на работу, ни на терапии. На пятый день запрет сняли.

Моим последним рисунком на кунст-терапии была дорога, уходящая вдаль, по краям разноцветные деревья, на дороге чуть поодаль улыбающийся медведь. Bärlin… В реальности Берлин мне не улыбнулся.

Фрау Диттмар выложила на стол два десятка моих работ, чтобы проследить их эволюцию. Она видела, что ко всей этой мазне и лепке я не отношусь серьёзно, во мне слишком много самоиронии, но, тем не менее, из моих экспериментов с разными материалами многое, что смогла узнать обо мне. К сожалению, ничего нового для себя из её анализа я не выделил.

Открыв конверт с выпиской, я впервые прочитал свой диагноз:

«Schwere depressive Episode mit Suizidalität. Kombinierte Persönlichkeitsstörungen mit narzisstischen und schizoiden Anteilen». [146]

Мне регулярно говорят о заниженной самооценке, а тут вот приписывают нарциссизм — любование своей личностью. Я кажусь врачам высокомерным и нежелающим общаться с окружением, я кажусь им изгоем на фоне прочих пациентов, которые только и делают, что сидят на терассе и болтают друг с другом, с раннего утра и до позднего вечера, когда их оттуда выгоняют сёстры. В результате у меня шизоидное расстройство личности. Либо я путаюсь во всех этих терминах, либо врачи так и не поняли, что я за птица. Зачем я провёл в клинике пять месяцев? Каждый день моего пребывания в ней обходился медицинской кассе более чем в 300 евро, т. е. около 10.000 евро ежемесячно. И где результат? В моей выписке стоит следующее:

«Behandlungsvorschlag: Herrn E. wurde eine fachpsychiatrische Weiterbehandlung und perspektivisch eine psychoanalytische Therapie nahegelegt, die er wie eine medikamentöse Behandlung für sich derzeit noch nicht annehmen konnte». [147]

Чуваки, вы все милые в общении люди, но труды ваших умений — это полное фуфло… Вы как те учителя немецкого, что доминируют на курсах для иностранцев. Вреда никакого, но и пользы ведь тоже… С чем меня привезли в дурку — с желанием расстаться с жизнью — с тем и выпустили. О чём я думаю ежедневно? Во-во, о том самом…

Женщина, чьё имя я успел позабыть, регулярно приходит посидеть на ступеньках 9-го отделения. Вот уже второй месяц после выписки. Она лесбиянка, попала в клинику из-за своей подруги. Чем-то схожая со мной история. Врачи уговаривали её забыть свою любовь и порвать отношения, раз уж они для неё так болезненны. Порвать и начать всё сызнова. С кем-нибудь иным. И она решилась на разрыв. Говорила нам, что ей стало легче. В последние дни до выписки внешне ожила, её по доброте душевной очень поддерживали все пациенты на групповой терапии, а это ведь сильно сбивает с толку. Она вышла, через неделю поняла, что все приобретённые в клинике надежды — лишь пшик. Депрессия вернулась, жить без своей подруги она не смогла. У той уже была другая любовь. В результате приезжает в Вуншдорф, где ей вроде как лучше, и сидит, общается с теми, кого знала ранее и кого ещё не выписали. Под ногами вертится её очаровательная собачка.

— Как у тебя дела, Моника (да, вспомнил имя)? — спросил я её, в который раз уже встретив на ступеньках.

— Ты оказался прав. Самообман недолговечен.

— И заставить себя перебороть депрессию и фрустрацию волевым усилием не представляется возможным. Те, кому это удаётся, как мне кажется, страдают не депрессией, а плохим настроением. Ты меня убеждала в обратном.

— Я была уверена, что справлюсь.

— Знаешь, Тобиас тогда, в первые дни, меня очень забавлял. Он абсолютно не понимал, что с ним происходит. Не спится ему. Почему? Жена бросила. Нашла себе более молодого. [Тобиас — состоятельный человек, десятки лет работает в банке, ещё не пожилой человек, но уже в возрасте]. Получил свои таблетки, начал спать хорошо. Уже поговаривал о выписке.

— Ну, откуда ему было знать, что измена любимого человека будет так болезненна.

— Знаешь, я тогда и не понял, что он делает в психушке. Жутко кричащая от психоза Антье и холёный Тобиас — в одном отделении, в одной группе! Он же производил впечатление наивного дядички, большого ребёнка. А потом его накрыло очень быстро, стал вдруг огрызаться, перестал общаться. Я сюда попал после двух лет кошмара. Он — в самом его начале. У меня мурашки бегут по телу, когда я вспоминаю тот первый год, да и второй в придачу, все эти мои ужасы. Он испугался первых ударов депрессии и побежал к врачу.

— Я тоже сразу побежала.

— И я побежал, но не в больницу, о больницах у меня было

оправданно скептическое представление, я помчался к своей жене, к причине своей депрессии, — умолять, просить простить, сжалиться. Без толку. Не смог объясниться с ней. Возможно, напугал своей напористостью, неосторожностью. Ему начали помогать, помнишь, как в группе его тренировали организовать вечер на дому: пригласить к себе в гости знакомых, вместе посмотреть телевизор?! Мне было жутко смешно наблюдать весь этот бред. Такой человек и не может занять себя ничем, не может организовать свой досуг. Был весь в работе, всем прочим занималась жена. Тут понятное дело — психотерапевт научит, подложит подушечки. Хотя тоже уверенности за его благополучие нет. А что в нашем с тобой случае? Как так взять и раздавить в себе привязанность к любимому человеку?!

— Нужно как-то забыть, но как — я не знаю.

— Обрати внимание на то, что говорят врачи о тебе, и что — о твоём партнёре, которого они в глаза не видывали. Ты всегда права/прав, она/он недостойны твоей любви.

— Ну да.

— Ещё бы, так и моей жене говорили, уверен на все 100 %, когда она ходила к психотерапевту. Он вас недостоин, он ограничивает вас и далее по списку. Кому-то, как моей жене, эти идеи успешно вбиваются в голову, а мне вот — нет. Я бы и рад её ненавидеть, но не могу. Тебе становится легче, когда ты плачешь?

— Нет.

— Вот и мне тоже. А Татьяне моей всегда было легче. Меня это бесило.

Проблема психиатрии для меня заключалась ещё и в том, что в психоанализе игра идёт в одни ворота. Ты рассказываешь о себе, о своих чувствах, рассказываешь всё, что знаешь, тебя при этом наблюдают, что-то подмечают, о чём-то говорят, но больше утаивают. Это заметно. Любое моё движение считывается. Мне забавно наблюдать врача. Я даже могу поиграться с ним на эту тему, но не хочу. Я каждый раз ожидаю взаимной откровенности, но её не бывает. Всё лечение сводится к перевариванию медикаментов и игру в разведчиков. В разговорах с врачами я слышу лишь то, какой я замечательный. Мне ничего не предлагается, кроме стандартных для всех болезней и абсолютно бессмысленных на практике терапий. Мне не предлагают никаких вариантов, никаких схем для дальнейших действий. Врачи ждут момента, когда я эмоционально сломаюсь, начну кричать, плакать, хлопать дверьми, что-то ещё… Я вижу это по другим пациентам. Я — ветеран депрессии, меня уже ничего не удивляет, я всё могу просчитать на шаг вперёд. Катрин же каждый раз доводят до нервных срывов, «закаляя» её таким образом.

Однажды я, уже не вспомню из-за чего, вдруг начал плакать на пятничной встрече перед всеми врачами. Не разрыдался, но слёзы текли. Мой психиатр на следующий день признался мне, что впервые увидел меня таким, какой я есть на самом деле. Он говорил об этом, как о грандиозной победе в моём лечении. Я сказал ему, что у меня были моменты, когда я плакал часами, не мог остановиться. И что с этого? Вы это знаете, я вам говорил. Ему не нужны рассказы, он всё хочет увидеть своими глазами. Я не понимаю сути всего этого, я не верю в эти теории. Самонадеянность у врачей потрясающая.

Покинув Вуншдорф во второй раз после бесполезного разговора с главврачом, я поехал в Ганновер и поселился в том самом приюте для мужчин, которым мне угрожали в своё время. Общежитие на полторы сотни мест. Большинство жильцов — алкоголики, часть наркоманы. Живут там освободившиеся из тюрем, старики, психически больные, несколько молодых ребят. Прилично выглядящих было лишь несколько, они там долго не задерживаются. Есть такие, которые живут в приюте годами. Большая половина мужиков бородатые. Бородатые дядьки в образе Распутина, Робинзона, викингов, эдакие Мусоргские…

Удобство проживания в приюте заключалось в том, что оттуда можно уйти в любую минуту, даже забрав с собой ключ от комнаты. Никаких обязательств. Никаких счетов опосля. Комнаты маленькие, но уютные. Питание в столовой. Своя прачечная. Оформлением всех бумаг заняты социальные работники.

В тот раз я прожил в общаге менее трёх недель. Запомнились лишь два эпизода.

Первый: заехав как-то во двор на велосипеде, я улыбнулся следующей сценке — август, жара, группа сильно пьяных мужчин с загорелыми торсами, украшенных множественными татуировками; стоят молча, часть сидит на скамейке, в руках — бутылки дешевого пива, на земле в центре группы стоит магнитофон, из динамиков на всю округу вяло хрипит Том Уэйтс:

> *«…And the piano has been drinking*
> *Not me, not me,*
> *The piano has been drinking*
> *not me…»*[148]

Второй эпизод уже без улыбки: сосед сверху опорожнил свой ночной горшок прямо за окно на лужайку. Было жарко, и я держал окно открытым. Я услышал плеск воды, и тут же ядовитый

запах мочи ударил в нос. Запах был настолько силён, что мне пришлось спрятаться под одеяло и даже там дышать ртом, прежде чем пары урины испарились из моей комнаты.

В коридоре часто валяются куски колбасы и сыра, упавшие с тарелок хмельных постояльцев, бредущих из столовой в свои логова. Всюду грязь, но ежедневно приходят уборщицы и тщательно всё моют. Чуваки никогда не появляются в душе, и я быстро потерял страх подцепить там какую-нибудь кожную болезнь.

Позвонил Акрам из Брюсселя. Он уехал туда неделю назад и устроился на работу в арабской телевизионной студии. Акрам сказал, чтобы я завтра обязательно приезжал, меня там тоже возьмут, он уже договорился, студия набирает персонал. На следующий день я уже приступил к работе. Через три — мы вылетели на съёмку в Канны.

Я очень быстро стал ломаться вновь, когда жизнь в Брюсселе вошла в свою колею, и, проработав 6 месяцев, уволился. Вернулся в приют. Приезжая проведывать детей, я всё чаще ловил себя на том, что как прежде любуюсь Татьяной, что опять вижу в ней свою любовь… Но на этот раз всё стало предельно ясно — у меня нет никаких шансов на воссоединение с семьёй. Я бросил всю свою сытую брюссельскую жизнь и приехал жить в бомжатник, лишь бы видеть детей чаще.

Сева задаёт мне вопрос по дороге в зоопарк:

— Папа, почему все Erwachsene sehen so traurig aus?[149]

— Я не знаю. Возможно, что их всех в какой-то степени «выбросили в окно».

— Что? Настя, перестань пинаться. Папа, Настя меня mit den Beinen schubst!

Чуть позже. Настя:

— Papa, bist du ein Loser?[150]

— Да.

Дочка явно ожидала от меня ответа «Нет».

— Alter! Du bist doch gar kein Loser! Du bist mein Papa. [151]

Два с половиной часа я провёл у социального работника в службе по трудоустройству (а точнее — службе для безработных). Она расспросила меня о событиях последних лет и спросила, что мы дальше делать будем. Какие планы?

— Никаких. Работу полноценную вы мне предложить не можете. Самостоятельно что-либо затевать я не собираюсь, нет у меня для этого способностей. Учиться я больше не буду.

Специальностей у меня — выше крыши.

— Мы можем предложить вам социальную работу.

— Зачем? Можете, конечно, но смысла в ней никакого. Работодатель использует рабочего на халяву, это его развращает. Как правило, человек работает не по специальности и, соответственно, на уровне его квалификации подобная деятельность не сказывается. Работать можно только на некоммерческие организации. Т. е. если я хороший работник, и показал свои способности за эти полгода, взять меня на постоянную работу никто не может. Денег на полноценную зарплату ни у кого нет, да и зачем, если на это место пришлют нового человека, и он будет работать за две сотни евро, которые к тому же платит государство. Социальная работа — это рассадник спекуляций и коррупции. Государство использует это лишь для того, чтобы вывести человека из статистики по безработице. Я продолжаю жить на пособие, но я не безработный. Чушь! Я не откажусь, если вы мне что-то предложите, но не вижу в этом смысла. Собственно, я уже трижды был таким образом трудоустроен. Хорошие воспоминания, но не более того.

— Да вы правы. Но некоторые в вашем приюте, наоборот, счастливы получить такую работу, она не всем достаётся. Вы же понимаете, что там далеко не каждый способен работать.

— Да, там есть забавные люди…

— Как вы ищете работу?

— Никак.

Мне пришлось утаить своё трудоустройство в Брюсселе.

— Какой смысл искать работу, если она годами не находится? После окончания школы я разослал несколько сотен резюме. Первое время люди звонили, говорили, что им нравится мой портфолио, но работы у них для меня нет, просили разрешения оставить его в своём архиве, авось, со временем пригодится. Потом отвечать перестали. Отослать резюме стало схожим с выбросом его в ведро. Понимаю отчасти, что стало тому причиной: безработица растёт, доходы фирм падают, на любое объявление приходят сотни запросов, обработать их все не представляется возможным, одни лишь почтовые марки обойдутся в сотни евро. Я не так давно был в Питере. Там всё несколько иначе, чем здесь. Там я работал. В Брюсселе вот недавно делал практику. Мною были довольны. Но там с проектом не заладилось. А в Германии я не вижу вариантов. Нет рынка, нет конкуренции. Знаю массу людей, чью работу я мог бы делать лучше, но они по разным причинам трудоустроены, а я по-прежнему нет. Но это всё не проблема. Я о работе и не думаю, меня работа от депрессии не спасает. Для меня абсолютно не

важно, работаю я или же сижу на жалкое социальное пособие. Мне без разницы. Для потенциальных сотрудников даже лучше, что я не работаю, не вывожу их из себя своим дурным упаднническим настроением. Меня даже друзья некоторые перестали понимать. С некоторыми оборвались контакты.

— Я понимаю, ознакомившись с вашей биографией, что вы очень много чего сделали, каждый раз были готовы сделать шаг вперед… (опять я слышу о том, какой я пушыстый) но жизнь обернулась к вам спиной, поступила с вами несправедливо… Но нам нужно составить план…

— У нас не из чего составлять план. Нет материала. Я ничего не могу. Даже по-чёрному работать не могу. Меня деньги не стимулируют…

Работа по-чёрному оказалась любимой темой этой дамы, и в течение следующего получаса она прочитала мне лекцию, как их служба борется с подобными нарушениями закона. Было интересно послушать. Слово доносительство было основополагающим в этой теме, а вспомогательным была зависть. Пример следовал за примером. Я вспомнил призыв главврача 5-го отделения доносить на пациентов, занимающихся противоправными деяниями…

Я так и не научился за эти четыре года быть без семьи. Благодаря Катрин я понял, что Татьяна заменяема. Но не до конца уверовал в это. Быть одному — таки не срослось. Возможно, что будь у меня другая любовь, от Татьяны не осталось бы и следа. В этом случае на неё вылилась бы вся моя злость и презрение, что так нужны были моим врачам, за всё то, что я пережил и что носил в себе все эти годы, за весь этот кошмар, что окончательно разрушил меня. Татьяна не чувствует моей боли. Не догадывается о её силе. Думаю, что и я бы не смог оценить в полной мере боль другого человека. Она всё время думает, что вот пройдёт немного времени, и я угомонюсь, вот устроюсь на работу, и всё наладится, побуду в больнице, и мне помогут… Годы проходят — вместе с ними сменяются рецепты, благодаря которым, я по её мнению приду в норму. Я не получил ни одного шанса у Тани, не было сделано ни одного шага в мою сторону. Ни одного «звоночка». Ни одного предложения поговорить. А мне до сих пор хочется поговорить с ней. Но я не в праве просить её об этом. А она сама не предложит.

Сперва я видел детей дважды в неделю, затем — на каникулах, думал, будет чаще, получилось наоборот — всё свелось к одному дню…

Вслед за её Торстеном пришел другой. Я это сперва

почувствовал, потом о нём узнал.

Таня стыдится меня. Всегда стыдилась. Перед родственниками, перед подругами. Стыдилась моей внешности, стыдилась моей житейской мягкотелости. Стыд со временем сменился ненавистью. Если не ненавистью, то явным раздражением.

Я испытываю чувство ужаса, когда вспоминаю первый год своей депрессии. Одна болезнь за другой, кошмары, галлюцинации, слёзы, реки слёз. Нынче всё это телесное ушло. Перхоть осыпалась. Нынче во мне лишь ментальная депрессия. Но она заняла всё свободное пространство и по-прежнему невыносима. Такие вот дела.

Зубной врач сказал, что я за последний год умудрился сточить себе зубы во сне.

— Слишком много думаете. Оттого и скрежещете зубами по ночам. У вас очень развиты желваки и шея с предплечьем. Сидячий образ жизни и работа интеллектуальная, да?

— Типа того.

— Я сделаю вам пластиковую прокладку. Посмотрим, сможете ли вы с ней спать…

Настя закрывает мне глаза руками, и так каждый раз, когда мы вместе смотрим мультфильмы. Это уже традиция.

— Настя, ну, что такое? Почему ты так делаешь?

Она приоткрывает свои ладошки и говорит:

— Кукук!

Створки закрываются.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Скажи, кукук!

— Кукук!

— Папа! Ты кукук! Не надо тебе видеть…

Депрессия странное заболевание. Она доводит тебя до бездны отчаяния, наваливается и давит мыслями о самоубийстве, и может исчезнуть в один момент от поцелуя Катрин, проявляться во время очередного разлада с ней, и таять вновь от примирения. Ты как бы и болен и здоров попеременно. Будучи болен, умоляешь о помощи, но настоящая помощь может прийти лишь от причины её породившей, либо реальной замены. Врачи здесь, увы, бессильны. На них надежды не было, они по сути дела не разочаровали. Сильно ранило отношение Татьяны ко мне. И до всей этой истории, и во время моего пребывания в клинике, да и

после. Держать на дистанции, не показывать ни единого чувства, ни дать ни одной зацепки… Прошел мимо мираж новой любви и испарился. Месяца два ощущения перемен и меня опять накрыло. Я почти сразу забыл, что значит быть вне её — этой самой депрессии. Она опять стала моим телом. Мне опять чуть труднее дышится, я вновь превратился в безвольного идиота.

«Всё тот же зверь-одиночка
Я считаю шажочки до последней до точки.
Побежали летать…»[152]

notes

1

«Созерцать неизбежность смерти следует ежедневно. Каждый день, когда тело и ум пребывают в покое, нужно представлять себе, как тебя пронзают стрелами, убивают выстрелом из ружья, протыкают копьем или разрубают мечом. Каждый день нужно воображать себе, как ты погибаешь в горящем здании, как тебя уносят огромные волны, поражает молния или присыпает обломками каменных стен во время землетрясения. Каждый день нужно переживать падение с высокой скалы…» (автор Ямамото Цунэтомо; перевод на русский Котенко Р.В. и Мищенко А.А.)

2

Bentheberg (нем.) — название горы.

3

Hallo! Sind sie Herr Josef?!. (нем.) — Привет! Вы господин Йозеф?!.

4

Nein (нем.) — Нет.

5

Sind sie sicher?!. (нем.) — Вы уверены?!.

6

Mein Name ist Jew-sej-jew… (нем.) — Моя фамилия Ев-се-ев.

7

Ausweiß (нем.) — удостоверение личности.

Ja, bitte! (нем.) — Да, пожалуйста!

9

Linden (нем.) — район Ганновера.

10

«Карга» (фарси, ударение на первый слог) — многонациональное общество по работе с иностранцами; я в нём работал.

11

«Krisentelefon: Zwangsheirat» (нем.) — Телефон доверия: принудительные браки.

12

Was kostet das alles zusammen? (нем.) — Во сколько всё это обойдётся?

13

Krankenwagen (нем.) — машина скорой помощи.

14

Scheißegal (нем.) — Безразлично до усрачки.

15

Schrecklicher Atem (нем.) — ужасное дыхание.

16

Was soll das? (нем.) — Что это за хрень?

17

Херберт Грёнемайер — Herbert Grönemeyer.

18

В данном тексте имеется в виду фильм Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки».

19

Feierabend (нем.) — конец рабочего дня.

20

Rudi Dutschke (1940–1979) — немецкий марксистский социолог и политик.

21

Oui. Je parle français (фр.) — Да, я говорю по-французски.

Finanzamt (нем.) — налоговая служба.

23

Viva la muerte! (исп.) — Да здравствует смерть!

24

Lebenslauf (нем.) — биография.

25

Sonstiges (нем.) — прочее.

26

Schwere depressive Episode mit akuter Suizidalität (нем.) — Сложный депрессивный эпизод с выраженным суицидом.

27

Ich bin einfach lebensmüde (нем.) — Я устал от жизни.

28

Lügenbaron (нем.) — барон Мюнгхаузен.

29

Wunstorf 1933. Die Nationalsozialisten an der Macht. Ausstellung (нем.) — Вунсторф 1933. Национал-социалисты у власти. Выставка.

30

Adolf Hitler Straße (нем.) — улица Адольфа Гитлера.

31

Göring Straße (нем.) — улица Геринга.

32

Ubi bene ibi patria (лат.) — Наш дом там, где нам хорошо.

33

Тур Хейердал.

Berliner Str. (лат.) — Берлинская улица.

35

Wunschdorfer Str. (лат.) — Вуншдорфская улица.

36

Silvester (нем.) — последний день года; новогодний вечер, канун Нового года.

37

Je ne regrette rien! (фр.) — Я ни о чём не жалею. — строчка из песни Эдит Пиаф.

38

Schlampe (нем.) — неряха.

39

Рюноскэ Акутагава. Из «Слов пигмея»: «Разочаровавшиеся художники».

Ich gebe weiter (нем.) — Передаю слово следующему.

41

Postbank (нем.) — Постбанк.

42

Kontoauszug (нем.) — состояние счёта.

43

Entweder …, oder … (нем.) — или …, или …

Hochdeutsch (нем.) — литературный немецкий язык.

45

Kalter Entzug! (нем.) — Холодное отторжение!

Geschlossene Gesellschaft! (нем.) — Закрытое общество!

Bundeswehr (нем.) — вооружённые силы ФРГ.

Patenschaft (нем.) — опекунство.

Позже я уточню этот факт у Акрама. Он скажет, что это полная чепуха.

Verfluchte Scheiße (нем.) — Чёртово дерьмо!

51

Wie im Gefängnis (нем.) — Как в тюрьме.

52

Life is a miracle! (англ.) — Жизнь — это чудо!

53

Großeltern (нем.) — Бабушки и дедушки.

Langenscheidt (нем.) — название издательства.

55

Для чего я, собственно, вешаю сюда свежее полотенце — если им все пользуются?! Френцель.

Schon (нем.) — уже.

Schön (нем.) — прекрасный.

Schwul (нем.) — педераст.

Schwül (нем.) — душный.

Countdown (англ.) — обратный отсчёт.

61

Machen Sie es gut! (нем.) — дословно: Делайте всё хорошо! Произносится при прощании.

Gott sei dank! (нем.) — Будь богу благодарен!

Gute Nacht! (нем.) — Спокойной ночи!

Alles klar! (нем.) — Всё ясно!

65

Zum Risiken und Nebenwirkungen lesen sie die Packungsbeilage und fragen sie ihren Arzt oder Apotheker (нем.) — окончание каждой рекламы медикаментов: во избежание риска и побочных эффектов прочитайте описание к лекарству и спросите вашего врача или аптекаря.

Hallo! (нем.) — Привет!

Salatteller (нем.) — Тарелка с салатом.

Wie geht es Ihnen? (нем.) — Как у вас дела?

69

Es geht mir gut! (нем.) — У меня всё в порядке!

70

Mediengestalter Bild & Ton (нем.) — дословно: Оформитель видео и аудио. Человек, умеющий всё в области телевидения.

No-budget (нем.) — безбюджетный.

Low-budget (нем.) — малобюджетный.

73

Portfolio (англ.) — папка с примерами работ.

High society (англ.) — высшее общество.

75

Строчка из песни Земфиры «Я полюбила Вас».

76

Строчка из песни Земфиры «Не пошлое».

77

Строчка из песни Земфиры «Jim Beam».

Hausverwaltung (нем.) — домоуправление.

79

Edeka (нем.) — название продовольственного супермаркета.

Gut und günstig (нем.) — Хорошо и дёшево.

81

Learning Albanian for Dummies (англ.) — Изучение албанского для глупых. — пародия на серию учебников под названием «изучение [название предмета] для глупых».

Bezugsperson (нем.) — ответственный за меня.

83

Lust zum Leben (нем.) — Желание жить.

Super! War Spitze! (нем.) — Супер! Было здорово!

85

Медперсонал, который бы за мной ухаживал.

86

Morgen, morgen! Nur nicht heute! (нем.) — Завтра, завтра! Только не сегодня!

87

Heim (нем.) — приют.

Bahnstraße (нем.) — Железнодорожная улица.

Allgemeinpsychiatrie (нем.) — общая психиатрия.

Ja, Oma! Nein, Oma! (нем.) — Да, бабушка! Нет, бабушка!

Danke schön und gute Nacht (нем.) — Спасибо и доброй ночи!

Iwan, der Schrecklicher!.. (нем.) — Иван Грозный!..

93

Das ist mein privates Handtuch! Ich möchte darum bitten, dieses nicht zu benutzen! Frenzel, Thomas (нем.) — Это моё личное полотенце! Я прошу им не пользоваться! Томас Френцель.

Saturn (нем.) — сеть магазинов электронной продукции.

95

«Einer flog über das Kuckucksnest» (нем.) — «Один пролетел над кукушкиным гнездом».

Best picture (англ.) — лучший фильм.

Ausländer raus! (нем.) — Иностранцы, вон [из Германии]!». У партии «NPD», помню, был предвыборный лозунг «Mehr Arbeit für Deutsche!» (Больше работы для немцев!)

Herzlich Willkommen nach Deutschland! (нем.) — Добро пожаловать в Германию!

99

Ich nichts verstehen. Ich Ausländer (нем.) — Я не понимать. Я есть иностранец.

100

Ich spreche mangelhaft Deutsch (нем.) — Я плохо говорю по-немецки.

101

Herr Müller wohnt in einem Haus. Er ist verheiratet und hat zwei Kinder (нем.) — Господин Мюллер живёт в доме. Он женат и у него двое детей.

102

Deutsche Spätaussiedler (нем.) — немецкие переселенцы.

103

Варианты: «Einige hatten zumindest einmal einen Deutschen Schäferhund aus der Ferne gesehen»; «…die Russen, die sich nur deshalb für Deutsche halten, weil ein entfernter Verwandter von ihnen im fernen Russland, im Kino mal einen deutschen Schäferhund gesehen hat…»; «Sie verbindet mit Deutschland höchstens die Tatsache, daß sie mal einem deutschen Schäferhund über den Weg gelaufen sind».

Leben Sie wohl! (нем.) — Прощайте!

105

Aufenthaltserlaubnis (нем.) — разрешение на проживание.

Kanake! (нем.) — Чёрножопый!

107

I like Germany very much! (англ.) — Я очень люблю Германию!

108

Ich hab' dich so lieb! (нем.) — Ты мне очень нравишься!

109

Hate (англ.) — ненависть.

Wie bitte? (нем.) — Простите, что?

111

Gute Nacht! (нем.) — Доброй ночи!

112

Gute Nachrichten! (нем.) — Добрые новости!

113

Я чувствую себя хорошо. Передаю дальше.

Ehrenamtlich (нем.) — на общественных началах.

115

Das ist aber kein Geschenk!? (нем.) — Но это же не подарок?!

116

Кто здесь говорит: «Я не могу»?

Подумайте о шмелях.

У шмелей размер крыльев 0,7 см при весе в 1,2 грамма. По известным законам аэродинамики считается невозможным при таких пропорциях летать. Шмель этого не знает — и просто летит.

117

Строчка из песни группы «Кровосток» «Биография».

118

Das ist aber hart! (нем.) — Однако, это жестко!

119

«Макморри» превратился в «Макмерфи».

«Сильнее» превратилось в «слабее».

121

«Эллис» превратился в «Элвиса».

122

This is the best part of the trip. This is the trip. The best part. I really like… (англ.) — Это лучшая часть пути. Это путь. Лучшая его часть. Мне очень нравится…

123

What did you say? (англ.) — Что ты сказал?

Sorry, Jim! (англ.) — Извини, Джим [Моррисон]!

125

Oh, wie niedlich! (нем.) — Ой, как трогательно!

Viva la muerte! (исп.) — Да здравствует смерть!

No pasaran! (исп.) — Враги не пройдут!

Venzo remos! (исп.) — Мы победим!

129

El pueblo unido jamás será vencido! (исп.) — Единый народ никогда не будет покорён!

Viva la revolución! (исп.) — Да здравствует революция!

131

Teufelskreis (нем.) — замкнутый круг, досл. чёртов круг.

Let it be! (англ.) — Пусть будет так!

133

Кен Кизи «Над кукушкиным гнездом».

134

«…и перед тобой, Эдька, я виновата. Бедный, бедный мой мальчик! И Бог меня накажет, ведь еще в детстве я прочла сказку, где были слова — ты ответственен в жизни за всех, кого ты приручил…»

135

Радуга и кукование кукушки
Больше никогда не встретятся,
Никогда больше, я и ты,
До гробовой доски.

136

Мёрфи, дай мне свою руку!

KT — Kunsttherapie.

138

Ирвин Уэлш «Альковные секреты шеф-поваров» (2006)

139

Liebestherapie — любовная терапия.

140

КВТ — Konzentrative Bewegungstherapie. Какая-то дурацкая терапия — абсолютная чушь. Тема для нашего с Катрин совместного ёрничания.

141

Kalte Nase (нем.) — холодный нос.

142

Из песни «The Beatles» «Hello Goodbye» с альбома «Magical Mystery Tour».

143

Мушкеле (арабск.) — проблема.

144

Владимир Сорокин. «Льод». Это значит лёд по-русски. И другая «Бро».

145

Миртацапин. Красиво. Что всё это значит?

146

Тяжелый депрессивный эпизод с попыткой самоубийства. Комбинированное расстройство личности с нарциссистическими и шизоидными составляющими.

147

Процедурное предложение: Господину Е. настоятельно рекомендовалось дальнейшее профессионально-психиатрическое лечение и в перспективе — психоаналитическая терапия, от которых он пока отказывается, в том числе и от медикаментозного лечения.

148

And the piano has been drinking. Not me, not me (англ.) — Пианино было пьяным, не я…

149

…Erwachsene sehen so traurig aus? (нем.) — …взрослые выглядят такими печальными?

150

Papa, bist du ein Loser? (нем.) — Папа, ты неудачник?

151

Alter! Du bist doch gar kein Loser! Du bist mein Papa. (нем.) — Старик! (в смысле «чувак», подростковый слэнг) Ты совсем не неудачник! Ты мой папа.

Земфира «Лондон».